

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР
ВСЕСОЮЗНЫЙ ИНСТИТУТ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРИЧИН И РАЗРАБОТКЕ
МЕР ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Для служебного пользования
Экз. №

7386

СЛЕДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА

ВЫПУСК **93**

«ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Москва—1972

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н. И. САПОЖНИКОВ (ответственный редактор),
Э. Д. КУРАНОВА (заместитель ответственного редактора),
В. Б. АЛЕКСЕЕВ, Н. И. ГУКОВСКАЯ,
Л. М. КАРНЕЕВА, Н. П. КОСОПЛЕЧЕВ,
А. И. МИХАЙЛОВ, Г. Н. МУДЬЮГИН,
М. Ю. РАГИНСКИЙ, А. Р. РАТИНОВ,
Н. А. СЕЛИВАНОВ, В. Г. ТАНАСЕВИЧ

Рецензент
от Прокуратуры Союза ССР
прокурор Следственного управления
государственный советник юстиции 3-го класса
И. Б. Каганович

Наш адрес: Москва, Д-22, 2-я Звенигородская ул., дом 15.

I. РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ

Старший следователь
прокуратуры Москвы
младший советник юстиции
В. А. ОБРАЗЦОВ

Три цифры на газете

14 июля 1970 г. подростки, купавшиеся в пруду около Большой Академической улицы Тимирязевского района Москвы, нашли на дне старый портфель черного цвета. Когда портфель вытащили на берег, то из его швов и отверстий стала вытекать вода, окрашенная в красный цвет. Заподозрив неладное, подростки сдали находку в местное отделение милиции.

При вскрытии портфеля в нем обнаружили тряпки, испачканные в жидкость, похожую на кровь, электрический утюг со сломанной ручкой, сапожную лапу с обломанной деревянной ручкой, мужскую расческу и осколки бутылки. На перечисленных предметах имелись прилипшие волосы.

Работники милиции халатно отнеслись к подозрительной находке и вспомнили о ней лишь после того, как 17 июля из этого же пруда купающиеся извлекли левую ногу человека, завернутую в куски ткани, газеты и полиэтиленовую прозрачную пленку, а из другого пруда, находящегося у Лиственничной аллеи того же Тимирязевского района, — свертки с двумя половинами туловища мужчины. На нижней части туловища имелись эластичные плавки. Дежурный следователь, составивший протокол осмотра мест происшествия и частей трупа, еще раз осмотрел содержимое портфеля и установил, что находящиеся в нем тряпки являются простыней и наволочкой.

15 июля из залива канала им. Москвы возле станции Левобережная были извлечены два свертка с верхними конечностями человека.

17 июля 1970 г. прокурор Тимирязевского района возбудил уголовное дело. Принявший дело к своему производству следователь этой прокуратуры Захарин направил на биологическое исследование некоторые предметы, содержащиеся в портфеле, и назначил судебно-медицинскую экспертизу частей трупа. Эксперт дал заключение, что все эти части принадлежат трупу одного человека — мужчине. Смерть потерпевшего наступила в течение двух недель до проведения исследования. Заключение экспертизы соответствовало и то, что все части трупа были упакованы однотипно: в куски ткани, газеты, листы из журналов и сверху завернуты в полиэтиленовую пленку. Свертки перетянуты бечевками и обрывками электрических шнуров. В отдельных местах пленка была сколота металлическими женскими шпильками. Такими же шпильками прикреплялась оторвавшаяся с одной стороны ручка портфеля.

Предположив, что голова и правая нижняя конечность могут находиться в одном из водоемов, где обнаружены части трупа, работники милиции и прокуратуры с помощью водолазов обследовали эти пруды и залив. В результате 20 и 21 июля в пруду около Лиственничной аллеи нашли правую ногу и голову мужчины, также упакованные в газеты, куски материи и полиэтиленовую пленку. Сверток с головой находился в жестяном ведре серо-зеленого цвета для сбора пищевых отходов с надписью «Корм».

Голова трупа сильно деформировалась, лицо распухло, волосистой покров частично выпал. Возможность опознания в таком виде практически исключалась.

23 июля по указанию прокурора города дело было принято мною к производству. К этому времени никакими сведениями о личности потерпевшего следствие еще не располагало.

Изучив материалы дела и заслушав информацию следователя и оперативных работников, я совместно с руководителями оперативной группы составил краткий план расследования, в основу которого были положены две основные версии: 1) преступление совершено на почве личных взаимоотношений, и потерпевший является близ-

ким преступнику; 2) преступление совершено из корыстных побуждений лицом, в квартире (доме) которого убит не связанный с ним родственными или иными отношениями потерпевший. Круг предполагаемых потерпевших по второй версии значительно расширился. Им мог быть и иногородний житель, приехавший в Москву. Каждая из основных версий конкретизировалась, дробилась на несколько вариантов.

Ввиду большого объема предстоящей работы пришлось выделить стабильную группу оперативных работников в составе 15 человек. Возглавил ее инспектор уголовного розыска УВД Мосгорисполкома Б. В. Балухта. 74-е отделение милиции Москвы, на территории которого обнаружили части трупа, было избрано местом «штаба следствия»¹.

Для установления личности потерпевшего и преступника необходимо было как можно скорее получить данные по результатам исследования трупа и вещественных доказательств. Дав поручение участникам оперативной группы немедленно приступить к проверке заявлений и сообщений об исчезновении лиц мужского пола, об ориентировании органов УВД о совершенном преступлении, а также выяснить порядок поступления в жилищно-эксплуатационные конторы ведер для сбора пищевых отходов и их использования, я выехал в морг для личного осмотра частей трупа и консультации с экспертом, производившим судебно-медицинское исследование.

Было установлено, что потерпевший имел правильное анатомическое телосложение, его рост составлял 180—185 см, физически хорошо развит, обувь носил 44—45-го размера, на обеих ладонях имелись мозоли, на верхней челюсти спереди два вставных зуба были из желтого металла и, кроме того, на обеих челюстях коренные зубы заменены вставными зубами из белого металла.

По мнению эксперта, смерть потерпевшего наступила от открытой черепно-мозговой травмы. Всего имелось 12 ушибленных ран в волосистой части головы: две — в области темени, а остальные — в затылочной части. Все повреждения являлись прижизненными и могли быть

¹ Активно помогли раскрытию преступления начальник Тимирязевского РОВД В. П. Семкин и руководство 74-го отделения милиции (прим. автора).

причинены тупыми твердыми предметами. Один из ударов нанесен с большой силой и вызвал перелом затылочной кости.

Характер линий разреза свидетельствовал о расчленении трупа остросрежущим орудием, а следы на костях — о том, что применялась и пила. Каких-либо признаков, свидетельствующих о том, что преступник, расчленявший труп, обладает познаниями в анатомии и секционной технике, не имелось.

Таким образом, личная встреча со специалистом, его рассказ, ответы на вопросы и наглядные пояснения помогли уяснить, что потерпевший имел отношение к физическому труду или занимался спортом, а также примерно определить вид орудия убийства, способ расчленения трупа и другие особенности.

По внешнему виду трупа и ряду других признаков эксперт пришел к выводу, что потерпевший был не старше среднего возраста.

По моему предложению эксперт сделал все возможное для реставрации лица убитого. Чтобы обеспечить сохранность головы, он поместил ее в слабый раствор формалина.

Поскольку постановления о производстве судебно-медицинской экспертизы ранее выносились только в связи с исследованием верхних конечностей и туловища трупа, я вынес постановление о назначении дополнительной экспертизы трупа.

Работа по изучению вещественных доказательств началась с того, что они после извлечения из воды были разобраны, просушены, сфотографированы и помещены в специально отведенную для их хранения комнату.

Осмотр вещественных доказательств показал, что для упаковки частей трупа использовались газеты «Комсомольская правда», «Известия», «Вечерняя Москва» и другие, а также листы из журнала «Крокодил». В особенности много было «Вечерок». За время нахождения в воде газеты расплзлись, но на отдельных их клочках частично сохранились названия. Номера и даты газет были установлены по тексту в редакциях.

Сопоставление обрывков газет, в которые были упакованы разные части трупа, показало, например, что газета «Вечерняя Москва» от 19 июня 1970 г. была разор-

вана на две половины, одна из которых использовалась при упаковке головы, а другая — левой ноги. Правая нога была обернута «Вечерней Москвой» от 15 июля 1970 г. Сопоставление этих данных с тем, что первую находку обнаружили еще 14 июля, дало основание предположить, что части трупа упаковывались и выносились с места преступления не одновременно, а в течение нескольких дней.

Для упаковки туловища и правой ноги использовалась еще и светло-коричневая оберточная бумага. На одном из кусков такой бумаги имелась затвердевшая масса, похожая на цемент. В связи с этим я вынес постановление о назначении криминалистической экспертизы для определения химического состава этого вещества и его назначения. В частности, могло ли оно применяться при ремонтных или строительных работах, поскольку в таком случае можно было допустить, что по месту убийства производился ремонт. На той же бумаге мы нашли этикетку, на которой сохранился исполненный типографским шрифтом и чернилами от руки следующий текст: «Типография № 19 «Мосавт» контрольные билеты 7-КГ-683 с 600001 по 700000, 100000 штук упаковщик 45».

Мы сфотографировали этикетку крупным планом и с этим снимком направили инспектора уголовного розыска в типографию. В результате было установлено, что в 1967 году типография № 19 изготовила для городского Управления пассажирского транспорта по заказу седьмого автобусного парка контрольные билеты, которые были рассортированы по пачкам, упакованным в оберточную бумагу светло-коричневого цвета с приклеенной на каждой из них этикеткой. Это подтверждалось соответствующей справкой типографии.

Затем того же сотрудника направили в Управление пассажирского транспорта, откуда он привез новый документ, свидетельствующий, что в июне 1967 года контрольные автобусные билеты проверяемой серии действительно были получены из типографии № 19 и направлены для реализации в седьмой автопарк.

Установление данного обстоятельства имело важное значение, так как указанный автопарк находился в Тимирязевском районе, вблизи от мест обнаружения частей трупа.

Возвратясь к портфелю, мы еще раз осмотрели осколки стекла, находившиеся в нем, и установили, что часть их была от бутылки из-под румынского шампанского «Заря». Из других осколков мы склеили нижнюю часть бутылки, которую направили товароведом райпищеторга. Специалисты определили, что это — часть бутылки из-под импортного вина, имеющегося в продаже в магазинах.

На дне портфеля были обнаружены обгоревшие спички, обрывок бумаги от пачки сигарет «Шипка», обрывок магнитной ленты, клочки от газеты «Вечерняя Москва». Создавалось впечатление, что весь этот мусор замяли в портфель вместе с осколками стекла.

Для установления номера «Вечерки» по клочкам, находившимся в портфеле, я направил в редакцию газеты инспектора уголовного розыска Ракова. В результате кропотливой работы он установил, что эти клочки являются частью «Вечерки» от 19 июня 1970 г. Это доказательство связывало портфель с убийством неизвестного. Как уже отмечалось, в две половины того же номера газеты были завернуты части трупа. При сопоставлении этих двух половин газет и клочков из портфеля обнаружилось их полное совпадение по местам разрыва.

К этому времени поступило заключение биологического исследования, установившего, что на всех направленных на исследование предметах из портфеля имеется кровь человека, совпадающая по групповой принадлежности с кровью потерпевшего. Теперь мы располагали двумя вескими доказательствами, которые прямо указывали на то, что портфель выброшен преступником, совершившим убийство неизвестного.

Устанавливая номера газеты по обрывкам из портфеля, Раков выяснил, что обнаруженные части газеты «Вечерняя Москва» от 19 июня 1970 г. являются вторым выпуском этого номера. Дело в том, что 19 июня, когда часть выпуска уже поступила в экспедицию издательства, было получено сообщение об успешном приземлении советских космонавтов. В связи с этим содержание и оформление первой страницы газеты срочно изменили путем частичной замены текста и помещения фотоснимков. Поэтому экземпляры этого номера, печатавшиеся после 17 час. 55 мин., выпущены в новом, измененном варианте. Как выяснил Раков, второй выпуск газеты направили

для реализации в киоски. В отделения связи Тимирязевского и соседних с ним районов он не попал, так как туда уже поступил первый выпуск. Из этого следовало, что преступник приобрел газету в киоске. Об этом же свидетельствовало и отсутствие номера квартиры, который обычно проставляется почтальонами на газетах перед доставкой подписчикам.

Продолжая исследовать вещественные доказательства, я еще раз осмотрел электроутюг со специалистом по электробытовым приборам. Сняв верхнюю крышку утюга и проверив контакт «тестером», мы установили, что электронагревательная часть его находилась в исправном состоянии и утюг не подвергался ремонту. Вместе с тем было зафиксировано обильное проникновение крови во внутрь, в щель между корпусом и верхней крышкой, а также имелась деформация крепежных болтов затылочной части корпуса. Фабричная бирка свидетельствовала о том, что утюг мог эксплуатироваться при напряжении электрической сети в 220 вольт.

Допустив, что утюг, сапожная лапа и бутылка из-под шампанского могли быть орудиями преступления, я вынес постановление о назначении дополнительной судебно-медицинской экспертизы, перед которой поставил соответствующие вопросы, и направил эксперту указанные предметы. Выводы эксперта соответствовали нашему предположению. В том же постановлении я задал эксперту вопрос о положении, в котором находился потерпевший в момент причинения ему повреждений, и предложил исследовать, не мог ли потерпевший лежать лицом вниз. Последняя версия возникла в связи с тем, что преступник вместе с орудиями преступления выбросил в портфель и окровавленные постельные принадлежности. Нельзя было исключать и того, что убийство совершено во время сна потерпевшего.

Сделав категорический вывод о том, что удары наносились сзади, эксперт не исключал возможности предполагаемой нами позы потерпевшего.

Обработка и реставрация лица трупа дали важные результаты. Так, на правой щеке возле угла рта четко обозначился незаметный прежде старый рваный шрам (келлодный рубец), который переходил на верхнюю губу, делая рот ассиметричным.

Сделали снимки нижней части лица. На них шрам

был хорошо виден, а приоткрытые губы обнажали передние зубы с золотой короной. Снимки были размножены и в дальнейшем сыграли важную роль в установлении личности потерпевшего.

Поскольку у потерпевшего имелось много вставных зубов, я решил провести еще одну судебно-медицинскую экспертизу. Важно также было исследовать и шрам на лице. Целью этих экспертиз являлось получение дополнительных сведений о личности потерпевшего.

Высококвалифицированные специалисты на поставленные вопросы о природе и давности происхождения шрама дали заключение о том, что он образовался от механического воздействия не позднее пяти лет назад. На вопрос о том, когда вставлены зубы и нет ли признаков, по которым возможно определить, что они вставлены в государственном стоматологическом учреждении или у частного врача, эксперт ответил, что имеющиеся мостовидные протезы выполнены одним и тем же специалистом невысокой квалификации не менее двух и не более пяти лет назад. По особенностям изготовления протезов на нижней челюсти эксперт пришел к выводу, что работа выполнена в сельской местности.

Особую роль в расследовании дела сыграла карандашная надпись на газете «Комсомольская правда» от 24 июня 1970 г., обнаруженная в упаковке туловища. В протоколе осмотра, составленном дежурным следователем, было зафиксировано число «20» и перед этим числом палочка, похожая на знак дроби. Эксперты НТО изготовили увеличенный снимок участка газеты с цифрами. Фотоснимок был предъявлен начальнику одного из почтовых отделений района и почтальонам, которые пояснили, что на газете написаны три цифры: единица, двойка и ноль, что обозначает номер квартиры — 120. Мнение почтовых работников основывалось на том, что обычно почтальоны, знающие участок, надписывают на газетах лишь номер квартиры.

Учитывая, что такая надпись имела только на «Комсомолке», мы пришли к выводу, что преступник является подписчиком именно этой газеты, а остальные покупает в киосках. Этот вывод лег в основу мероприятий по установлению личности подписчика.

Закончив основную работу по изучению вещественных доказательств и наметив мероприятия по реализа-

ции полученных данных, я назначил различные экспертизы по исследованию вещественных доказательств. Так, с целью установления места изготовления и реализации плавков потерпевшего и портфеля эти вещи были направлены на товароведческие экспертизы. Портфель исследовался во Всесоюзной торговой палате, а плавки — в Бюро товароведческих экспертиз Мосгорисполкома.

Первая экспертиза установила, что портфель чехословацкого производства. Реализовывались такие портфели в Москве в 1968 году. Всего было продано 4500 штук. Товароведы Бюро дали заключение, что плавки отечественного производства. Конкретное место изготовления и реализации экспертиза не установила, но констатировала, что в Москве и в Московской области плавки такой модели не изготовлялись и не продавались.

К сожалению, не удалось заставить «заговорить» обрывок магнитной ленты. Тем не менее само обнаружение этого предмета среди вещей, выброшенных преступником, являлось дополнительным признаком и сыграло известную роль в расследовании.

Анализ накопленных материалов дал возможность сузить круг проверяемых лиц и сосредоточить поиски убиты на территории, непосредственно примыкающей к местам обнаружения большинства частей трупа.

Предположение о возможном времени и месте преступления обосновывалось следующим. 14 июля обнаружили портфель. Долго находиться в воде необнаруженным он не мог, так как был выброшен в неглубокое место, где в жаркие июльские дни купалось очень много народа. Наиболее вероятно, что портфель выброшен в пруд в ночь на 14 июля. Следовательно, преступление совершено накануне или за несколько дней до этого числа. О том же говорили и результаты судебно-медицинской экспертизы.

Если бы все части трупа были сокрыты в одном месте или в местах, отдаленных от оживленных улиц и кварталов, можно было бы допустить, что преступление совершено в другом районе города и к месту обнаружения эти части привезли. О том же, что преступник не приехал, а пришел к этому пруду, говорил факт обнаружения головы в ведре для сбора пищевых отходов, которое, очевидно, использовалось в качестве тары для переноски. Появление в этом районе человека, несущего

такое ведро, вряд ли вызвало бы у кого-либо подозрение, так как поблизости располагаются животноводческие хозяйства. Бесспорно и то, что преступник хорошо знал микрорайон, в частности подходы к запущенному, заросшему травой пруду, скрытому деревьями.

Обнаружение рук в канале им. Москвы не поколебало нашего убеждения о том, что преступление совершено неподалеку от места обнаружения большинства частей трупа. От второго пруда можно было легко добраться до станции Левобережная по железной дороге. В пользу нашего предположения говорили также расположение седьмого автобусного парка на территории указанного микрорайона и сведения, полученные из районной конторы по сбору пищевых отходов, из которых следовало, что до 1969 года в контору поступали серо-зеленые ведра с надписью «Корм» и распределялись они по ЖЭКам района.

На основании этих данных мы выдвинули версию, что преступник проживает в доме, в котором имеется квартира № 120, напряжение электросети в доме 220 вольт, в этой квартире отсутствует имевшийся там ранее электроутиг выпуска 1964 года, у преступника имеется магнитофон.

Исходя из комплекса добытых сведений, мы наметили круг вопросов, подлежащих проверке с целью установления личности потерпевшего и выявления преступника.

По моему поручению оперативные работники выявили всех подписчиков «Комсомольской правды» на территории определенного нами микрорайона, проживающих в квартирах под № 120. Из них для проверки были отобраны такие, которые выписывают только эту газету или кроме нее и другие, но не «Правду». Последнее условие объяснялось тем, что почтальоны в случае получения подписчиком нескольких газет номер квартиры представляли только на одной, как они говорили, «старшей по званию».

Интересующих квартир оказалось двадцать. По каждому объекту проверки составлялась карточка, в которую вносились сведения о лице, выписывающем газету (газеты), членах их семей с указанием адреса, места работы и специальности, образа жизни и так далее, а также фамилии и адреса почтальонов, работавших 24 июня.

По мере выполнения оперативных мероприятий и следственных действий в соответствующих графах карточки отражались полученные сведения. Этим занимался специально выделенный сотрудник, в задачу которого входила систематизация и обобщение всей информации, получаемой в процессе выполнения следственных и оперативно-розыскных мероприятий.

Многo были допрошены почтальоны, чьи фамилии имелись в картотеке. Им предъявлялся обрывок «Комсомолки» за 24 июня с номером квартиры, но никто из почтальонов не смог определить, его ли рукой сделана надпись. Тогда я отобрал у почтальонов образцы почерка, предлагая им написать карандашом цифры 1, 2, 0 на листах бумаги и на газете. Однако от проведения почерковедческой экспертизы пришлось отказаться, так как не было никаких шансов на то, что практически по одному знаку «2» эксперты смогут дать заключение.

Наше внимание особенно привлекла личность подписчика «Комсомольской правды» Захарова, проживавшего в квартире 120 дома № 4 по Большой Академической улице. Дело в том, что с ним мы встретились и при проверке, проводимой по седьмому автобусному парку. Там мы выбрали всех работников парка, которые проживали в квартирах № 120. Таких работников оказалось трое, в их числе водитель автобуса Захаров. Выяснили также, что Захаров был судим за дерзкое хулиганство, характеризовался как вспыльчивый, агрессивный человек, злоупотребляющий спиртными напитками и увлекающийся азартными играми. Но после тщательной проверки версию о причастности Захарова к преступлению пришлось исключить. Оперативным путем было выявлено, что Захаров никогда не имел магнитофонов, электрических утюгов и сапожного инструмента. Напряжение в доме № 4 было 127 вольт.

Проверка в отношении лиц, проживающих в остальных квартирах под № 120, производилась так. Первоначально мы собрали подробные сведения об этих лицах, их образе жизни. В отношении жильцов некоторых квартир после проведения ряда мероприятий проверка была прекращена.

Оставшиеся квартиры (около 15) мы распределили между членами оперативной группы, как объекты персональной проверки. Проверяющие выезжали на место,

знакомились с расположением дома, квартиры, подходами и подъездами от дома до прудов и станций Октябрьской железной дороги. Через участковых инспекторов они собрали подробные сведения о каждом из жильцов. Одним из обязательных вопросов такой проверки было — не работал ли раньше и не работает ли в настоящее время кто-либо из членов семьи проверяемого, его родственников и близких в седьмом автопарке.

В результате такой проверки отпали подозрения в отношении 19 семей. Сомнения остались лишь относительно семьи Бахтиных — мужа, жены и сына-школьника. Но прежде чем сосредоточить основное внимание на их квартире, я решил еще раз убедиться в том, что остальные квартиры не являются местом совершения преступления.

Для этого в ближайшее воскресенье каждый из оперативных работников под тем или иным предлогом опять посетил свои подшефные квартиры и выяснил у жильцов, не приезжал ли кто к ним в июле из других городов; кто, где из членов семей и когда отдыхал, а кто находился дома; есть ли в квартире магнитофон, электроутюг и т. п.

Результаты посещения квартир были обсуждены и проанализированы на совещании. С учетом всех собранных сведений было решено считать проверку 19 семей завершенной.

Параллельно производилась проверка работников седьмого автобусного парка. Это была трудоемкая работа, так как в парке работало свыше 1000 человек, а с учетом уволенных с 1967 года количество проверяемых достигло 1500 человек.

В особую группу проверяемых мы выделили кассиров автопарка, работавших в 1967—1970 гг. Их оказалось около 30 человек. Некоторых из кассиров, хотя их образ жизни и не вызывал сомнений, я допросил для того, чтобы выяснить порядок учета, выдачи и реализации автобусных билетов, правила обращения с оборотной бумагой и установить лиц, имевших доступ к этой бумаге.

Выяснилось, что движение билетов от момента их поступления на склад автопарка до реализации оформляется соответствующими приходо-расходными накладными, счетами и составляемыми на основании этих до-

кументов сводными ведомостями. После распаковки пачек с билетами оборотная бумага складывалась в комнате кассиров, а затем по мере накопления сжигалась на территории парка. Нередко кассиры завертывали в эту бумагу личные покупки или отдавали для хозяйственных нужд другим работникам парка.

Таким образом, стало ясно, что бумага могла быть вынесена с территории парка только его работниками, и в первую очередь кассирами.

Для установления конкретного лица, работавшего с билетами проверяемой серии, в парк были направлены оперативные работники с поручением произвести выемку соответствующих документов. Оказалось, что документы за 1967 год не сохранились, так как истек трехлетний срок их хранения. Тогда я затребовал акты на уничтожение документации. И так как по этим актам разыскиваемые документы уничтоженными не значились, пришлось направить трех сотрудников милиции в архив автопарка, где они с помощью работников бухгалтерии перебрали каждый документ и все же нужных документов не нашли.

Связавшись с начальником Управления пассажирского транспорта и объяснив положение, я попросил его выделить ревизора для восстановления движения проверяемых билетов внутри парка. Хотя ведомости о реализации билетов были утрачены, в документации парка сохранились накладные на получение билетов кассирами. Ревизор установил, что несколько пачек билетов проверяемой серии получили четыре кассира. Один из кассиров — Соколова распаковала именно ту пачку, оборотная бумага от которой находилась у нас. Убедившись в непричастности Соколовой к совершенному преступлению, мы не стали до времени ее допрашивать. Это объяснялось и тем, что в то время уже шла активная проверка в отношении семьи Бахтиных.

Со дня возбуждения уголовного дела прошел месяц. У нас сложилось твердое мнение о том, что потерпевшим является иногородний. Об этом свидетельствовали факт отсутствия по Москве и Московской области заявлений о его исчезновении, результаты упомянутых исследований зубов, вещественных доказательств и другие обстоятельства. Так, помимо общегородских розыскных мероприятий мы провели специальную работу по установлению личнос-

ти потерпевшего по проверяемому микрорайону, включая каждый дом, в котором имелась квартира № 120. Все оперативные работники и участковые инспектора района имели размноженные фотоснимки нижней части лица потерпевшего. Эти фотоснимки предъявлялись дворникам, техникам-смотрителям и другим лицам, а также соседям по дому, в котором имелась квартира № 120, но никто не знал человека с подобными приметам.

Вместе с тем мы располагали сведениями о том, что в квартире Бахтиных часто останавливаются приезжие из других городов. Кроме того, интерес к этой квартире был вызван следующим: 1) на работу Бахтин ходил пешком мимо пруда возле Лиственничной аллеи; 2) дом находился близко к прудам и железнодорожной станции НАТИ; до каждого из этих мест можно было дойти за 10—15 мин.; 3) семья Бахтиных занимала отдельную двухкомнатную квартиру; все лето их сын жил на даче у родственников; 4) Бахтины характеризовались скрытными людьми, ведущими замкнутый образ жизни. Совпали и другие данные: напряжение в сети их дома было 220 вольт, в доме имелись ведра с надписью «Корм».

Однако к этому времени удалось установить два новых заинтересовавших нас обстоятельства: 1) у Рогожиных, проживавших по соседству с Бахтиными в квартире № 122 и находившихся с ними в приятельских отношениях, без какой-либо необходимости был срочно произведен ремонт пола; 2) в этом доме имели место случаи, когда из ящиков для газет и писем газеты изымались и присваивались соседями подписчиков.

В связи с этим мы решили проверить соседей подписчиков «Комсомольской правды» из 120-х квартир. Дом, где жили Бахтины, продолжал привлекать наше внимание.

В поле зрения следствия попал еще один человек. Это был Владимир Некрасов, 29 лет. Он занимал однокомнатную квартиру № 11 в том же доме, где проживали Бахтины и Рогожины. Некрасов после ухода второй жены вел беспутный образ жизни, пьянствовал, заводил сомнительные знакомства и нередко устраивал дома кутежи. Ранее он был судим за кражу. Последнее время Некрасов нигде не работал. Проживавшая с ним на одном этаже уборщица показала, что Некрасов давно не

появлялся в своей квартире. До весны он ходил с черным портфелем, но месяц назад она его видела с портфелем коричневого цвета. Мы предъявили уборщице фотоснимок портфеля, извлеченного из пруда, и она опознала в нем портфель Некрасова.

При проверке родственных связей Некрасова выяснилось, что мать его второй жены — Карпова с 1963 года по настоящее время работает в седьмом автобусном парке кассиром. Имелся у Некрасова и магнитофон. Кстати, ни у Рогожиных, ни у Бахтиных магнитофона не было. Вскоре в отношении Бахтиных и Рогожиных подозрение отпало. Наряду с этим усилилось подозрение в отношении Некрасова. За его квартирой было установлено непрерывное наблюдение, но ни дома, ни у своих родственников он не появлялся.

Так, еще не установив личность потерпевшего, мы уже располагали серьезными уликами в отношении Некрасова. К этому времени одно-неожиданное для нас обстоятельство ускорило полное раскрытие преступления.

Вечером 26 августа мне в 74-е отделение милиции позвонил инспектор уголовного розыска Балухта и сообщил, что в органы милиции обратился приезжий из Винницкой области Николайчук с заявлением о пропаже сына; сообщенные им приметы совпадали с приметам потерпевшего. Я немедленно приехал к Балухте.

Спустя несколько минут после начала разговора с заявителем у нас не осталось никаких сомнений в том, что неизвестный мужчина, расследованием обстоятельств гибели которого мы занимаемся, является пропавшим сыном Николайчука.

Николайчук показал, что его сын — Николайчук Алексей, 1947 года рождения, шофер автобазы, на правой щеке имеет шрам от укуса собаки. 11 июля 1970 г., взяв отпуск, он вылетел в Москву из г. Винницы, намереваясь обратиться в институт косметологии с целью удаления шрама. Родных и знакомых у сына в Москве нет, и в столицу он поехал впервые. Алексей был одет в черные туфли, черные расклешенные брюки с широким поясом и белую нейлоновую сорочку. На нем была также майка, плавки, носки. С собой он имел около 300 руб., паспорт, и военный билет. В 1965—1967 гг. по месту своего жительства в Винницких хуторах и во время службы в армии в Одесской области он вставил себе зубы из белого

металла, а на два передних зуба верхней челюсти поставил золотые коронки.

Обеспокоенный отсутствием вестей от сына, отец в августе написал письмо в институт косметологии. Оттуда пришел ответ, что 13 июля Николайчук Алексей обратился к врачу и на 15 июля ему была назначена операция, на которую он не явился.

На следующий день я предъявил Николайчуку сложенные соответствующим образом части трупа и накрытые простыней так, что была видна лишь голова, кисти рук и стопы. Он опознал в трупе своего сына. В этот же день отец уехал в г. Винницу, а через несколько дней с фотокарточками сына приехала мать потерпевшего. Она сообщила, что у Алексея имелись расческа, флакончик с духами «Шипр» и наручные часы «Полет».

Николайчук опознала плавки сына и расческу. Как она показала при опознании, плавки были куплены ею лично в г. Виннице весной этого года.

Проверка, проведенная в институте косметологии, дала следующие результаты. По регистрационной книге посетителей значилось, что в понедельник, 13 июля, Николайчук был принят врачом и ему на 15 июля назначили операцию, на которую он не явился. То же подтвердила на допросе и врач Антонова.

Это дало нам возможность установить, что Николайчук убит вечером 13 июля, так как 14 июля в пруду был найден портфель. Осталось неясным, где же он провел две ночи и один день и, если убийство совершено Некрасовым, то когда и где они познакомились.

В институте были выписаны все посетители, которых принимала Антонова 13 июля. Большинство из них оказались приезжими. Первыми я допросил двух девушек-друг Тарасову и Иваниллову из г. Зеленограда.

Девушки показали, что 13 июля они приехали на прием к 12 час. дня. В очереди находился высокий молодой парень, который рассказал им, что приехал из г. Винницы, чтобы удалить шрам на щеке. Они заметили, что у парня на верхней челюсти имелись два вставных зуба. На прием он пришел не один. Его сопровождал друг, москвич, который тоже разговаривал с девушками. Узнав, что они из г. Зеленограда и ездят на электричке по Октябрьской железной дороге, москвич сказал, что хорошо знает эту дорогу, потому, что сам живет возле станции

НАТИ. Приезжий друг из г. Винницы остановился у него. Из очереди также многие видели парня из г. Винницы и его товарища и разговаривали с ними. Приметы спутника Николайчук совпадали с приметам Некрасова: среднего роста, худощавый, рыжеватый. Совпадало и место жительства.

Распорядившись об изготовлении фотокопий с имеющейся у нас фотографии Некрасова, я сообщил о показаниях Иваниловой и Тарасовой начальнику районного отдела милиции тов. Семкину. Вместе с ним мы обсудили план дальнейшей работы.

На подготовленных фототаблицах среди двух других лиц я наклеил фотокарточки Николайчука и Некрасова. Иванилова и Тарасова сразу опознали последних.

В тот же день пять оперативных работников были командированы в различные города для допроса остальных посетителей института косметологии и предъявления им фотокарточек Некрасова и Николайчука для опознания. Еще пять свидетелей опознали потерпевшего и подозреваемого.

Местонахождение Некрасова по-прежнему оставалось неизвестным. Однако по полученным оперативным данным из города он не уезжал.

С обыском и осмотром квартиры Некрасова нельзя было больше медлить, и мы произвели его в присутствии представителя ЖЭКа. В результате обыска, длившегося несколько часов, мы обнаружили многочисленные доказательства, свидетельствующие о том, что Николайчук убит в этой квартире. Это были: окровавленные (но замоченные) матрац, подушка, деревянный каркас полутораспальной кровати; следы замоченной крови и мелкие рассыянные брызги крови на обоях стены у кровати; прозрачные хирургические перчатки со следами крови; обрывки и свертки целлофана и полиэтиленовой пленки; несколько бутылок из-под пива с отпечатками пальцев рук; касеты с магнитофонными пленками и обрывки пленки; несколько номеров газет «Комсомольская правда» за 1970 год и «Сельская жизнь» за 1969 год с карандашными надписями «120» в левой верхней части первой страницы; шпильки для крепления волос; слесарный набор польского производства в брезентовом чехле с пустым кармашком для ножа и односторонней ручной пилой с замоченным полотном и засохшей бурой жидкостью, похожей на кровь,

в пазу между полотном и рукояткой; пустой флакончик из-под духов «Шипр»; электротрансформатор с обрезком шнура; крышка от ведра для сбора пищевых отходов. Простыней, пододеяльников, наволочек, утюга, магнитофона и ведра для сбора пищевых отходов в квартире не оказалось.

Таким образом, Некрасов был изобличен, но еще не найден. Пока шла работа по его розыску, я продолжал выяснять картину преступления и собирать доказательства.

Допрошенный Некрасов Сергей — брат разыскиваемого показал, что в июле Владимир забрал у него коричневый портфель, так как свой черный он якобы порвал. В начале августа 1970 года Владимир украл у него из квартиры 30 руб. и с этого времени не появлялся.

Сергей опознал портфель, извлеченный из озера, как принадлежащий брату и по своей инициативе выдал нож из слесарного набора, оставленный у него на квартире Владимиром при последнем посещении.

Оперативным путем были установлены две женщины — Зайченко и Вилюнова, проживавшие неподалеку от Некрасова. Их допросили. Как сообщили свидетельницы, поздно вечером 11 июля Некрасов познакомил их с парнем по имени Алексей из г. Винницы. Они распили бутылку вина, и Вилюнова вместе с Алексеем и Некрасовым почевала у последнего на квартире. Утром они поехали гулять по городу. Заехали к сестре бывшего мужа Вилюновой, с которой она познакомила Некрасова и Алексея. Вечером они расстались. На другой день около 20 час. Вилюнова и Зайченко заходили к Некрасову, стучали в дверь, но дома никого не оказалось.

Вилюнова и Зайченко опознали Николайчука по фотокарточке как парня, которого они видели у Некрасова.

Из г. Винницы возвратились оперативные работники, командированные туда сразу после опознания трупа Николайчука. Они привезли справки с места работы потерпевшего о времени его ухода в отпуск, о сумме денег, полученных им; изъятый в аэропорту корешок авиационного билета от 11 июля 1970 г. на имя Николайчука; справки, полученные в магазинах по месту покупки рубашки, плавок и туфель; раскройные ведомости, образцы ткани из мастерской, где потерпевший заказывал себе брюки;

фотоснимки фасона туфель, которые носил Николайчук; протоколы допросов свидетелей об образе жизни и цели поездки Николайчука в Москву.

Между тем группа оперативных работников, возглавляемая Балухтой, продолжала кропотливую работу по установлению местонахождения Некрасова. При этом были использованы сведения, полученные при допросе Сергея Некрасова, о связях брата и о его близких друзьях. 5 сентября стало известно, что Некрасов узнал о его розыске и скрылся на квартире знакомой ему женщины. 7 сентября он собирался выехать в одно из отдаленных селений Средней Азии, где у него также имеется знакомая женщина. В тот день в указанной квартире оперативные работники задержали Некрасова.

Убедившись в бессмысленности отрицания своей вины, Некрасов показал следующее:

Вечером 11 июля на улице Горького он познакомился с одним парнем, который приехал из г. Винницы. Узнав, что его новый знакомый Николайчук Алексей не смог устроиться в гостинице, Некрасов предложил ему остановиться у себя. В этот же вечер он познакомил Алексея с Зайченко и Вилюновой. Весь следующий день они гуляли по городу. В понедельник 13 июля они с Алексеем ездили в институт косметологии, где разговаривали с девушками, стоящими в очереди на прием к врачу. К вечеру, захватив пять бутылок пива «Портер», они с Алексеем приехали к нему на квартиру. После того, как было выпито пиво и бутылка вина, Алексей лег спать, а он зашел к соседу «дяде Паше» и выпил предложенную ему брагу. В это время у него и созрело намерение убить Алексея и завладеть его деньгами и одеждой.

Вернувшись в квартиру, он увидел, что Алексей спит на деревянной кровати лицом вниз. Бутылкой из-под румынского шампанского Некрасов нанес ему по затылку сильный удар, от которого бутылка раскололась. Тогда Некрасов достал из-под стола сапожную лапу и стал бить ей, но после нескольких ударов сломалась ее ручка. Последние удары были нанесены электроутюгом. После убийства он перетащил труп в ванную комнату, а окровавленное постельное белье, орудия преступления и замеченный с пола мусор сложил в свой старый черный портфель. Утром 14 июня он выбросил портфель в пруд около Большой Академической улицы.

Вечером 14 июля он расчленил в ванной комнате труп, купив в магазине специально для этой цели польский слесарный набор. Расчленение производил в хирургических перчатках, которые год назад оставил студент-медик, проживавший у него на квартире. Части трупа он сложил в ванной и открыл душ. После того, как сошла кровь, части тела были упакованы и брошены в ночь на 15 и 17 июля в пруды возле Большой Академической улицы и Лиственничной аллеи, а руки — в залив у станции Левобережная. Из кармана брюк убитого он забрал 200 руб., а одежду и вещи его продал: брюки и часы — на толкучке, рубашку — соседу «дяде Паше» за 10 руб., документы Николайчука порвал и выбросил в мусоропровод.

Некрасов также сообщил, что часто забирал газеты из почтового ящика квартиры № 120, к которому подходил его ключ; около года он не работает, средства на жизнь добывает спекуляцией цветами и дефицитными промтоварами.

Так было раскрыто преступление. Успех расследования явился результатом тесного и согласованного взаимодействия следователя с оперативными работниками органов внутренних дел.

Резюмируя эту работу, можно выделить в ней два основных этапа.

1. Интенсивное и планомерное аккумулятивное информации, характеризующей личность потерпевшего и преступника.

2. Изыскание кратчайших путей к установлению личности преступника в условиях, когда еще не установлена личность потерпевшего. Проведенная работа показала, что возможно установление преступника даже раньше, чем установлена личность потерпевшего.

Заключительный же этап следствия (после ареста Некрасова) был направлен на проверку собранных доказательств и расследование других преступлений, выявленных при изучении личности и образа жизни Некрасова.

Как показали допрошенные супруги Бахтины, в 1969—1970 гг. они неоднократно замечали, что из почтового ящика пропадали газеты: «Сельская жизнь», выписываемая ими в 1969 году, «Комсомольская правда» и «Пионерская правда», которые они выписывали в 1970 году. На первых двух газетах почтальоны надписывали

номер их квартиры «120». С целью проверки показаний Некрасова, будто бы его ключом можно открыть почтовый ящик Бахтиных, был произведен следственный эксперимент. Ключ Некрасова легко открывал замок почтового ящика от квартиры № 120.

Проверяя показания Некрасова о том, что оборотную бумагу, используемую для упаковки автобусных билетов, ему приносила теща (Карпова) во время ремонта квартиры, ядопросил последнюю и ее дочь, которые подтвердили это обстоятельство. Было получено заключение криминалистической экспертизы: кусочек застывшей массы, обнаруженной на этой бумаге, является застывшим раствором алебаstra, используемым при ремонте квартир. Кассир Соколова показала, что Карпова, как и другие работники парка, в 1967 году брала у нее оборотную бумагу.

Показания Владимира Некрасова о том, что ведро с надписью «Корм» ему дала его тетка — Некрасова, которая взяла это ведро у дворника, подтвердили как Некрасова, так и дворник. Сосед Некрасова «дядя Паша» (Слестов) добровольно выдал рубашку Николайчука.

Портфель, извлеченный из пруда, был предъявлен для опознания самому обвиняемому и его бывшей жене — Карповой, которыми и был опознан.

Некрасова предъявили для опознания Иваниловой и Тарасовой. Будучи опознанным этими свидетелями, обвиняемый в свою очередь сразу узнал девушек как тех, которых он видел в институте косметологии.

Особое место в проверке доказательств уделялось проведению различных экспертиз. Так, дактилоскопической экспертизой было установлено, что на одной из бутылок из-под лива «Портер», изъятых на квартире Некрасова, обнаружен отпечаток пальца Николайчука. Как показало биологическое исследование, на матраце кровати, находящейся в комнате Некрасова, имеется кровь человека, совпадающая по групповой принадлежности с кровью Николайчука.

В общей сложности мы провели 29 различных судебных экспертиз, выводы которых соответствовали фактическим обстоятельствам, установленным по делу. Некрасов был полностью изобличен в убийстве Николайчука, совершенном им с особой жестокостью по корыстным мо-

тивам. Было установлено также, что Некрасов совершил две квартирные кражи и, нигде не работая, систематически подделывал записи в своей трудовой книжке.

В предъявленном обвинении Некрасов виновным себя признал полностью. Судебнопсихиатрической экспертизой он был признан вменяемым.

Московский городской суд, рассмотрев дело по обвинению Некрасова, признал его виновным в совершении инкриминированных деяний и приговорил его к смертной казни.

*Следователь
Полоцкой межрайонной прокуратуры
Витебской области
младший советник юстиции
А. А. ШЕРСТНЕВ*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ОРГАНАМИ МИЛИЦИИ ПРИВЕЛО К РАСКРЫТИЮ ОПАСНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Утром 1 сентября 1969 г. в 6 час. 30 мин. дворник домоуправления № 1 г. Полоцка Зайковская, закончив работу, возвращалась домой. С ней была собака. Желая сократить расстояние, Зайковская направилась через двор дома № 43 по улице Ленина. Собака забежала в зеленую полосу насаждений, растущих вдоль глухого дощатого забора, и стала лаять. Заглянув в кусты, Зайковская увидела лежащий на земле труп мужчины в окровавленной одежде. О происшествии сообщили в городской отдел милиции и в прокуратуру.

Осмотр места происшествия при активном участии судебно-медицинского эксперта Доросинского продолжался четыре часа. Это был огороженный досками и штакетником двор трехэтажного дома с двумя подъездами, расположенный почти в центре города в 100 м от городского парка, на берегу Западной Двины. В глубине двора растет много больших деревьев, а вдоль сплошного дощатого забора тянется полоса сирени, декоративного кустарника и деревьев. Между кустами сирени стоит круглый столик со скамейкой. На столике были обнаружены пятна крови, монеты достоинством 1 и 2 копейки и расческа. Скамейка была вся в крови, за исключением участка полуовальной формы. Это обстоятельство позволило предположить, что в момент убийства потерпевший сидел за столом.

За скамейкой лежала пустая бутылка из-под вина с этикеткой «Вечерний десерт». На поверхности бутылки имелись два хорошо выраженных пальцевых отпечатка. У края скамейки была большая лужа крови. Около кус-

та сирени валялся пиджак убитого с пятнами крови и множеством проколов. Вдоль забора шел след волочения. Труп лежал в 9 м от скамейки. На груди, спине и шее имелось множество ран.

На заборе и земле возле трупа были пятна крови, а под трупом — лужа крови; карманы брюк вывернуты. Документов и часов не оказалось.

Все это говорило о том, что за столом происходила выпивка, в процессе которой и был убит потерпевший. Тело вначале лежало у скамейки (о чем свидетельствовала лужа крови), а затем его оттащили в более скрытое место.

Судя по расположению и форме пятен крови, можно было предположить, что преступник во время убийства и перемещения трупа обильно испачкал свои руки в крови и затем ее стирал или же в момент нанесения ножевых ударов порезал свою руку, из которой капала кровь, когда он стоял у головы трупа.

Земля на территории двора, а также вокруг деревьев и кустарника была утоптана и обнаружены следы ног человека не удалось.

К концу осмотра из окна третьего этажа высунулась женщина (как оказалось, это была Соболева) и сказала, что накануне вечером, часов в 11, она хотела посидеть за столиком, но из-за кустов ей навстречу выскочил какой-то мужчина и сказал: «Здесь занято». На квартиру Соболевой был направлен работник милиции, чтобы записать ее показания.

По окончании осмотра труп направили в морг. Там еще раз были осмотрены все повреждения как на трупе, так и на одежде. При вскрытии присутствовал следователь. Поскольку убитый не был опознан, сделали множество фотоснимков, изъяли с головы часть волос, сняли отпечатки пальцев и хотели приступить к вскрытию, но в это время в морг пришел житель расположенной в трех километрах от г. Полоцка деревни Чернещина — Владимир Подобо. После предварительной беседы ему был показан труп, в котором Владимир опознал своего брата — Подобо Михаила.

Мы допросили мать и родственников убитого. Они рассказали, что Михаил жил в г. Минске, был холост, работал слесарем и приехал к ним в отпуск 18 августа. Михаил выпивал, но в меру. Одну ночь он не ночевал дома, но есть ли у него знакомые в г. Полоцке, они не знали.

Ушел Михаил из дома нетрезвым 31 августа в десятом часу вечера. Уходя, объяснил матери, что поедет на почту и позвонит в г. Минск на работу, чтобы продлить отпуск еще на неделю. С собой он взял 5 руб. и часы.

При судебно-медицинском исследовании на теле трупа было обнаружено 50 колото-резаных ран: на передней поверхности грудной клетки, шее, передней брюшной стенке и спине. На шее имелось множество царапин и резаных ран. Эксперт установил, что смерть Подобо наступила от острого малокровия, вызванного обильным кровотечением из многочисленных ран, что от момента причинения повреждений до смерти (которая наступила около полуночи) прошло не менее часа. Первыми наносились удары ножом в грудь, причем нападавший, по-видимому, нахмурился сзади потерпевшего и наносил удары из-за спины.

Хотя окружающая место происшествия территория была осмотрена очень тщательно, вечером того же дня жители дома сообщили, что возле подъезда № 1 (наиболее отдаленного от места убийства) на асфальте имеются мазки крови и что в одной из квартир этого подъезда живет Егорова и ее взрослая дочь, к которым ходят мужчины.

При дополнительном осмотре брызги крови и мазки были обнаружены на стене коридора этого подъезда, а один из них находился на внутренней двери квартиры Егоровой. Происхождение мазков крови у подъезда было установлено сразу же. Эту кровь Егорова занесла обувью после осмотра места происшествия, но откуда взялась кровь в ее коридоре и квартире, было не ясно.

К концу дня оперативные работники милиции установили, что 31 августа, в воскресенье, в парке были танцы. В этот день как в самом парке, так и в городе произошло несколько драк и грабежей.

Таким образом, в нашем распоряжении появилось достаточное количество материала, который следовало проверить. Надежды на единственного свидетеля — Соболеву, видевшую преступника, оказались преждевременными. По неизвестным нам тогда причинам Соболева заявила оперативному работнику, что никакого человека у столика она не видела, разговоров с ним не вела и в кустах видела лишь тень человека, а первоначальные ее показания якобы мы неправильно поняли.

На следующий день на утренней оперативной легучке каждому работнику было дано конкретное задание. Вечером подводились итоги и намечалась работа на следующий день. В нашем распоряжении ежедневно имелось 5—6 автомашин (привлекались автомашины предприятий города).

Сначала проводились мероприятия общего характера: по местному радио обратились за помощью к населению города и района; проверили все поликлиники и больницы, куда мог обратиться преступник с порезанной рукой; по паспортным столам городов Полоцка, Новополоцка и Полоцкого района выявили всех лиц, выбывших после 1 сентября, и проверили мотивы их выбытия.

В связи с поступившими к нам данными о том, что Подобо одну ночь провел в каком-то доме по Ленинградской улице, мы произвели сплошной обход всех домов на этой улице. Однако положительных результатов это не дало. Затем произвели сверку отпечатков пальцев, обнаруженных на бутылке «Вечернего десерта», с дактилокартами более чем четырехсот ранее судимых лиц.

Мы были уверены, что лицо, причастное к убийству, является местным жителем, так как постороннему человеку трудно было бы в ночное время в полутемном дворе среди кустов найти уютный уголок со скамейкой и столиком.

По имевшимся у нас сведениям трудно было судить, сколько человек участвовало в убийстве Подобы. Ширина ран была двух размеров. Это могло произойти в результате нанесения ударов двумя ножами или одним, но с двумя лезвиями. Однако плотность расположения ран склоняла к мысли, что здесь действовал один человек. Количество ран и способ их нанесения говорили, с одной стороны, о том, что убийство совершено с особой жестокостью, а с другой, — что это делалось неумело.

Судебно-медицинский эксперт высказал мнение, что убийцей мог быть несовершеннолетний. Поэтому в список лиц, местонахождение и поведение которых вечером 31 августа надлежало проверить, наряду со взрослыми мы вносили и подростков. За 10 дней было выявлено 12 подростков. В список вносили тех, кто отрицательно характеризовался по месту работы или учебы и неоднократно доставлялся в дежурную или детскую комнату милиции. Каждую кандидатуру, прежде чем внести в

список, мы всесторонне обсуждали, советовались с участковыми инспекторами. Все лица, включенные в наш список, тщательно проверялись оперативным путем; на каждого из них составлялся отдельный план проверки с внесением в него результатов проверки.

За участие вечером 31 августа в двух драках работники милиции задержали Филиппова, за грабеж — Тереню и Степанченко, за другой грабеж — Горбатенко. В связи с этим были возбуждены уголовные дела. Наряду с расследованием указанных преступлений выяснялась и причастность данных лиц к убийству¹.

По нашему заданию для выявления свидетелей оперативный работник в первый же день обошел все квартиры дома № 43, во дворе которого было совершено убийство.

Так выяснилось, что около 23 час. жительницу этого дома Прокопеню Аллу провожал домой ее знакомый — Шаповалов Василий. Зайдя во двор дома, они решили посидеть за столиком, но когда подошли к кусту сирени, то из-за него, со стороны столика, послышался какой-то странный хрип. Они подумали, что там лежит пьяный, и ушли к скамейке, стоящей под окном дома у дальнего подъезда, где просидели около часа. Часов в 11 мимо них, возвращаясь с танцев, пробежала домой Егорова Тамара. Потом появился незнакомый мужчина высокого роста, который минут 10 ходил по двору. Из глубины двора к нему подошла Соболева, и они вдвоем пошли к столику, но почему-то быстро вернулись оттуда и сразу же пошли в подъезд, где живет Соболева.

Поскольку Егорова Тамара мимо зеленой полосы проходила позже Прокопеню и Шаповалова, мы решили допросить ее. Как оказалось, зная о том, что в беседке частенько сидят парочки, она ради любопытства мимоходом заглянула туда и заметила тени двух лиц; никаких звуков оттуда не доносилось.

Из показаний названных трех свидетелей можно было судить, что убийство совершено в 11-м часу вечера. Это совпадало с выводами судебно-медицинского эксперта.

С учетом показаний Прокопеню и Шаповалова мы с полным основанием могли считать, что Соболева не рас-

¹ Все они были осуждены по своим делам, к убийству никто из них, как выяснилось, причастен не был (прим. автора).

сказала всего, что знает. Как стало известно, Соболева недели за две до убийства поссорилась с мужем, и он ушел от нее. Вечером 31 августа она встретила со своим старым знакомым, которого пригласила к себе почитать, но, надеясь помириться с мужем, скрывала эту встречу.

Я вызвал Соболеву на допрос. Однако она продолжала утверждать, что никого не видела. Не помогло и напоминание ей о словах, сказанных мне через окно во время осмотра места происшествия. После допроса я решил высказать ей свои соображения о причине дачи ею ложных показаний и сказал, что все жители города с чувством глубокой боли переживают случившееся, многие помогают нам в раскрытии преступления, а она, являясь, быть может, единственным очевидцем, видевшим в лицо преступника, помогает ему избежать ответственности. В конце беседы я выразил уверенность, что она осознает свою ошибку и даст правдивые показания. На этом мы расстались.

Поскольку следы крови вели в квартиру Егоровой, решили проверить версию о причастности к убийству одного из ее сожителей. Как было установлено, в течение последних двух лет с ней сожительствовал Флоря, который пьянствовал и характеризовался отрицательно. Выяснилось, что вечером 31 августа он со случайными лицами выпивал в парке, а затем заходил к Егоровой, но не застал ее.

По словам жены Флоря, муж вернулся домой в тот вечер в 9 час., а сын сказал, что отец пришел часов в 11. Вызывали сомнение показания и самого Флоря, в частности, о том, что он, навещая Егорову около двух лет, будто бы не знал, что в зеленой полосе у забора имеется столик со скамейкой, хотя днем со двора, в том числе и от подъезда Егоровой, столик со скамейкой видны хорошо. Флоря всячески избегал разговора о столике, за которым произошло убийство. При обыске у него был обнаружен перочинный нож, размеры лезвия которого по ширине не превышали размеров ран на теле убитого. Поступили данные о том, что Флоря срочно готовится к отъезду из г. Полоцка. В порядке ст. 119 УПК БССР он был задержан.

В это время мне позвонила Соболева. Она попросила приехать к ней на квартиру, обещая дать ценные показан-

ния. Соболева сообщила следующее: 31 августа в г. Полоцк из Ленинграда приехал к сестре Обухов Юрий. Он родом из той же деревни, что и муж Соболевой. Юрий ей нравился, поэтому, когда он приезжал в отпуск, они часто виделись. В день приезда Обухова они созвонились и договорились встретиться, но разошлись. Обухов пришел во двор ее дома и, ожидая Соболеву, пошел к зеленой полосе, чтобы кого-нибудь спросить, тот ли это дом, который ему нужен. Навстречу ему выбежал молодой человек и сказал, что здесь занято. В этот момент Соболева вернулась к своему дому и встретила Обухова. Она предложила ему посидеть за столиком. Когда они подходили к этому месту, оттуда выскочил человек, которого из-за спины Обухова Соболева не разглядела, и сказал, что здесь занято. После этого они пошли к ней, а на следующий день утром узнали об убийстве во дворе. Тогда же Обухов сказал ей, что, значит, он видел в лицо убийцу. Соболева заверила меня, что в случае надобности Юрий даст правдивые показания.

Обухова в г. Полоцке уже не было. Он уехал к своей матери в Псковскую область. Утром следующего дня я выехал на автомашине в Невельский район Псковской области и допросил Обухова в доме его матери. Он сообщил, что человек, выбежавший ему навстречу от столика, был сравнительно молодым, среднего или несколько выше среднего роста. Других примет он не запомнил, поскольку место освещалось только светом от окон дома. Допрашиваемый заявил, что опознать того человека может только по одежде (костюму, белой рубашке) и иным общим признакам.

Описанные Обуховым приметы (кроме возраста) совпадали с приметами Флоря. Я доставил Обухова в г. Полоцк для опознания Флоря. Обухов, не всматриваясь в предъявленных ему лиц, заявил, что, поскольку вечером 31 августа был в нетрезвом состоянии, опознать никого не может. С учетом результатов этого следственного действия и некоторых оперативных мероприятий подозрения в совершении убийства Флорей отпали, и через сутки после задержания он был освобожден из КПЗ. При освобождении Флоря заявил, что, как и все жители города, знал о совершенном убийстве и ради любопытства подходил к столику, о существовании ко-

тогого знал. Но он боялся говорить об этом на допросах, опасаясь как бы его не заподозрили в убийстве.

Как было установлено впоследствии, кровь, обнаруженная в коридоре и квартире Егоровой, никакого отношения к данному делу не имела.

Прибывшие из г. Минска на похороны Подобо его товарищи по работе Логуновский и Марковский сообщили, что у него имелись часы марки «Полет». Эти часы они знают хорошо, так как Логуновский одно время носил их. А знакомая потерпевшего — Каминская заявила, что часы были марки «Ракета». Таким образом, полной ясности в сведениях о марке часов не было.

Родственники погибшего пояснили, что в г. Новополоцке у него есть товарищ — Ляхов Иван, к которому Подобо за время отпуска несколько раз ездил, но не заставал его дома. Я решил все же допросить Ляхова. И это оказалось очень важным.

Выяснилось, что супруги Ляховы в тот вечер, 31 августа, ездили к родителям в г. Полоцк. Чтобы уехать автобусом домой, они пошли к вокзалу и встретили Подобо Михаила. Он был в нетрезвом состоянии и быстро шел в сторону центра города. Вслед за ним шли четыре или пять неизвестных им парней. Ляхов окликнул Подобо, но тот не ответил, так как был уже далеко.

Благодаря показаниям Ляховых появились новые лица, причастность к преступлению которых следовало проверить (преступник, как оказалось позднее, был в этой группе). Супруги также запомнили точное время встречи с Подобо. Вокзальные часы показывали 21 час. 50 мин. Таким образом, местонахождение Михаила Подобо за час до гибели было установлено.

На девятый день расследования на оперативной ленточке дежурный городского отдела милиции Сопов доложил, что накануне вечером на площади подрались несколько парней. Среди них был несовершеннолетний Стубаров Геннадий, который уже значился в нашем списке. О нем были собраны некоторые сведения, характеризующие его личность. Двум оперативным работникам поручили разобраться в обстоятельствах этой драки. При проверке все участники драки заявили, что на площади они потолкались по-дружески и никакой драки между ними не было.

Со Стубаровым я решил побеседовать подробнее сам. Стубарову было 17 лет, за семь лет учебы он окончил лишь пять классов, нигде постоянно не работал, неоднократно доставлялся в детскую комнату милиции за кражи денег из дома и хулиганские поступки. Городская комиссия по делам несовершеннолетних не раз занималась вопросами его учебы и поведения.

На допросе Стубаров отрицал свою причастность к каким-либо преступлениям. Мы сверили отпечатки его пальцев с отпечатками на бутылке, найденной на месте происшествия. Они не совпадали.

Начальник уголовного розыска Витебской области Сурганов предложил проверить причастность допрашиваемого к приостановленному делу о краже в магазине «Спорттовары» на сумму 1424 руб., имевшей место в мае 1969 года. По этому делу имелись отпечатки пальцев, обнаруженные на оконном стекле магазина. Эксперты установили, что отпечатки на оконном стекле оставлены Стубаровым. Последний рассказал о совершенной им краже.

В числе украденных из магазина ценностей было четыре охотничьих ножа. Каждый из них имел номер. Один из ножей Стубаров подарил дяде, когда заезжал к нему в Гродненскую область, а остальные забрал отец. При обыске этих ножей не нашли. Мы выяснили, что представляет собой отец Стубарова. Он работал бойцом на мясокомбинате. Нервнобольной, издерганный человек, он часто бил своих детей, но в то же время был труслив по натуре. Последнюю черту его характера и решено было использовать. Мы предложили Геннадию попросить отца принести ножи, устроив им кратковременную встречу. Стубаров-старший поплакал, покричал на сына, однако через несколько часов принес два ножа, заявив, что больше ножей у него нет.

За кражу ценностей из магазина Стубаров Геннадий был арестован, но данных о его причастности к убийству у нас не имелось. О вечере 31 августа он рассказал, что был тогда на танцах с Гамерниковой Галей, которую после проводил домой. О краже допрашиваемый рассказывал свободно и подробно, а о вечере 31 августа — неохотно и с большой осторожностью. Складывалось впечатление, что он причастен к убийству. Поэтому мы многого ожидали от допроса Гамерниковой.

Она была вызвана на допрос 11 сентября. Сначала Гамерникову спросили, где и с кем она провела вечер 31 августа. Несколько волнуясь, но с полной откровенностью она рассказала, что была с подругами на танцах, а после их окончания недалеко от парка встретила Стубарова, который отвел ее в сторону и рассказал, что убил человека. Она не поверила. Тогда Геннадий подвел ее к месту убийства, где она увидела на скамейке и земле кровь, а за кустом сирени — смятый пиджак. Потом Стубаров показал ей складной нож, которым убил человека, и ручные мужские часы. Раньше этих часов у него не было. Форму ножа Гамерникова тут же изобразила на бумаге. При следующей встрече, дней через пять, Стубаров ее предупредил, чтобы она никому ни о чем не болтала.

Показания Гамерниковой были записаны на магнитофонную ленту. Их решили проверить путем выхода на место происшествия, но был уж вечер и выполнение этого следственного действия пришлось перенести на утро следующего дня. Нас волновал такой вопрос: не изменит ли она свои показания под влиянием родителей или других лиц; а также ее надо было подготовить к проведению очной ставки со Стубаровым.

Опасения были не беспочвенны, так как мы имели сведения о том, что Галя легко попадала под влияние других лиц. Школой она характеризовалась отрицательно.

Поскольку Гамерникова была еще несовершеннолетней, решили оставить ее на ночь в детской комнате под надзором работницы милиции — инспектора этой комнаты. О своем решении поставили в известность мать Гамерниковой.

В тот же вечер после предварительной подготовки мы приступили к допросу Стубарова и вновь начали с того, как он провел день и вечер 31 августа и с кем. О дневных похождениях он рассказывал охотно, а о вечерних — давал путаные показания и даже по отдельным фактам противоречил сам себе.

Как только Стубарову сообщили о показаниях Гамерниковой, он рассказал подробно об обстоятельствах убийства Подобо. Выяснилось, что в течение дня и вечера 31 августа Стубаров пять раз распивал спиртные

напитки со своим старшим братом Редьковым Валерием, который давал ему деньги. В трех случаях к ним присоединялись для выпивки еще трое парней: Заляцкий, Евраев и Кравченко. Последний раз они выпивали в 9 час. вечера у магазина «Комсомольский». От магазина пошли к вокзалу, а затем в парк. Когда они шли от вокзала, то догнали какого-то парня, с которым Стубаров заговорил, и тот, уже будучи нетрезвым, пригласил его выпить. Они вдвоем пошли в магазин, а остальные ребята отправились в парк. В магазине «Юбилейный», расположенном в центре города, Стубаров и незнакомый парень купили три бутылки красного вина и одну из них распили у почты. Затем парень пошел звонить в г. Минск, а когда вернулся Стубаров, зная об укромном месте во дворе дома № 43 по улице Ленина (этот дом расположен в 200 м от магазина «Юбилейный»), завел его туда, чтобы допить остальные бутылки. Как показал Стубаров дальше, во время ссоры из-за вина он зашел за скамейку, достал нож с кнопкой для автоматического выбрасывания клинка и нанес им парню множество ударов.

Стубаров также сказал, что во время совершения убийства к столику пытался подойти мужчина, а затем тот же мужчина с женщиной, но он выбежал им навстречу и говорил, что здесь занято. По поводу вывернутых карманов он пояснил, что надеялся найти документы убитого, а часы с руки парня снял, чтобы не остались на стекле отпечатки пальцев. Оттащив труп за кусты сирени, он стряхнул с рук кровь и побежал закрывать пиджак и туфли; на месте происшествия он был минут 30.

Основные детали рассказа Стубарова соответствовали объективным данным, полученным при осмотре места происшествия и проведении других следственных действий. Теперь можно было проверить его показания. Мы установили четырех свидетелей, которые видели его в магазине и у почты вместе с Подобо.

Стубаров заявил, что часы выбросил в речку, а нож — в домашнюю уборную. Затем он изменил показания, заявив, что бросил часы в топящуюся печку.

На следующий день с участием Гамерниковой мы выехали на место убийства. Основные моменты этого следственного действия были сфотографированы.

Одновременно в доме Стубаровых производился обыск, который длился целый день. В большой куче навоза, перемешанного с золой, мы нашли обгоревшие и оплавившиеся часы, а в туалете — охотничий нож, уже третий по счету из украденных Стубаровым в магазине. Но нас больше интересовал складной нож. В связи с этим Стубарову был прямо поставлен вопрос: где же тот нож, которым он убил Подобо. Убедившись в бесполезности заперательства, Стубаров заявил, что нож на следующий день после убийства нашел у него в кармане отец и забрал себе.

Производство повторного обыска мы считали нецелесообразным, так как не надеялись обнаружить нож. Решили еще раз устроить встречу Стубарова с отцом. Мы принимали все меры, чтобы до нужного нам времени у Стубарова-старшего складывалось впечатление, что сын его подозревается только в краже ценностей из магазина и поэтому нас интересуют только украденные им ножи. И вновь Стубаров Геннадий предложил отцу принести тот складной нож, который отец забрал у него утром 1 сентября. Однако отец уже догадывался, что сына подозревают в убийстве, и сильно разволновался. Пришлось прекратить встречу. Но все же и на этот раз он принес нож, сказав, что нашел его в туалете, где мы якобы плохо искали. Вряд ли это было так, поскольку при очистке туалета оттуда были извлечены не только крупные предметы, но даже гвозди и металлические пуговицы. Применяли мы при этом спецмашину и магнитный искатель.

Принесенный отцом складной нож был именно тем, которым Стубаров совершил убийство. Это подтвердилось заключениями судебно-медицинской и физико-технической экспертиз. Скос конца клинка принесенного самодельного ножа был длинным, поэтому раны на теле различной глубины имели и различную ширину.

Эксперт-товаровед, исследовавший механизм обгоревших часов, пришел к выводу, что это часы марки «Ракета». При уточнении данного обстоятельства свидетели Логуновский и Марковский пояснили: так как название часов связано с космосом, они перепутали их марку. По делу проводились также биологические и другие экспертизы.

Убийство было расследовано полностью. В раскрытие

преступления много труда вложили начальник УР УВД Витебской области Сурганов, эксперт-криминалист Полоцкого ГОВД Клюев, прокурор-криминалист Витебской областной прокуратуры Гельштейн, бывший начальник ОУР Полоцкого ГОВД Лесниковский.

Витебским областным судом Стубаров был осужден за кражу государственного имущества, убийство с особой жестокостью и кражу личной собственности граждан к десяти годам лишения свободы, а его брат, Редьков, за вовлечение несовершеннолетнего в пьянство — к трем годам лишения свободы. Гамерникову сочли целесообразным за недонесение к ответственности не привлекать.

ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННАЯ ИНФОРМАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ ПОМОГЛА БЫСТРО РАСКРЫТЬ УБИЙСТВО

Вечером 10 февраля 1970 г. в отдел милиции г. Нурека обратился шофер Хамидулин, который сообщил, что примерно в 21 час. 20 мин. он и шофер Зейдулаев, следуя по новой нурекской дороге в сторону г. Душанбе, на 18 км от г. Орджоникидзе увидели автомашину «Волга» типа фургон СБЛ 27-29, стоящую с зажженными фарами и открытыми дверями. Рядом с автомашиной лежал труп мужчины, а недалеко от трупа, там же на дороге, сидел мужчина без верхней одежды с окровавленной грудью. Сидевший сказал Хамидулину, что «нас с товарищем» обстреляли, и попросил довезти его до г. Нурека. Едва высказав просьбу, он упал и скончался.

Когда работники следственных органов выехали на место происшествия, в отдел милиции г. Нурека обратились Шамсиев, заведующий гаражом Кулябского горздравотдела, и Курбанов, шофер того же гаража. Они сообщили дежурному, что примерно в 21 час. 10 мин., перегоняя из г. Душанбе в г. Куляб автомашину УАЗ, на развилке старой и новой нурекских дорог встретили автомашину не то ГАЗ-53, не то ЗИЛ-130. Шофер этой машины остановил их. Из кабины вышел молодой человек, по виду — русский. Представившись следователем, молодой человек сказал, что на дороге совершено убийство, и попросил доставить его в отдел милиции г. Нурека. Шамсиев и Курбанов согласились выполнить просьбу. По дороге в г. Нурек они проезжали мимо стоявшей с зажженными фарами «Волги» и видели возле нее двух человек, один из которых лежал, а другой стоял. Шамсиев и Курбанов хотели остановиться, подобрать потерпевшего, но пассажир не разрешил, пояснив, что без ми-

лицы этого делать нельзя. По прибытии в г. Нурек молодой человек сошел с машины и скрылся в темноте. Шамсиеву и Курбанову поведение их пассажира показалось подозрительным, и они сразу же обратились в милицию.

Шамсиев и Курбанов подтвердили то, что уже сообщил Хамидулин. Хотя дежурный знал, что в отделе нет следователя русской национальности, сообщение о странном поведении ночного пассажира его не насторожило — меры приняты, на место происшествия уже выехали, а дальше разберутся.

Осмотром было установлено следующее. Автомашина «Волга», принадлежащая автобазе «Таджикглавэнерго», находилась на середине проезжей части новой дороги Душанбе—Нурек по направлению в сторону г. Нурека «Волга» стояла на ручном тормозе с выключенным зажиганием. Все двери были открыты, лобовое стекло справа и слева имело пробиты. Переднее сидение и правая передняя дверь были обрызганы кровью, а на полу, под сиденьем водителя, натекла лужа крови. На заднем сиденье и на полу возле него валялись семь гильз от патронов калибра 7,65 мм пистолета системы «Макарова»; пять пуль того же калибра были найдены на полу возле переднего сиденья.

С левой стороны автомашины, вдоль нее, лежал труп шофера «Таджикглавэнерго» Живодерова с тремя огнестрельными ранениями. В двух метрах от него лежал труп шофера той же автобазы Шипицина с четырьмя огнестрельными ранениями. Одежда Шипицина валялась вокруг машины. При осмотре автомашины и обработке соответствующих мест порошками были обнаружены следы пальцев рук Живодерова; других следов не оказалось. Результаты осмотра свидетельствовали, что стрелявший сидел на заднем сиденье и открыл огонь еще до полной остановки машины.

Утром 11 февраля по указанию прокурора республики расследование преступления было поручено мне. Министр внутренних дел поручил возглавить оперативную группу своему заместителю. Работники милиции немедленно организовали проверку лиц, которые могли иметь доступ к пистолетам системы «Макарова». Одновременно перекрыли возможные пути сокрытия преступника.

Были вызваны на допрос Шамсиев и Курбанов, сообщившие о странном ночном пассажире, поскольку воз-

никло предположение о причастности последнего к убийству на дороге. В дополнение к сделанному ими ранее сообщению допрошенные показали, что их пассажир правую руку держал под одеждой, а левая — у него была в крови, и он объяснял это тем, что трогал убитого. Характерных примет ночного пассажира Шамсиев и Курбанов назвать не могли, так как видели его только в темноте.

При осмотре их автомашины на стеклянной перегородке, отделяющей кузов от кабины, был обнаружен отпечаток большого пальца левой руки, не принадлежащий ни одному из тех лиц, кто в течение последних трех дней ездил на машине. Отпечаток был сфотографирован, а стекло изъято и направлено на дактилоскопическую экспертизу.

В результате допроса родных и сослуживцев потерпевших мы установили, что Живодеров и Шипицын дружили с шоферами соседней автобазы Колядиным и Минаевым.

Последние показали, что днем 10 февраля они договорились с Живодеровым и Шипицыным встретиться вечером на железнодорожном вокзале и вместе пойти в ресторан. Когда в 19 час. 40 мин. Колядин и Минаев подъехали к стоянке такси возле вокзала, Живодерова и Шипицына там не оказалось. Тогда они попросили знакомого им шофера такси Фролова передать Живодерову и Шипицыну, что скоро вернутся, а сами уехали.

Как показал Фролов, просьбу он выполнил, но Живодеров и Шипицын не стали ждать, так как к стоянке такси подошли два человека, и один из них попросил довезти его до г. Нурека, предлагая за это 20 руб. Живодеров согласился, и «Волга», в которой сидели Шипицын и пассажир, сразу же уехала. Примет пассажира и провожавшего Фролов не запомнил, поскольку был в нетрезвом состоянии. Допрошенный также сказал, что после отъезда Живодерова с пассажиром кто-то из водителей такси говорил ему, что однажды возил этого парня до г. Нурека и тот скрылся, не расплатившись.

Во всех автохозяйствах города были проведены собрания. На них разъяснялась необходимость установления свидетелей, которые могли бы своими показаниями существенно облегчить и ускорить поиски опасного преступника. После одного из таких собраний в отдел мили-

ции явились шоферы такси Мальцев и Пулатов. Они подтвердили показания Фролова. Пулатов опознал на фотографии Живодерова и рассказал, что пассажир, уехавший с Живодеровым 10 февраля, очень похож на того гражданина, который однажды доехал на машине Пулатова до г. Нурека и, не расплатившись, скрылся. Мальцев и Пулатов подробно описали приметы ночного пассажира. По словам свидетелей, они могли опознать его.

Вначале мы решили организовать патрулирование по городу вместе с Мальцевым и Пулатовым. Однако возникло опасение, что, если ночной пассажир не будет обнаружен в течение нескольких дней, свидетели устанут от постоянного всматривания в толпу, и зрительный образ незнакомца как бы сотрется в их памяти.

На этом этапе решили использовать фоторобот. Были составлены два фотопортрета: один — по признакам, названным Мальцевым, другой — по признакам, указанным Пулатовым. Однако увидев портреты готовыми, оба свидетеля заявили, что они лишь отдаленно напоминают лицо незнакомца.

Тут возникла мысль пригласить художника-портретиста. Художник перерисовал оба фотопортрета, а потом по замечаниям Мальцева и Пулатова внес в них изменения. А для того, чтобы очевидцы могли объяснить художнику, что именно и как следует уточнить в изображении лица незнакомца, им в качестве наглядных пособий предоставили старые фотографии и плакаты.

В течение двух дней (12—13 февраля) были созданы два портрета ночного пассажира. Поскольку они все же отличались один от другого, решили использовать оба портрета. Их немедленно размножили и передали всем районным отделам и постам ГАИ.

Целесообразно было обратиться и к помощи населения, поэтому составили текст выступления для телевидения. В нем сообщалось, что разыскивается опасный преступник, который 10 февраля вечером на железнодорожном вокзале г. Душанбе сел в «Волгу» № 27—29 и выехал в г. Нурек, но около 21 час. пересел на грузовую машину, идущую в сторону г. Душанбе, и сошел на развилке дорог. Всем, кто знает или видел этого человека, предлагалось позвонить по указанному телефону либо явиться в милицию.

13 февраля в 21 час. была прервана кинопередача, и с текстом сообщения перед телезрителями выступил старейший работник МВД республики. После его выступления в течение двух минут показывались портреты ночного пассажира.

Уже в ночь на 14 поступило 50 сообщений. Эти сообщения немедленно проверялись. В 9 час. утра 14 февраля явился Абдуламинов и заявил, что он и есть шофер грузовика, который вечером 10 февраля подвез незнакомца до развилки дорог, ведущих в г. Душанбе.

До 14 час. этого дня было доставлено по указанию граждан шесть человек, имевших сходство с портретами, показанными по телевидению. Но среди них ночного пассажира не оказалось.

В 15 час. в одно из отделений милиции г. Душанбе явилась семнадцатилетняя Шарипова. Она сообщила, что Юрий Шувалов, с которым она ранее сожительствовала, часто приходит к ней домой и скандалит. Когда Шарипова 11 февраля вернулась домой, дверь в ее квартире была сломана, а в комнате спал Шувалов. Соседки рассказали ей, что, ломая дверь, Юрий отдал им свое пальто. В его кармане они обнаружили пистолет. Утром 14 февраля соседская девочка сказала Шариповой, что накануне по телевизору показывали портрет преступника, очень похожего на Юру.

Как показали на допросе Аракчеева и Грызунова (соседки Шариповой), они пытались помешать Шувалову ломать дверь, но безуспешно. Ломая дверь, Юрий для удобства снял пальто и передал его Аракчеевой. Последняя и увидела в кармане пистолет. Шувалов успокоил женщин, сказав, что работает в милиции и вчера, когда убили шоферов, гонялся всю ночь за преступниками, расстрелял семь патронов.

Женщинам были предъявлены пистолеты разных систем. Обе они указали на пистолет системы «Макарова», заявив, что такой же видели у Шувалова.

В тот же день, 14 февраля, в 19 час. Шувалов был задержан. При обыске в его квартире, под ванной, нашли пистолет системы «Макарова», из которого, как впоследствии установила судебно-баллистическая экспертиза, и были выстрелены пять пуль, обнаруженные на месте преступления.

Сразу же после задержания с участием судебно-

цинского эксперта мы осмотрели одежду Шувалова. На манжете брюк и рукавах пиджака были обнаружены темные пятна. Специалисты-биологи установили, что эти пятна являются кровью человека, группа которой совпадает с группой крови потерпевших.

Результаты дактилоскопической экспертизы также свидетельствовали о том, что след пальца, обнаруженный на стекле автомашины, оставлен большим пальцем левой руки Шувалова.

Свидетели Мальцев и Пулатов опознали Шувалова среди других предъявленных им лиц как человека, который вечером 10 февраля 1970 г. вместе с Живодеровым И Шипициным на автомашине «Волга» выехал со стоянки такси возле железнодорожного вокзала в г. Душанбе, направляясь в г. Нурек.

В понедельник 16 февраля в прокуратуру явились Земсков и Хамидуллин. По их словам, они днем 10 февраля выпивали вместе с Шуваловым. При этом последний хвастался, что работает в органах милиции, и показал пистолет. Вечером Земсков проводил его до железнодорожного вокзала, откуда тот на попутной автомашине поехал в г. Нурек. Увидев по телевидению фотографию человека, похожего на Шувалова, они предположили, что преступником может быть он, и решили в понедельник сообщить об этом в органы милиции.

Таким образом, благодаря использованию фоторобота и привлечению общественности преступление удалось раскрыть в течение четырех дней.

Расследованием было установлено, что Юрий Шувалов, 1952 года рождения, 8 февраля 1970 г. похитил пистолет в г. Душанбе у знакомого сотрудника милиции¹. 10 февраля он поехал в г. Нурек на «Волге», управляемой Живодеровым. В пути, когда автомашину трянуло, из кармана Шувалова выпал пистолет. Увидев пистолет, Шипицин заявил, что Шувалов никуда не уйдет, пока они не доедут до милиции. Шувалов испугался разоблачения и семью выстрелами убил Живодерова и Шипицина, после чего скрылся.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Таджикской ССР приговорила Шувалова к десяти годам лишения свободы.

¹ За небрежное хранение оружия сотрудник милиции осужден.

Анализ обстановки места происшествия помог установить личность убийцы

Как известно, по большинству уголовных дел осмотр места происшествия является одним из основных первоначальных следственных действий, в процессе которого следователь фиксирует обстановку на месте, следы преступления и преступника, мысленно воссоздает картину совершенного преступления. Особенно важное значение осмотр места происшествия имеет по делам об убийствах.

Правильная организация работы на месте происшествия и тщательность осмотра — залог раскрытия преступления, так как обычно на основе анализа данных осмотра следователь может составить представление не только о мотиве убийства, но и о личности убийцы, а иногда и о поле преступника, его комплекции, росте, физическом развитии и других его приметах.

Показательно в этом отношении расследованное мною дело об убийстве Иванцовой.

Двадцатилетняя Иванцова работала технологом на Ленинградском вагоно-ремонтном заводе № 1 и жила в квартире заводского общежития. Квартира эта находилась на четвертом этаже. В трех комнатах ее помимо потерпевшей проживали еще десять девушек.

19 февраля в 7 час. утра все они ушли на работу, а Иванцова осталась дома, так как, готовясь к защите дипломного проекта (она училась на заочном отделении Ленинградского техникума химической промышленности), находилась в учебном отпуске.

Труп Иванцовой был обнаружен в тот же день около 12 час. дня возвратившейся домой с работы соседкой по

квартире Карауловой, которая сразу же сообщила об этом в милицию.

Прибывший на место происшествия старший следователь прокуратуры Ленинграда произвел осмотр.

Труп Иванцовой лежал на полу одной из комнат. На голове и руках убитой имелись множественные раны. На месте преступления были обнаружены принадлежащие проживающим в квартире девушкам окровавленные топор и столовый нож. Под трупом и возле него валялись обломки стула, обильно испачканные кровью.

На кухне находилась продуктовая сумка покойной с картофелем, морковью и хлебом. Возле сумки на столе лежали нераспечатанная коробка с пельменями и сверток с котлетами. На потерпевшей было одето пальто, боковой внутренний карман которого был вывернут. Все это свидетельствовало о том, что незадолго до гибели Иванцова ходила в магазин за продуктами.

На руке убитой имелись часы марки «Звезда». Часы стояли, стрелки их показывали 11 час. 33 мин. По заключению эксперта часы остановились от удара вследствие поломки обеих концов оси маятника.

В процессе осмотра места происшествия принимались меры к обнаружению следов пальцев рук убийцы. Были соответствующим образом обработаны все предметы, на которых могли остаться такие следы. На некоторых предметах удалось обнаружить пригодные для идентификации личности следы пальцев рук человека. В дальнейшем мы проверили всех лиц, проживавших или бывших в этой квартире, которые могли оставить там свои отпечатки. В результате было установлено, что след пальца руки, обнаруженный на дверной ручке комнаты, где лежал труп Иванцовой, никому из них не принадлежит и, возможно, оставлен убийцей.

По заключению судебно-медицинской экспертизы, смерть Иванцовой последовала от нанесенных ей рубленых ран головы с размозжением головного мозга. Эксперт обнаружил на трупе 42 раны, из которых: 17 рубленых, 11 колото-резаных и резаных и 14 ушибленных. Эти раны были расположены на голове, шее и руках убитой. Кроме того, на шее, лице и руках погибшей имелись царапины, кровоподтеки и ссадины.

Множественность ран на трупе, использование убийцей в качестве орудий преступления топора, ножа и сту-

ла, а также тот факт, что брызги и пятна крови имелись на многих предметах — все это свидетельствовало о том, что между убийцей и погибшей (видимо, равных по силе) происходила борьба.

В сжатых пальцах рук убитой мы обнаружили волосы, кроме того, на полу в луже крови также были найдены два пучка волос. На подошве правого сапога Иванцовой имелаась кровь. Сапог с левой ноги лежал недалеко от трупа, а носок и часть подошвы чулка на этой ноге были пропитаны кровью.

Возникло предположение, что в ходе борьбы убийца мог получить ранение. Следовательно, на месте происшествия могут находиться следы и его крови. Для проверки этого предположения на биологическое исследование направили все изъятые с места происшествия предметы, на которых имелись следы, похожие на кровь. Перед экспертом была поставлена задача проверить группу крови на всех этих предметах.

Необходимо отметить добросовестность и настойчивость, проявленные заведующей биологическим отделением Ленинградской городской судебно-медицинской лаборатории Р. Я. Ватис, проводившей эту трудную и сложную экспертизу. Сложность ее состояла в том, что на направленных на экспертизу объектах имелись множественные следы крови, каждый из которых предстояло проверить на групповую принадлежность. Кропотливая работа эксперта увенчалась успехом. На кармане пальто и кофте убитой, а также на других предметах, изъятых с места происшествия, были обнаружены следы крови, которые относились к IV (AB) группе и не совпадали с группой крови Иванцовой.

Проверялась причастность к убийству Иванцовой лиц, обращавшихся вскоре после убийства в медицинские учреждения города по поводу имеющихся у них ранений. Однако это результатов не дало.

Как было установлено, из квартиры убитой преступник похитил демисезонное дамское пальто, валенки, головной платок и халат, а также простыню, две наволочки и полотенце, принадлежавшие соседкам погибшей. Обращал на себя внимание тот факт, что все эти вещи не представляли значительной ценности. Вместе с тем в комнатах находились на видном месте, но не были взяты

преступником более дорогие вещи и предметы. Складывалось впечатление, что в ходе преступления на одежду и обувь убийцы попала кровь, в связи с чем он, боясь выйти днем на улицу в таком виде, переоделся и надел на себя ту находившуюся в общежитии женскую одежду и обувь, которые подходили ему по размеру. В пользу этой версии свидетельствовал и факт похищения простыни, двух наволочек и полотенца, в которые преступник мог завернуть свою окровавленную одежду и обувь и вынести их из общежития, не привлекая внимания окружающих.

Учитывая все это, была выдвинута версия о том, что убийцей является женщина. О комплекции и росте ее можно было судить по размерам одежды и обуви. Анализируя сведения, добытые при осмотре места происшествия, следствие пришло к выводу, что убийцей Иванцовой является женщина среднего роста и комплекции, у нее имеются кровоточащие раны (или рана), ее кровь относится к IV (AB) группе, на одежде и обуви ее имеются следы крови и что она склонна к квартирным кражам. В пользу последнего предположения свидетельствовало состояние шкафов и чемоданов в комнате, где лежал труп Иванцовой; их содержимое проверялось убийцей. По-видимому, последняя проникла в общежитие для совершения кражи, но была застигнута на месте преступления возвратившейся из магазина Иванцовой и убила ее, чтобы избежать разоблачения. Все иные версии о мотиве убийства Иванцовой при проверке не подтвердились.

Шли месяцы, а установить личность убийцы не удавалось. Следствие по делу было приостановлено. Однако активный розыск преступника продолжался. Поиски его велись в основном среди лиц женского пола. Проверялась причастность к убийству Иванцовой женщины, ранее привлекавшихся к ответственности за квартирные и иные кражи, а также женщины, совершивших эти преступления после убийства Иванцовой.

В результате этой работы после семимесячных поисков мы обратили внимание на 30-летнюю Давыдову, которая в то время нигде не работала и систематически пьянствовала. Это произошло так. 25 сентября в 20-е отделение милиции Ленинграда зашел мужчина, назвавшийся Давыдовым, и передал паспорт серии XVIII-ПА

№ 649439 на имя Соловьевой Людмилы. Он заявил, что нашел его у своей жены Давыдовой Матрены.

Как выяснилось, этот паспорт был украден у Соловьевой летом из ее квартиры. Одновременно у нее было украдено принадлежащее ей пальто стоимостью в 187 руб.

Вызванная в 20-е отделение милиции Давыдова заявила, что с мужем у нее отношения очень плохие, и она не знает, каким образом у них дома оказался паспорт Соловьевой.

Было установлено, что Давыдова в течение года работала маляром на том же заводе, где и Иванцова. Затем она ушла в декретный отпуск и после родов нигде не работала. Поскольку ранее Давыдова привлекалась к уголовной ответственности за квартирные кражи, решили проверить ее причастность к убийству Иванцовой. К тому же по комплекции Давыдова подходила к похищенным из общежития предметам женской одежды.

С этой целью дело об убийстве Иванцовой было возобновлено. Так как допрашивать Давыдову по вопросу убийства Иванцовой было тактически преждевременно, решили начать проверку с проведения дактилоскопической экспертизы.

Давыдову вызвали в милицию и опросили по поводу кражи паспорта и пальто у Соловьевой. После этого работники милиции взяли у нее образцы отпечатков пальцев, которые я сразу же направил на экспертизу. По заключению дактилоскопической экспертизы, след пальца, обнаруженный на ручке двери комнаты, в которой был найден труп Иванцовой, оставлен мизинцем правой руки Давыдовой.

Сразу же после получения этого заключения Давыдова была вызвана на допрос и после непродолжительного заперательства признала себя виновной в умышленном убийстве Иванцовой.

Она рассказала, что 19 февраля, около 11 час. утра, проникла для совершения кражи в квартиру № 3 дома № 48 по проспекту Карла Маркса, полагая, что все проживающие в ней лица находятся на работе. Вскоре после этого в квартиру пришла Иванцова и застала там Давыдову на месте преступления. Чтобы избежать разоблачения, Давыдова убила Иванцову, нанеся ей множество ударов стулом, ножом и топором. Однако Иванцова оказала ей сопротивление, в результате чего у Давыдо-

вой были поранены пальцы рук и имелись царапины на лице. Совершив убийство, она сняла с себя окровавленные головной платок, пальто и обувь, которые завернула в украденные на месте преступления простыню, наволочки и полотенце и вынесла их из общежития, предварительно надев на себя украденные ею там же демисезонное пальто, головной платок, валенки и халат.

По словам Давыдовой, свою окровавленную одежду она в дальнейшем вычистила и выстирала. Украденные ею в общежитии пальто и головной платок сдала в пункт приема утиля, а остальные украденные вещи выбросила в мусорный бак во дворе своего дома.

Показания Давыдовой о месте, времени и обстоятельствах убийства Иванцовой объективно подтверждались данными, добытыми при осмотре места происшествия, а также заключением судебно-медицинской экспертизы. Дальнейшим расследованием были собраны и другие доказательства ее виновности в умышленном убийстве.

Так, по заключению эксперта-биолога, следы крови человека, обнаруженные на пальто и кофте убитой и на ряде других предметов, изъятых с места преступления, имеют ту же групповую принадлежность, что и кровь обвиняемой Давыдовой.

На допросе Давыдова заявила, что пальто, украденное ею в общежитии после убийства Иванцовой, она сдала в пункт приема вторсырья на Скобелевском проспекте, но перед сдачей она оторвала от него один рукав. Этим рукавом, по ее словам, она натирала паркетный пол в квартире Земляковой, где его и оставила. Землякова подтвердила показания обвиняемой и доставила в прокуратуру рукав, который потерпевшая Семенова опознала как часть пальто, украденного у нее из общежития в день убийства Иванцовой.

Свидетели Дунаева, Кособрюхов, Сабурова и другие показали на допросах, что зимой, примерно в феврале, они видели Давыдову с исцарапанным лицом и забинтованными пальцами рук. Каждому из них она по-разному объясняла происхождение у нее повреждений.

Поскольку никто из свидетелей, допрошенных через несколько месяцев после убийства, за давностью времени не смог точно вспомнить месяц и дату появления у Давыдовой этих повреждений, с целью установления бо-

лее точного времени их появления пришлось произвести некоторые действия. В частности, была осмотрена история развития ребенка обвиняемой, которому на момент убийства Иванцовой исполнилось три с половиной месяца. Обратила на себя внимание сделанная патронажной сестрой Степановой запись о том, что при посещении ею ребенка Давыдовой (через четыре дня после убийства Иванцовой) мальчик был грязный, так как у его матери на пальцах рук имелись порезы и в связи с этим в последние дни она его не купала. На допросе патронажная сестра подтвердила правильность этой записи.

В процессе расследования было доказано также, что кража пальто и паспорта у Соловьевой совершены Давыдовой, в чем последняя признала себя виновной.

По окончании расследования дело было направлено для рассмотрения в Ленинградский городской суд. Давыдову признали виновной и осудили к длительному сроку лишения свободы.

Старший следователь
прокуратуры г. Нижнего Тагила
младший советник юстиции

В. С. ЮРОВСКИХ

Пе-

КАК БЫЛ ИЗОБЛИЧЕН НАСИЛЬНИК И УБИЙЦА

Несколько лет назад в г. Нижнем Тагиле одно за другим стали совершаться преступления, поражающие своей жестокостью. Неизвестный преступник уводил малолетних девочек (в возрасте 4—7 лет) на чердаки домов, затыкал рот кляпом, снимал одежду, сдавливал горло руками и насиловал. У всех потерпевших имелись явно выраженные признаки асфиксии. Из заявлений родителей этих девочек были известны некоторые обстоятельства совершения преступлений.

Первой жертвой насильника оказалась 7-летняя Катя К., которую преступник увел на чердак дома № 40 по проспекту Ленина под предлогом «помочь подержать шурупчик» и изнасиловал. Вслед за тем была изнасилована 4-летняя Оля М. Ее преступник увлек на чердак дома № 10 по Проспекту строителей, обещая показать кролика. Вскоре после этого преступник изнасиловал 4-летнюю Таню С., которую он завел на чердак дома № 38 по улице Циолковского, обещая показать ей зайчика. Также под предлогом показать зайчика неизвестный преступник унес на чердак дома № 34 по проспекту Мира 4-летнюю Лену К., раздел ее и, затыкая девочке рот кляпом, разорвал ей ротовую полость. От сильной боли девочка громко закричала, и преступник мгновенно скрылся, не осуществив своего намерения.

Во всех случаях каких-либо следов преступника обнаружено не было, за исключением того, что на одежде девочек оставались пятна спермы. И лишь при расследовании покушения на изнасилование Лены К. на чердаке обнаружили окровавленный носовой платок, а у ее 5-летнего брата был изъят шарик, который, как оказалось, преступник дал мальчику на улице, чтобы отвлечь его внимание.

лее изнасилование девочек совершалось днем в центральной части города, на чердаках пятиэтажных домов, вход на которые открывался непосредственно с чердачных площадок. Помимо описанных случаев были зафиксированы также и попытки увода девочек на чердаки.

Обобщив все случаи насильственных преступлений, прокуратура города направила во все районные отделы милиции и штабы дружин ориентировки с описанием примет преступника и способов заманивания им детей на чердаки.

Судя по способам, все вышеуказанные преступления были совершены одним лицом. Насильник легко вступал в контакт с детьми и тщательно избегал взрослых. Хотя описание внешности и одежды преступника, полученное от потерпевших, а также от некоторых малолетних свидетелей, было крайне противоречивым, все же можно было предполагать, что насильником является мужчина в возрасте около 40 лет. Особых примет преступника пока выявить не удалось. Правда, две девочки сообщили, что у него во рту есть один или два металлических зуба, а одна заметила челку на лбу. Некоторые показания детей содержали в себе явные элементы детской фантазии и воображения. В этом заключалась особая сложность в обобщении примет преступника.

Все усилия работников милиции и прокуратуры города, направленные на поимку опасного преступника, оставались безрезультатными.

Попытки «привязать» насильника к некоторым домам и подъездам, а также систематические обходы и патрулирование с малолетними свидетелями по улицам города ни к чему не приводили. Иногда свидетели принимали за насильника лиц, которые не были причастны к вышеуказанным преступлениям. Тогда попробовали создать приблизительный портрет разыскиваемого преступника. Для этого привлекли художника, но нарисованный им портрет, как потом оказалось, имел мало общего с действительным обликом преступника.

Все уголовные дела были приостановлены.

9 мая в седьмом часу вечера на окраине г. Нижнего Тагила, в районе горы Шихан, неизвестный мужчина в возрасте около 40 лет, подойдя к играющим детям, вступил с ними в разговор, помог разжечь костер из сухой травы, а затем позвал к себе 5-летнюю Лену

И. и пальцем руки разорвал ей девственную плеву. Девочка закричала, и преступник скрылся.

Последний случай не был аналогичным предшествующим ни по месту, ни по способу, однако возраст преступника и некоторые общие приметы давали основание предполагать, что им является то же самое лицо. Но это преступление также осталось нераскрытым.

Через несколько месяцев, 6 августа, в этом же городе в районе «Красного Камня» исчезла 10-летняя Вера Г., которая в девятом часу вечера шла домой от своих родственников, проживающих в доме № 107 по улице Пархоменко, но домой не вернулась, хотя ей надо было идти всего 3—4 мин. На таком коротком пути девочка исчезла. Об исчезновении Веры Г. с указанием ее примет на другой день было объявлено по местному радио, но никто ничего существенного сообщить не мог.

Через шесть дней около небольшого островка в речке Тагил, напротив горы Шихан, была обнаружена верхняя часть трупа девочки. Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы труп был расчленен на уровне третьего поясничного позвонка. Причина смерти и способ убийства не были установлены экспертами.

В области грудной клетки и головы не имелось никаких повреждений, желудок и часть внутренних органов отсутствовали, по-видимому вымытые водой. Согласно тому же заключению «тело девочки в момент расчленения находилось на спине, правой боковой поверхностью обращенной в сторону лица, производившего расчленение». Мать Веры Г. опознала в трупе свою дочь.

Никаких признаков, могущих служить вещественными доказательствами, при осмотре места происшествия обнаружено не было.

Нижняя часть трупа отсутствовала, и все усилия отыскать ее в речке Тагил или где-либо в районе, прилегающем к данной местности, не увенчались успехом.

Естественно, что сразу возникло предположение об убийстве Веры Г. в каком-либо закрытом помещении (квартире, сарае и т. п.) с последующим расчленением и выносом частей трупа. В связи с этим работники милиции обошли близлежащие кварталы и побеседовали с их жильцами, выясняя взаимоотношения в семье Веры Г. Возникшая было версия об убийстве девочки ее родственниками впоследствии не подтвердилась.

1 сентября за мелкое хулиганство, а именно — за драку со своей падчерицей Лаврухиной был привлечен к административной ответственности некий Дементьев, 1926 года рождения.

Одновременно с этим в Тагилстроевом районном отделе милиции обратили внимание на материал об откате еще в феврале в возбуждении уголовного дела в отношении Дементьева.

В это время уголовное дело об убийстве Веры Г. было передано для расследования мне.

В указанном выше материале речь шла о том, что Дементьев во дворе школы № 85 обнажался перед девочками-школьницами и был задержан прохожими на месте преступления. Будучи доставленным в отделение милиции, он вначале отрицал свою вину, но затем в собственноручном объяснении признал совершение им развратных действий, лицемерно заявляя о своем раскаянии и о «любви» к детям. Приняв во внимание «раскаяние» Дементьева, работники милиции в возбуждении дела против него отказали.

При изучении этого материала сразу же насторожили объяснения двух девочек, в которых они указали, что задержанного знали и ранее, так как он неоднократно обнажался перед ними на улицах, а иногда звал с собой, обещая показать «зайчика».

Здесь нельзя не отметить беспечность работников Тагилстроевского РОМ, знавших о заманивании девочек на чердаки обещанием показать «зайчика» и в самый напряженный момент поисков насильника сдавших этот важный материал в архив.

Полагая, что убийство Веры Г. является продолжением всей цепи изнасилования малолетних (так заставлял думать особый садизм и жестокость всех этих преступлений), я стал готовиться к допросу Дементьева. Пресловутые «зайчики», казалось, прямо свидетельствовали против него.

На другой же день после изучения материала я вызвал Дементьева на допрос. Его возраст и внешность в целом не противоречили имеющимся сведениям о насильнике, хотя металлических зубов и челки на лбу у него не было.

Улики против Дементьева отсутствовали. Если именно он является насильником, а возможно и убийцей,

то все доказательства совершенных им преступлений можно будет получить, главным образом, лишь от него самого. По фактам изнасилований на чердаках особенно рассчитывать на опознание преступника со стороны малолетних детей не приходилось. По делу об убийстве Веры Г. вообще не имелось никаких данных о возможной причастности Дементьева, если не считать того, что последний проживал в районе исчезновения девочки.

На первом допросе Дементьев категорически отрицал свою причастность к изнасилованиям девочек на чердаках и тем более к убийству, заявляя, что он сам отец троих детей. Однако изобличенный фактом его задержания во дворе школы, он был вынужден признаться, что уже много лет систематически обнажался перед девочками, и назвал примерные районы совершения им актов эксгибиционизма.

В последующие дни путем бесед с жильцами названных Дементьевым домов, мне удалось выявить большое количество девочек, подтвердивших его показания. При этом выяснились многие подробности, характеризующие Дементьева как человека, деградировавшего в своем поведении и полностью отошедшего от соблюдения морально-этических норм.

Располагая материалами о развратных действиях Дементьева, я возбудил уголовное дело по ст. 120 УК РСФСР и арестовал его.

При обыске на квартире Дементьева были обнаружены две пилки по металлу и нож кустарного изготовления.

К этому времени уже имелось заключение судебно-медицинской экспертизы о том, что мягкие ткани трупа Веры Г. расчленены ножом, а позвоночник — пилкой с мелкими зубчиками.

Начались допросы подозреваемого. Рассказав о нескольких случаях развратных действий, совершение которых он объяснял наличием у него тяжелого заболевания (склонности к половым извращениям), Дементьев категорически отрицал свою виновность в изнасиловании девочек на чердаках домов.

Не располагая по существу никакими доказательствами, но помня о «зайчиках», я продолжал проводить настойчивые допросы, используя показания потерпев-

ших. Через некоторое время Дементьев в ходе беседы со мной попытался осторожно выяснить, не считается ли в судебно-медицинской практике серьезным заболеванием болезненное влечение к половым извращениям и не относятся ли случаи разрыва девственной плевы пальцем рук к развратным действиям.

На одном из допросов, пространно рассказывая о своей «болезни», Дементьев признал два преступных факта: разрыв пальцем девственной плевы у девочки на горе Шихан и попытку (по его словам) к совершенно развратных действий с девочкой на чердаке дома по проспекту Мира. О последнем случае он показал, что затащил девочку на чердак и своим носовым платком заткнул ей рот, а убегая, обронил этот платок на чердаке. Он также сказал, что перед этим дал маленькому мальчику детский шарик, который ранее случайно подобрал на улице и носил с собой на всякий случай.

Дементьев написал эти показания собственноручно, после чего я подробно допросил его. Будучи доставленным в район горы Шихан с целью указания места совершения преступления, он принялся симулировать потерю памяти и длительное время бродил по склонам горы, указывая самые неподходящие места. Участникам проведения этого следственного действия пришлось проявить максимум терпения. Убедившись, видимо, в настойчивости присутствующих, Дементьев, наконец, указал на одну из ложбинок. Именно она и была ранее описана в протоколе осмотра места происшествия. Следует отметить, что ложбинка эта находилась в 200 м от места обнаружения части трупа Веры Г. На обратном пути Дементьев безошибочно указал чердак дома по проспекту Мира, где была совершена попытка изнасиловать Лену К.

Уверенность в том, что в наших руках, действительно, находится так долго разыскиваемый насильник, а видимо, и убийца, окрепла.

На дальнейших допросах Дементьев признал еще несколько фактов, когда он на чердаках домов разрывал девственную плеву у девочек, но отказался указать эти чердаки, ссылаясь на слабую память. Специальной проверкой было установлено, что он не работал в те дни, когда были совершены изнасилования девочек.

Расширяя круг свидетелей и потерпевших по фактам развратных действий, мне удалось установить, что в районе Красного Камня Дементьев неоднократно приставал к девочкам с гнусными предложениями и именно на улице Пархоменко, где исчезла Вера Г. Обычным же местом для актов эксгибиционизма является пустырь в районе горы Шихан и речки Тагил.

Подозревая Дементьева в убийстве, я решил выяснить, где он был вечером 6 августа.

Жена Дементьева — Емельянова и ее дочь Лаврухина категорически утверждали, что Дементьев 6 августа до 11 час. вечера сидел с ними на скамье у подъезда, а затем они все вместе ушли спать. Алиби Дементьева подтвердили также и соседи, допрошенные в качестве свидетелей. Некоторые из них, узнав, что Дементьев подозревается в убийстве, устроили паломничество в прокуратуру, возмущаясь «несправедливыми» действиями следственных органов. Из показаний этих же свидетелей усматривалось, что Дементьев в день обнаружения трупа Веры Г. вместе со всеми принимал участие в поисках конечностей девочки возле горы Шихан и наравне с другими высказывал возмущение злодеяниями неизвестных преступников.

Дементьев отвергал свою причастность к убийству девочки. В то же время его показания относительно местопребывания вечером 6 августа не всегда совпадали с показаниями жены и дочери, но эти противоречия можно было объяснить и давностью имевших место событий.

Последовали дальнейшие детальные допросы Дементьева. Вопросы, касающиеся фактов изнасилования на чердаках, сменялись вопросами об убийстве Веры Г., затем допрос вновь возвращался к эпизодам изнасилований и развратных действий. При этом использовались факты обнаружения при обыске пилки, показания девочек о развратных действиях на горе Шихан, а также противоречия в показаниях Дементьева.

После ряда допросов с использованием описанной тактики, на двадцатый день после ареста, Дементьев дал показания о том, что он действительно причастен к убийству девочки, но припоминает все очень смутно. Он помнит, что встретил девочку на улице и увел ее на какую-то поляну; где к ним присоединился неизвестный мужчина;

он, Дементьев, предложил резать девочку, а что было дальше — не помнит, так как был пьян.

Весьма важной была та часть показаний допрашиваемого, в которой он, отвечая на вопросы, рассказал об обстоятельствах, непосредственно предшествующих убийству, и о своем возвращении последнего домой. Дементьев назвал лиц, с которыми провел первую часть вечера того дня. Он сказал также, что домой вернулся в час ночи и его падчерица Лаврухина, открывая ему дверь, видела брызги крови на его одежде.

Вызванная на допрос Лаврухина не подтвердила показаний Дементьева. Производство очной ставки с ней я считал преждевременным, так как из некоторых отрывочных высказываний Дементьева можно было сделать вывод, что именно Лаврухину он считает виновницей своего разоблачения.

Через несколько дней Дементьев отказался от своих показаний, заявив, что все рассказанное им не более как приснившийся ему сон. Однако некоторые сведения, сообщенные Дементьевым в первой части его показаний, были вполне конкретными и при проверке подтвердились. Он называл фамилии лиц, с которыми выпивал около 8 час. вечера 6 августа.

Установленные и допрошенные собутыльники Дементьева — Тюлькины и Симонов показали, что вечером 6 августа Дементьев распивал с ними водку у подъезда одного из домов и в начале девятого часа ушел по направлению к дому № 107 по улице Пархоменко. Это обстоятельство в сочетании с другими данными было использовано при допросе Дементьева. Он снова повторил свое признание в убийстве девочки, но на этот раз пояснил, что увел девочку на гору Шихан, где, совершая развратные действия, пальцем разорвал ей девственную плеву, после чего задушил ее. Труп он унес к реке и при помощи имеющихся при нем ножа и пилки расчленил на две части, верхнюю часть перенес на остров и там бросил, а куда девал нижнюю — не помнит, так как в тот момент находился в состоянии сильного душевного волнения.

На это «смягчающее обстоятельство», объясняющее, по мнению Дементьева, противоречия в его показаниях и запоминание отдельных деталей, он ссылался все время. Не отрицая в основном причастности к убийству,

Дементьев с этого времени стал менять свои показания, демонстрируя душевное расстройство, потерю памяти, каждый раз указывая новые места встречи с девочкой и новые обстоятельства.

Крайне важно было, чтобы Дементьев указал место, где спрятана нижняя часть трупа, но, видимо, боясь, что судебно-медицинская экспертиза установит факт изнасилования девочки, он скрывал это место, придумывая все новые объяснения. В то же время Дементьев пытался убедить следствие, что был в невменяемом состоянии в момент совершения убийства и расчленения трупа.

Так, на одном из допросов он показал, что нижнюю часть трупа зарыл в землю на берегу реки, и вызвался указать это место. Но когда Дементьева привезли в названный им район Шихана, он принялся бродить по пойме реки, разрывая землю и щебень в самых различных местах. Пытаясь убедить в своей психической неполноценности, он внимательно осматривал скалы и даже отвесные стены, шарил палкой в камышах, извлекая различные предметы, и т. п.

В другой раз Дементьев заявил, что часть трупа унес в бумажном куле и бросил в топку. Потом он снова изменил свои показания, заявив, что нижнюю часть трупа опустил в один из заброшенных туалетов. Осмотры результатов не дали.

Однажды на обратном пути после одного из таких выходов Дементьев указал чердак дома № 36 по улице Циолковского, где им было совершено изнасилование Тани С., повлекшее особо тяжкие последствия (разрыв промежности и влагалища). Указав этот чердак, Дементьев впал в истерику. Длительное время он не давал показаний.

Следствие по делу об убийстве Веры Г. из-за отсутствия объективных доказательств, казалось, заходит в тупик. На рубашке, изъятой у Дементьева, при биологическом исследовании следов крови не было обнаружено; идентифицировать какую-либо из пилок, найденных в его квартире, по рельефу распила позвоночника не представилось возможным. Микрочастиц кости на зубах пилки также не было обнаружено.

Анализируя данные о личности Дементьева, я установил, что последний характеризуется на редкость из-

воротливым человеком, склонным к шантажу, обману, подлости. По словам свидетелей, об одних и тех же фактах он всегда рассказывал по-разному, каждый раз выбирая наиболее выгодные для себя варианты.

Расследование продолжалось. В ходе случайной беседы мне удалось установить очень ценную свидетельницу. Ею оказалась ученица первого класса Лена Д., которая рассказала что вечером 6 августа, минут 15 девятиго, она видела свою подружку Веру Г. Ее вел за руку по направлению к горе Шихан пожилой мужчина лет 40. Хотя Лена и сказала, что мужчину она видела на большом расстоянии и узнать его не сможет, ее показания явились решающими.

Теперь версия об убийстве и расчленении трупа Веры в квартире отпала. По показаниям Лены Д. я составил схему пути следования Веры с мужчиной.

С помощью новых данных мне удалось убедить Дементьева в бесполезности его симуляции, и он дал развернутые показания, сводившиеся к следующему.

Вечером 6 августа, в девятом часу, после выпивки с Тюлькиным и Симоновым он около дома № 107 встретил девочку, которую обманом увел на гору Шихан, пальцем разорвал ей девственную плевую и, боясь разоблачения, так как девочка его знала, задушил ее и положил в небольшое углубление в земле. Около 11 час. вечера он пришел домой, взял нож и пилку, вернулся на гору Шихан, отнес труп девочки к реке (чтобы не запачкаться кровью, Дементьев разделся, но забыл снять рубашку) и при помощи ножа и пилки расчленил труп на две части, а затем в брод понес их через реку. Нижняя часть трупа выскользнула у него из рук в первой протоке, верхнюю он перенес через остров и бросил во вторую протоку, после чего оделся и, захватив с собой «инструменты», вернулся домой.

На поставленный мной вопрос Дементьев пояснил, что при расчленении первый удар ножом он нанес в правый бок лежащей на спине девочки (это согласовывалось с заключением судебно-медицинской экспертизы). Именно в этот момент на его рубашку попала кровь, которую заметила Лаврухина. Как сообщил Дементьев дальше, дома он тщательно вымыл нож и пилку горячей водой и положил их в тумбочку, «чтобы в случае чего они лежали на своих местах», почистил

брюки, выстирал рубашку и лег спать на пол. Утром в той же одежде ушел на работу.

Я подробно допросил Дементьева о приметах задушенной им девочки, о ее одежде. Свои показания он изложил в письменном виде. Затем его допрос был записан на магнитофонную пленку. Мы выехали с Дементьевым в район Шихана. Там он подтвердил все свои показания, указал место встречи с девочкой, путь следования с ней, место, где задушил ее и где расчленил труп, и участок реки, где он опустил в воду части трупа.

По его показаниям была составлена схема. Путь следования с Верой Г., названный Дементьевым, полностью совпадал с путем, указанным малолетней свидетельницей Леной Д.

В целях поиска трупа по согласованию с горисполкомом была перекрыта плотина на реке Тагил. Однако найти его так и не удалось. Дементьев, присутствуя тут же, настаивал на правдивости своих показаний. С помощью прокурора-криминалиста прокуратуры Свердловской области тов. Шмидта была назначена и проведена гидрологическая экспертиза. Из заключения экспертов следовало, что часть трупа девочки могло замывать на дне реки илом и песком. Не исключалась также вероятность ее уноса течением.

Теперь, дав развернутые показания об убийстве Веры Г., Дементьев «вспомнил» и безошибочно указал чердаки в домах № 10 по Проспекту строителей и № 40 по проспекту Ленина, где им были изнасилованы Катя К. и Оля М.

Однако через некоторое время Дементьев вновь изменил показания и заявил, что нижняя часть трупа девочки была им брошена в один из канализационных колодцев. Последовало новое осушение и осмотры колодцев, не давшие никаких результатов.

Во время одного из таких осмотров из толпы неожиданно выскочила Лаврухина и выкриками дала понять отчиму, что она ничего не знает и чтобы он не «оговаривал» себя. Поняв, что дочь его «не выдает», Дементьев опять отказался от своего признания в убийстве.

Лаврухину тщательно допросили, а затем дали послушать показания отчима, записанные на магнитофонную пленку. После этого она сообщила, что вечером 6 августа он действительно отсутствовал, затем около

23 час. пришел откуда-то, но снова ушел и явился домой только ночью. Его рубашка была забрызгана кровью.

Далее допрашиваемая пояснила, что ложные показания она давала по наущению своей матери, которая тоже видела, как Дементьев вернулся в ту ночь в одежде, запачканной грязью.

После проведения очной ставки с Лаврухиной и прослушивания магнитофонной записи с показаниями своего мужа Емельянова показала, что вечером 6 августа Дементьева не было дома. Пришел он только во втором часу ночи. При свете электролампочки, включенной ее дочерью, она видела, что одежда мужа была запачкана грязью, а затем слышала, как муж долго мылся в ванной, после чего, против обыкновения, лег спать на пол.

Свидетели из числа соседей Дементьева теперь также изменили показания, сославшись на забывчивость и влияние Емельяновой.

Все вновь полученные данные я предъявил Дементьеву. Он написал заявление о том, что ввел в заблуждение работников областного управления милиции относительно местонахождения нижних конечностей убитой им Веры Г.

Дементьеву была предъявлена фотография Веры среди фотографий нескольких девочек в возрасте десяти лет. Он сразу же опознал Веру. Опознал он и носовой платок, изъятый на чердаке дома № 43 на проспекте Мира. Этот же носовой платок как принадлежавший ее мужу опознала и Емельянова.

Затем я провел очную ставку между Дементьевым и матерью убитой девочки. Поводом для этого явились некоторые неточности в описании Дементьевым одежды убитой. На очной ставке он снова рассказал о совершенном им убийстве Веры Г., уверяя, что нижняя часть трупа находится в реке, и дал показания о приметах самой девочки и о ее одежде, которые полностью совпадали со сказанными матерью убитой. Эта очная ставка была мной записана на магнитофонную пленку.

Были проведены также очные ставки Дементьева с Лаврухиной и Емельяновой.

Только теперь, когда от Дементьева были получены все показания, я решил предъявить его для опознания потерпевшим по всем другим эпизодам. Большинство из них опознали его.

По заключению судебно-медицинской экспертизы, сперма, имевшаяся на шубке и халатике Кати К., подкладке шубки Оли М. и на пальто Тани С., относится к тому же типу и группе, что и кровь Дементьева. На дополнительных допросах Дементьев признал, что он в целях маскировки во время совершения преступления опускал из-под шапки на лоб прядь волос, а также иногда наклеивал на зубы блестящую фольгу.

Несмотря на то, что нижняя часть трупа убитой девочки так и не была найдена, а при анализе почвы, образцы которой были взяты на указанном Дементьевым месте расчленения трупа, следы крови не были обнаружены, обвинение Дементьева в убийстве Веры Г. и изнасиловании девочек на чердаках домов с учетом совокупности всех собранных доказательств представлялось весьма убедительным.

Согласно заключению амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы Дементьев был вменяем. Но поскольку он время от времени прибегал к разного рода симуляциям, стараясь создать впечатление душевнобольного, необходимо было провести стационарную экспертизу. Не исключалось также, что душевное расстройство Дементьев попытается симулировать и в судебном заседании.

Заключение экспертов, ознакомившихся с материалами дела, было вполне определенным: Дементьев здоров, его ссылки на плохую память и амнезию являются несостоятельными и носят симулятивный характер.

В мае 1968 года выездной сессией Свердловского областного суда Дементьев был осужден по п. «г» ст. 102, ч. 3 ст. 117 и ст. 120 УК РСФСР и приговорен к смертной казни. Приговор приведен в исполнение¹.

Уже после вынесения приговора в июне 1968 года один из жителей города, вырезая ивовые прутья для плетения корзин на острове в реке Тагил, расположенном в 10 км от города вниз по течению, обнаружил полузатонувшую илом и песком нижнюю часть трупа девочки. По характеру отчленения позвоночника и сохранившимся трусикам было установлено, что это часть трупа Веры Г.

¹ За участие в расследовании данного дела была поощрена группа работников управления милиции г. Нижнего Тагила (прим автора).

РАССЛЕДОВАНИЕ «СТАРОГО» УБИЙСТВА

Днем 9 октября 1960 г. в конторе-сторожке СУ-4 «Промстрой», расположенной на территории завода железобетонных конструкций № 4 г. Запорожья, был обнаружен труп сторожа Евдокии Александровны Харитончук с признаками насильственной смерти. Возбужденное по этому факту уголовное дело 1 декабря 1960 г. было прекращено за необнаружением преступника. Однако через шесть лет, проверяя материалы уголовных дел, прокурор Орджоникидзевского района г. Запорожья обнаружил, что обстоятельства убийства Харитончук расследованы поверхностно, и в связи с этим отменил постановление следователя о прекращении дела.

Дело принял к своему производству следователь прокуратуры Горбневский, а затем я.

Тщательный анализ материалов показал, что исследованная сразу же после убийства версия о его совершении Воеводиным (знакомым Харитончук) проверена не полностью. В материалах дела имелись показания знакомых и родственников убитой, из которых следовало, что Воеводин, имевший семью и бывший намного старше Евдокии Харитончук, сожительствовал с ней, делал ей подарки и давал деньги.

Незадолго до убийства Воеводин, работавший на строительстве, был уличен в краже железа. Ему понадобились деньги для выплаты стоимости украденного, и он попросил Харитончук вернуть хотя бы часть его денег. Как показали свидетели, Харитончук «отвернулась от старика», стала избегать с ним встреч, деньги отдать отказалась. Все это обозлило Воеводина. В разговоре со знакомой Харитончук он высказывал угрозы в адрес Евдокии.

На третий день после убийства в квартире Воеводиной произвели обыск. Там обнаружили и изъяли металлический гвоздодер, на котором, как потом установили эксперты, находились кровь и волосы человека. Однако сравнительного исследования их с образцами волос Харитончук не производилось. Группа крови, имевшаяся на гвоздодере, из-за малого ее количества определена не была.

Имевшиеся в деле показания свидетелей об ухудшении взаимоотношений Харитончук и Воеводиной не были достаточно конкретными. По-видимому, следователь, производивший первоначальное расследование и проверивший несколько версий, не сумел правильно сгруппировать и оценить все данные, относящиеся к версии о совершении преступления Воеводиным, и глубоко ее проверить. Теперь предстояло сделать это же, но только через шесть лет после события преступления.

Прежде всего я назначил дополнительную экспертизу для исследования волос, обнаруженных на гвоздодере и хранившихся все это время в опечатанном пакете. Перед экспертами был поставлен вопрос о том, могли ли эти волосы принадлежать Харитончук.

Эксперты дали заключение, что волосы на гвоздодере происходят с головы человека. Судя по их толщине, сердцевине, корковому веществу, характеру и цвету пигмента, форме концов, наложениям крови и характеру повреждений, они могли принадлежать Харитончук Е. А. Это явилось важным доказательством. Но так как с момента обнаружения гвоздодера прошло много времени, то необходимо было установить, когда волосы оказались на нем. С этой целью разыскали и допросили понятых, присутствовавших при обыске у Воеводиной. Понятые Калашников и Бойко подтвердили, что при изъятии гвоздодера на нем были волосы.

Поскольку в акте вскрытия трупа Харитончук указывалось, что смерть наступила от многочисленных ударов твердым предметом по голове, требовалось проверить, не нанесены ли эти удары гвоздодером.

Решили эксгумировать труп. Однако эксперты не обнаружили в следах на черепной коробке индивидуальных особенностей, которые позволили бы сделать вывод о нанесении ударов этим гвоздодером. Возможно, сво-

временное проведение сравнительного исследования да- ло бы иной результат.

Для установления полной картины взаимоотношений Харитончук и Воеводина были допрошены знавшие их лица.

Как сообщила сестра покойной — Прасковья Харитончук, незадолго до смерти Евдокия жаловалась ей на Воеводина, который обиделся на нее за то, что она прекратила с ним сожительствовать и не отдала взятые деньги. Покойная также сказала сестре, что Воеводин грозился убить ее.

Об угрозе Воеводина дали показания и другие свидетели. Так, Штаненко (соседка покойной) вечером 8 октября видела, как Воеводин приходил на квартиру Евдокии, но той дома не оказалось.

Вызванный для допроса Воеводин отрицал как свою причастность к убийству Харитончук, так и угрозу убить ее. Однако после нескольких очных ставок со свидетелями и ознакомления с результатами экспертизы, исследовавшей волосы на гвоздодере, он решил, что дальнейшее отрицание вины бессмысленно, и собственноручно изложил обстоятельства совершенного им убийства.

Как показал Воеводин, он сожительствовал с Харитончук и давал ей деньги. Затем Евдокия порвала с ним отношения, а деньги, которые задолжала ему, не отдала. В то время его уличили в краже строительных материалов. Воеводину необходимо было внести стоимость украденного. Он решил во что бы то ни стало заставить Харитончук вернуть ему деньги и 8 октября, в 6 час. вечера, пошел к ней на квартиру. Харитончук дома не оказалась. Подумав, что она на работе, Воеводин решил пойти туда позже вечером.

Примерно в 11 час. вечера, когда семья спала, он оделся, вошел в сарай, взял с полки гвоздодер и на трамвае доехал до территории завода, где в сторожке дежурила Харитончук. На его стук Евдокия открыла дверь, и он вошел в помещение. Воеводин стал требовать, чтобы Харитончук отдала ему деньги. Между ними возникла ссора, и Евдокия плюнула ему в лицо. Тогда Воеводин вскочил и гвоздодером стал наносить ей удары по голове, а затем вытащил из кармана пиджака отвертку и продолжал бить ею Евдокию по груди. После этого он

выскочил из сторожки, вернулся домой и никем не замеченный лег спать.

На вопрос, зачем он взял с собой отвертку и гвоздодер, Воеводин ответил, что гвоздодер взял специально «припугнуть» Харитончук, а отвертка в кармане пиджака оказалась случайно, так как перед этим он столярничал дома.

Отвертка при первом обыске изъята не была. На вопрос, где та отвертка сейчас, Воеводин ответил, что она не сохранилась. По моему предложению он нарисовал эту отвертку и указал ее размеры.

Воеводину предъявили четыре различных отвертки и предложили указать, какая из них наиболее похожа на отвертку, послужившую орудием преступления. Выбранная им отвертка, а также указанные Воеводиным размеры отвертки, которой он наносил удары в грудь, представили судебно-медицинскому эксперту для ответа на вопрос — могли ли ранения на груди Харитончук быть причинены такой отверткой. Эксперт, используя данные акта первой судебно-медицинской экспертизы, в котором указывались размеры всех ран, ответил, что размеры отвертки и ран совпадают; раны могли быть причинены такой отверткой.

Я попытался проверить показания Воеводина путем исследования одежды, в которой он находился в момент совершения преступления. Результаты подобной работы были совсем иными, если бы ее провели своевременно.

Воеводин показал, что он был одет в синий пиджак, черные брюки, кирзовые сапоги. Гвоздодер как до совершения преступления, так и после нес под полкой пиджака. Из одежды удалось разыскать лишь пиджак. Но биологи не смогли обнаружить на нем следов крови. Как показал Воеводин, за прошедшее время пиджак стирался и перелицовывался, а подкладка менялась.

Расследование этого «старого» дела об убийстве было закончено¹. Виновность Воеводина доказана пол-

¹ В расследовании преступления принимал участие и следователь прокуратуры Орджоникидзевского района г. Запорожье Горбюевский. Оперуполномоченный ОУР того же района Малышев умелым проведением оперативных мероприятий способствовал изобличению преступника (прим. автора).

ностью. Пробелы первоначального расследования были восполнены, насколько это оказалось возможным по прошествии столь длительного срока. Из сказанного выше видно, что объективных препятствий для их своевременного устранения не имелось.

Приговором Орджоникидзевского народного суда г. Запорожья Воеводин осужден к 11 годам лишения свободы.

*Старший следователь
прокуратуры Восточно-Казахстанской области*

младший советник юстиции
А. Ф. НИКОЛЕНКО

*Начальник НТО УВД
Восточно-Казахстанской области*

майор милиции
М. К. ГУБУШКИН

ПРЕСТУПНИК ЗАДЕРЖАН С ПОМОЩЬЮ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Начальнику Шемонаихинского РОВД подполковнику Порубаймеху по телефону сообщили, что в доме № 7 по улице Чапаева произошло убийство.

На место происшествия немедленно выехали старший следователь прокуратуры района Бегадилов, судебно-медицинский эксперт, эксперт-криминалист и работники уголовного розыска. Дом, в котором совершено убийство, расположен в центре г. Шемонаиха. На месте происшествия было установлено, что рядом с открытой входной дверью в комнате на полу в луже крови лежит труп хозяина квартиры Серебрякова; стены и стол обрызганы кровью. На трупе имелось семнадцать колото-резаных ран в области горла, головы и других жизненно важных органов.

На столе стояли три пол-литровых бутылки из-под вина «Портвейн», два стакана, две тарелки с закуской и две вилки. На поверхности стаканов имелись слабые окрашенные в бурый цвет отпечатки пальцев рук. На тумбочке лежала записка с текстом: «Приду домой, буду бить», затем следовала неразборчивая подпись. На полу валялись шапка-ушанка, валенки и три пары мужского белья. По отпечаткам штампов можно было заключить о принадлежности белья Третьяковской участковой больницы Алтайского края. Этих вещей, как выяснилось тут же, раньше в квартире не было. Зато исчезли некоторые предметы одежды Серебрякова. В сундуке все вещи оказались перерытыми, а на отдельных предметах имелись пятна крови.

Обстановка места происшествия была тщательно описана в протоколе и сфотографирована; был вычерчен план. Следователь возбудил уголовное дело.

Исходя из результатов осмотра места происшествия, а также из установленных в первые часы расследования данных о потерпевшем можно было выдвинуть несколько версий о личности убийцы и обстоятельствах преступления. Пустые бутылки и наличие на столе двух приборов свидетельствовали о том, что Серебряков с кем-то выпивал и закусывал.

Поскольку он ранее находился в местах лишения свободы, можно было предположить, что убийцей является человек, отбывавший наказание вместе с Серебряковым и имевший с ним личные счеты. Далее, как сразу же выяснилось, у убитого из-за его пьянства были плохие взаимоотношения с женой. Записка на тумбочке оставлена ею. Так как белья со штампами больницы раньше в квартире не имелось, его, видимо, оставил убийца, имевший какое-то отношение к больнице или совершивший там кражу.

Для проверки выдвинутых версий разработали подробные планы следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Участковым инспекторам поручили собрать сведения о лицах, появившихся на обслуживаемой ими территории незадолго до совершения преступления, а также обо всех лицах, поведение которых вызывало подозрение. О преступлении были информированы общественные участковые инспектора, члены комсомольских дружин, члены уличных комитетов. О своих подозрениях и ставших им известных фактах они должны были сообщать или начальнику РОВД, или старшему следователю.

Поскольку предполагалось, что убийца не местный житель и поэтому он попытается уехать из города, в первые же часы после осмотра были предприняты самые активные меры для обнаружения и задержания преступника на транспортных узлах и магистралях. О преступлении информировали работников линейного отделения милиции, а те в свою очередь — дежурных близлежащих станций и полустанков.

Сотрудники уголовного розыска выехали на автостанцию и в аэропорт с той же целью. Работники ГАИ по автохозяйствам информировали шоферов о проис-

шествии и расспрашивали их, не подвозили ли они кого-либо из г. Шемонаихи.

Версия о причастности к преступлению жены Серебрякова проверкой не подтвердилась. Скандалы в семье действительно имели место из-за систематического пьянства мужа. Последнюю ночь он не приходил почевать домой, и рассерженная жена, уходя в 8 час. утра из дома, оставила ему записку. В 11 час. Серебряков был найден дома убитым.

На наш запрос из Третьяковского РОВД сообщили, что у них зарегистрирована кража носильных вещей и белья из прачечной больницы. При проведенном в свое время осмотре места происшествия там обнаружили одежду и белье, оставленные преступником. Эти сведения дали основание для предположения, что в двух преступлениях участвовало одно и то же лицо.

План оперативно-розыскных мероприятий пополнился. Поскольку преступник, по-видимому, пробовал сбыть какую-то часть похищенных в больнице вещей, следовало попытаться установить этот факт. Кроме того, судя по показаниям жены убитого и остаткам еды на столе, Серебряков вернулся домой утром не один. Важно было выявить свидетелей, видевших его, а возможно, и его попутчика, утром в день убийства.

Преступление взволновало жителей города, и многие пытались помочь разыскать убийцу. К дежурному РОВД и представителям общественности приходили жители города, рассказывая, все, что, как им казалось, могло иметь отношение к случившемуся. Некоторые сведения действительно оказались важными. Так, одна женщина рассказала члену уличного комитета о том, что 5 января неизвестный мужчина продавал на базаре пижаму больничного покроя. Женщину допросили. Она подтвердила сказанное ею ранее и описала внешность лица, продававшего пижаму. Свидетельница также сказала, что мужчина был похож на татарина или уроженца среднеазиатских республик.

7 января стало известно, что утром в день убийства Серебрякова видели с неизвестным гражданином, несшим бутылку вина. Они направлялись к дому Серебрякова. Свидетели описали внешность этого неизвестного, его одежду. Приметы совпадали с описанием мужчины, продававшего 5 января пижаму. Как сообщили

свидетели, на неизвестном были одеты шапка-ушанка и валенки, т. е. такие же вещи, как и найденные в квартире убитого.

По показаниям свидетелей был составлен словесный портрет неизвестного, с которым ознакомили всех работников милиции, ОРУД, ГАИ, а также представителям общественности и работников транспорта.

Решение привлечь последних к поискам преступника оказалось правильным. Вскоре дежурный станции «Фестивальная» сообщил в линейное отделение милиции, что на тормозной площадке поезда, только что проследовавшего в сторону Усть-Каменогорска, стоял неизвестный мужчина с вещами, похожий на разыскиваемого.

В этот день был мороз ниже 30°, и вряд ли неизвестный мог далеко уехать на открытой площадке. Скорее всего он на ближайшей остановке зайдет в вокзал погреться. Поэтому на промежуточные станции были высланы оперативные группы с заданием задержать неизвестного. Вместе с работниками милиции на эти станции поехали и те лица, которые видели неизвестного мужчину, продававшего пижаму 5 января и шедшего с Серебряковым утром 6 января. Они должны были помочь отыскать преступника среди множества людей. 8 января на одной из автостанций, находящейся рядом с железной дорогой, был замечен человек, которого видели вместе с Серебряковым в последний день его жизни. Об этом немедленно сообщили находившимся тут же работникам милиции. Когда разыскиваемый подходил к автобусу, члены оперативной группы задержали его.

При личном обыске у задержанного изъяли вещи и деньги, а его самого доставили в Шемонаихинский РОВД. Жене Серебрякова предъявили для опознания вещи, изъятые у задержанного. Она узнала их, подтвердив, что эти вещи принадлежали ей и мужу. Свидетели опознали в задержанном того мужчину, который 5 января продавал пижаму.

Задержанный назвался Абдулиным Габбасом. Паспорта и других документов, удостоверяющих личность, у него не оказалось. По учету МВД было установлено, что задержанным является не Абдулин Габбас, а Абдулгафаров Ахат Сафитович, 1932 года рождения, ра-

нее дважды судимый за кражу и нанесение тяжких телесных повреждений.

Дактилоскопическая экспертиза установила, что некоторые из следов пальцев на двух стаканах и трех бутылках оставлены Абдулгафаровым.

Тактически правильный допрос Абдулгафарова оказался эффективным. Преступник, избличенный вещественными доказательствами, свидетельскими показаниями и заключениями криминалистических экспертиз признался в совершении преступлений — краже вещей и убийстве Серебрякова с целью завладения его имуществом.

Судебная коллегия по уголовным делам Восточно-Казахстанского областного суда, признав Абдулгафарова виновным в совершении хищения и убийства, приговорила его к 15 годам лишения свободы. Верховный Суд Казахской ССР приговор оставил без изменений.

НЕКОТОРЫЕ ПРИЧИНЫ НЕОБОСНОВАННОГО ПРЕКРАЩЕНИЯ ДЕЛ ОБ ИЗНАСИЛОВАНИИ

Опыт работы зонального прокурора следственного управления показывает, что иногда дела, возбужденные по заявлениям об изнасиловании, прекращаются следователями необоснованно. Об этом, в частности, свидетельствуют отдельные уголовные дела, прекращенные следователями прокуратур Минской и Могилевской областей.

Причины необоснованного прекращения дел заключаются не в поверхностном проведении следствия, а в ошибках следователей при оценке собранных в ходе расследования доказательств. Оценка доказательств по делам указанной категории действительно представляет значительную сложность. Это подтверждает и тот факт, что все приведенные в настоящей статье уголовные дела своевременно проверялись в следственных отделах областных прокуратур. И там решения о прекращении указанных дел признавались правильными. Необоснованные постановления отменялись лишь после изучения дел в следственном управлении прокуратуры республики. После отмены постановлений о прекращении дела были направлены в суд и виновные осуждены. Причем суды, вынося приговоры, рассматривали те же доказательства, которые имелись в делах к моменту их необоснованного прекращения. Лишь по одному уголовному делу понадобилось собирать дополнительные доказательства в отношении преступника, личность которого была известна.

Благодаря анализу причин неправильного разрешения дел об изнасилованиях были выявлены наиболее

характерные ошибки, допускаемые некоторыми следователями по делам указанной категории. Они в основном сводятся к следующему:

- ✓ отказ насильника от доведения преступления до конца по независящим от него обстоятельствам расценивается как добровольный отказ;
- ✓ сопротивление потерпевшей, оказываемое насильнику, ошибочно квалифицируется как мнимое, притворное;
- ✓ непоследовательные показания потерпевших признаются недостоверными, несмотря на наличие объективных обстоятельств, объясняющих эту непоследовательность;
- ✓ утверждения подозреваемых об их непричастности к преступлению в случаях, когда они опровергаются только показаниями потерпевшей, без надлежащей их критической оценки принимаются за достоверные.

Приведу примеры, подтверждающие сказанное выше.

28 января 1970 г. в Слуцкий РОВД Минской области поступило заявление кондуктора автобуса Слуцкого автотранспортного парка В. Она написала, что рано утром 28 января, когда автобус должен был выезжать на линию, ее пытался изнасиловать водитель Матусевич.

Матусевич не отрицал, что пытался совершить с В. в автобусе половой акт, рассчитывая на ее согласие. С этой целью он попытался ее целовать, повалил на сиденье в автобусе. Однако В. оказала сопротивление и поцарапала ему лицо. Поняв, что В. не хочет этого, он от своего намерения отказался, завел автобус и поехал на автобусную остановку.

Произведя по заявлению В. проверку, прокуратура Слуцкого района в возбуждении уголовного дела против Матусевича отказала, мотивируя тем, что Матусевич добровольно не довел преступления до конца и поэтому в его действиях отсутствует состав преступления. Прокуратура республики это постановление отменила и возбудила уголовное дело. Произведя расследование, следователь прокуратуры Слуцкого района дело прекратил по тем же основаниям. Между тем вывод о добровольном отказе Матусевича от доведения преступления до конца противоречит материалам дела.

Матусевич пытался совершить половой акт, применяя насилие и после того, как В. начала оказывать ему

физическое сопротивление. Это, в частности, вытекает из акта судебно-медицинского освидетельствования Матусевича. Из акта видно, что потерпевшая нанесла Матусевичу множество ссадин на лице, шее и кисти левой руки. Количество и расположение этих повреждений свидетельствуют о причинении их в процессе борьбы, продолжавшейся какой-то промежуток времени.

Как показала свидетель Рудковская, подходя к столовой, находящейся недалеко от того места, где стоял автобус, она услышала из автобуса крик женщины о помощи. Рудковская зашла в столовую и сказала об услышанном находящейся там рабочей столовой Амбражевич; они вышли на улицу и вновь услышали крик. Обе женщины прибежали на расположенный недалеко от столовой диспетчерский пункт АТП и сообщили об услышанном диспетчеру. Последний поручил второму шоферу, также выезжавшему в рейс, выяснить, что там происходит.

Матусевич прекратил покушение только тогда, когда подъехал второй автобус, посланный диспетчером АТП.

Из сказанного можно сделать вывод, что Матусевич отказался от доведения преступления до конца не добровольно, а, во-первых, потому, что В. оказала ему активное сопротивление и, во-вторых, из-за опасения быть разоблаченным людьми, услышавшими непрекращающиеся крики потерпевшей.

По изложенным причинам Прокуратурой БССР постановление о прекращении дела было отменено. Матусевич за покушение на изнасилование В. осужден к лишению свободы.

Примером ошибочной оценки сопротивления потерпевшей как притворного может служить дело об изнасиловании Г., совершенном Кругликом. Следователь прокуратуры Клецкого района Минской области, прекращая указанное дело за отсутствием состава преступления, в постановлении сослался на то, что половой акт был совершен с согласия Г., а оказанное ею сопротивление носило притворный характер. В подтверждение такого вывода сделана ссылка на отсутствие у Г. телесных повреждений, характерных для изнасилования, а также повреждений на ее одежде.

Делая вывод о притворном характере сопротивления, оказанного Г. насильнику, следователь не принял во внимание

некоторые действия Г. и обстоятельства, при которых они совершались. Согласно материалам дела Г. кричала о помощи тогда, когда в момент совершения преступления она увидела проходившего поблизости мужчину. Кроме того, о случившемся Г. сразу же сообщила матери и в следственные органы. Сам подозреваемый Круглик в день совершения преступления дал следователю следующее объяснение: «Я повалил девушку на снег; она оттолкнула меня, пытаясь встать. Когда я снимал с нее брюки и трусы, девушка кричала, хотела столкнуть меня, а заметив идущего по дороге парня, опять закричала».

Следует добавить, что утверждение следователя об отсутствии на теле Г. и ее одежде повреждений, характерных для изнасилования, противоречит материалам дела. У Г. на лице были обнаружены ссадины, на груди — кровоподтек; ее пояс оказался разорванным.

Шантаж со стороны Г. также исключался: с Кругликом она познакомилась только в день совершения изнасилования и характеризовалась как девушка скромного поведения.

После отмены Прокуратурой БССР постановления о прекращении дела Круглик был осужден к лишению свободы.

Непоследовательность в показаниях потерпевшей и их ошибочная оценка привели к необоснованному прекращению другого уголовного дела. Так, в Быховском районе Могилевской области была изнасилована глухонемая К. Дело расследовал старший следователь областной прокуратуры. Обосновывая прекращение дела, следователь в постановлении привел такие доводы. Первоначально К. утверждала, что в кабине бульдозера ее поочередно изнасиловали тракторист Ясенко и Кохонов. На последующих допросах она пояснила, что Кохонова там не было, а изнасиловал ее один Ясенко. На очной же ставке с Ясенко она показала: последний ее не изнасиловал, а совершил только развратные действия.

Ясенко этого не отрицал, но заявил, что якобы сделал это с согласия самой К. Имеющиеся же у К. телесные повреждения, как сказано в постановлении, образовались в результате падения К., находившейся в нетрезвом состоянии.

О несостоятельности изложенных доводов следовате-

ля говорят следующие объективные данные, имеющиеся в материалах дела. К. неграмотная и совершенно не владеет азбукой глухонемых. Следователь, пытаясь получить от нее как можно более четкие показания, на каждом допросе привлекал новых переводчиков. Не владея азбукой глухонемых, К. по-разному воспринимала один и тот же вопрос, задаваемый ей через разных переводчиков, и, естественно, давала противоречивые ответы. Данное обстоятельство не было принято во внимание. Кроме того, следователь знал, что К. находится под сильным влиянием матери и тети. Как утверждали обе эти женщины, и без всяких оснований, К. могли изнасиловать только два человека. Характерно, что об участии Кохонова в преступлении К. заявляла лишь на тех допросах, на которых присутствовали ее мать и тетя. Однако и это обстоятельство не было учтено следователем.

О том, что имело место именно насилие, свидетельствовали имевшиеся у К. телесные повреждения: множественные кровоподтеки на наружной поверхности средней трети обоих плеч, кровоподтеки на внутренней поверхности бедер, кровоподтеки в области поясницы. Пальто, кофта и чулки К. были разорваны. Все эти повреждения характерны именно для изнасилования, а не для падения. После того как Ясенко отпустил К., она обессиленная зашла в посторонний дом с разорванным бельем в руках. Хозяева по ее состоянию и по внешнему виду поняли, что она изнасилована.

Прокуратура БССР отменила постановление о прекращении дела, и Ясенко за изнасилование осужден к лишению свободы.

Приведу два примера, подтверждающие вывод о некорректном подходе некоторых следователей к ссылкам подозреваемых на алиби.

3 апреля 1969 г., когда работница Бобруйской швейной фабрики Б. возвращалась домой после занятий в вечерней школе, неизвестный преступник недалеко от проходной тарного завода пытался ее изнасиловать. Мужчина нанес сопротивлявшейся Б. удар по голове тупым предметом, причинив ей тяжкие телесные повреждения. В совершении указанного преступления подозревался некто Стрелков. Его внешность и одежда соответствовали приметам, сообщенным потерпевшей. Стрелков не отрицал своего присутствия на тарном заводе в то время, ког-

да мимо проходила Б. Однако он утверждал, что все время находился там со своим товарищем Путиковым и на Б. не нападал. По словам рабочих завода, Стрелков пришел на работу и ушел оттуда вместе с Путиковым. Из показаний же потерпевшей усматривалось, что преступление совершил один человек.

Стрелков в группе лиц в больнице, где находилась Б. на излечении, был предъявлен последней для опознания. Б. заявила следователю, что никого из предъявленных ей лиц не опознает. Однако, когда после в палату зашла ее сестра, потерпевшая сообщила, что в мужчине, назвавшемся при опознании Стрелковым, она твердо опознала преступника, но, испугавшись, не сказала об этом.

Поскольку Б. не заявила об опознании Стрелкова, сам он также отрицал свою причастность к преступлению, а свидетели, как упоминалось выше, утверждали, что Стрелков пришел и ушел с завода совместно с Путиковым, старший следователь прокуратуры г. Бобруйска дело производством приостановил.

При изучении же этого дела в следственном управлении прокуратуры республики обратили внимание на некорректный подход следователя к алиби Стрелкова.

В частности, следователь не проверил, отлучался ли Стрелков с территории завода.

Постановление о приостановлении дела было отменено. Для производства совместно со следователем дополнительного расследования я выехал в г. Бобруйск. В ходе дополнительного расследования мы установили, что Стрелков один отлучался с территории завода примерно на 20—25 мин., и как раз в то время, когда имела место попытка изнасиловать Б.

Стрелков был изобличен и осужден к лишению свободы.

Другой пример. В Солигорском районе Минской области неизвестный преступник изнасиловал З., а затем уехал на мотоцикле. В ходе следствия потерпевшая в предъявленном ей в группе лиц Зубрицком опознала насильника. Однако прокуратура Солигорского района дело в отношении Зубрицкого прекратила. Такое решение было мотивировано следующим: Зубрицкий отрицал свою причастность к изнасилованию и утверждал, что потерпевшая его опознала по подсказке своей родственницы Бересневой, с которой у него неприязненные отношения.

(Береснева и Зубрицкий — односельчане). Это косвенно подтверждалось и показаниями некоторых свидетелей, которые слышали, как после изнасилования З. Береснева беседовала с односельчанами и интересовалась номером мотоцикла Зубрицкого. В то же время не были приняты во внимание доказательства, изобличающие Зубрицкого.

Береснева не отрицала того, что после изнасилования ее родственницы она действительно интересовалась номером на мотоцикле Зубрицкого, так как описанные З. приметы насильника соответствовали приметам Зубрицкого. Кроме того, потерпевшая в номере мотоцикла преступника запомнила цифру «70».

Узнав, что Береснева интересуется номером его мотоцикла, в котором действительно была цифра «70» (89-70), Зубрицкий заменил номер. Данное обстоятельство было установлено в ходе следствия, но оно почему-то не было принято во внимание. Следователь поверил утверждению Зубрицкого о якобы существующих между ним и Бересневой неприязненных отношениях, хотя в ходе следствия это утверждение было опровергнуто. Прокуратура БССР отменила постановление о прекращении уголовного дела в отношении Зубрицкого, и последний за изнасилование З. был осужден к лишению свободы.

II. РАССЛЕДОВАНИЕ ХИЩЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА

*Старший следователь
прокуратуры Витебской области
младший советник юстиции
А. С. СЕНЧУРА*

РАСКРЫТИЕ ХИЩЕНИЯ ПУТЕМ АНАЛИЗА ЧЕРНОВЫХ ЗАПИСЕЙ

Расследуя дела о хищениях социалистического имущества, следователь всегда должен иметь в виду, что расхитители с целью сокрытия своей преступной деятельности часто осуществляют строгий учет товарно-материальных ценностей, денежных средств и контроль за их движением, ведут так называемую «домашнюю бухгалтерию», состоящую в основном из черновых записей. В черновиках можно найти различные пометки о преступных операциях, размере похищенного, источниках сбыта и т. д. Однако обнаружить и изъять черновики зачастую не так просто.

Случай, о котором пойдет речь, не исключение. Лишь в результате тщательного производства повторных обысков у подозреваемых удалось отыскать черновые записи и другие данные, позволившие полностью восстановить обстоятельства сокрытия недостачи 43 382 руб., явившейся результатом хищения в отделе культтоваров универмага Богусевского сельпо Сенненского райпотребсоюза Витебской области.

Обстоятельства расследования этого дела были несколько необычными в том смысле, что кроме эпизодов, связанных с хищением, пришлось исследовать причины

самоубийства одной из подозреваемых. Как только внезапно проведенной инвентаризацией товаров была выявлена недостача, бывшая работница этого отдела Зеленкова, уволившаяся пять месяцев тому назад, в ночь с 3 на 4 октября 1967 г. неожиданно покончила жизнь самоубийством. Она оставила два предсмертных письма, в которых указывала, что идет на смерть из-за Дегтяревой и Комлевой, повинных в растрате.

В связи с этим следовало изучить образ жизни трех названных лиц. Пока я знал только, что Дегтярева работала заведующей отделом культтоваров с июня 1962 года по декабрь 1964 года, затем ее выдвинули на должность председателя правления Богушевского сельпо. Зеленкова и Комлева были продавцами. При переходе на другую работу Дегтярева сдала отдел Зеленковой. Последняя в должности заведующей состояла до мая 1967 года, а потом была избрана секретарем Богушевского сельсовета, в связи с чем и передала отдел Комлевой. В системе облпотребсоюза все они находились на хорошем счету, числились передовиками, получали денежные премии, награждались почетными грамотами, были занесены на Доску почета сельпо, РПС и облпотребсоюза.

Однако в процессе изучения личности подозреваемых, их образа жизни выяснилось другое. Жили они явно не по средствам: приобретали ценные вещи, систематически устраивали массовые кутежи и пьянки, злоупотребляли спиртными напитками на работе, совершали увеселительные поездки по городам и часто вносили денежные вклады в сберегательную кассу.

Разумеется, эти факты не давали еще оснований для выводов о хищении, ибо оставались неизвестными способы его совершения и сокрытия. Дегтярева и Комлева участие в хищении отрицали и заявили, что не могут объяснить причины недостачи. Никто из допрошенных должностных лиц и других работников райпотребсоюза также не могли назвать конкретных фактов злоупотреблений со стороны подозреваемых. Сложность положения усугублялась тем, что бухгалтерские документы за прошлые годы были уничтожены за истечением срока хранения.

Необходимо было найти черновые записи. Повторные обыски преследовали эту основную цель и увенча-

лись успехом. По месту жительства и работы Дегтяревой и Комлевой удалось обнаружить и изъять отдельные записки, копии различных документов, а также общие тетради, в которых перечислялись товарно-материальные ценности на время проводившихся инвентаризаций¹.

Изучив изъятые у подозреваемых черновые записки и сохранившиеся документы проводившихся ранее инвентаризаций, я пришел к выводу, что хищение было длительным, в совершении его участвовали все ранее работавшие в отделе лица и что постоянно возрастающая сумма похищенного систематически ими скрывалась.

Для подтверждения этого вывода требовалось произвести контрольное сличение товаров по инвентаризационным периодам и по времени работы в отделе каждой из участниц преступной группы. Это было необходимо еще и для того, чтобы определить долю похищенного каждой из них, представить себе степень их участия и вины в преступлении.

Одновременно с производством ревизии, результаты которой немедленно проверялись в ходе следствия, были допрошены работники бухгалтерии, ревизоры райпотребсоюза, члены инвентаризационных комиссий. Из показаний некоторых членов инвентаризационных комиссий стало известно, что основные подсчеты ценностей, выведение итогов и таксировка в процессе инвентаризаций доверялись Дегтяревой, Зеленковой и Комлевой. Следовательно, они, пользуясь попустительством членов инвентаризационных комиссий, могли укрывать постоянно растущую недостачу.

Возникло несколько версий относительно способов сокрытия недостачи:

- 1) несвоевременное оприходование товаров, завозимых в отдел с баз райпотребсоюза и облпотребсоюза;
- 2) завоз товаров в отдел по временным накладным или без накладных на момент инвентаризаций с последующим их возвращением;
- 3) приписка товаров в инвентаризационные ведомости и завышение на них цен во время проведения инвентаризаций.

Первая из указанных версий не нашла подтвержде-

¹ Первоначально обыски проводил другой следователь, в производстве которого находилось данное дело (прим. автора).

ния, вторая подтвердилась частично, третья была полностью подтверждена.

Анализ черновых записей и сравнение их с актами ревизий показали, что на момент инвентаризации ценностей в отделе на 3 августа 1964 г. Дегтярева, Зеленикова и Комлева приписали товары и завысили на них цены как минимум на сумму 7825 руб., на 28 декабря 1965 г. — на 10 520 руб., на 14 октября 1966 г. — 23 569 руб. и на 3 мая 1967 г. — на 31 473 руб.

Только одних полупроводниковых триодов (транзисторов) и челноков к швейным машинам было приписано на момент инвентаризации ценностей в отделе на 28 декабря 1965 г. 1781 шт. на сумму 3695 руб. Названных товаров в отделе оказалось на указанное количество больше, чем поступило их в отдел по документам, без учета возможной реализации.

Этих же товаров (триодов и челноков) было приписано соответственно на момент инвентаризации ценностей в отделе на 4 декабря 1966 г. 1845 шт. на сумму 3605 руб., на 14 октября 1966 г. — 4860 шт. на сумму 17 605 руб. и на 3 мая 1967 г. — 4715 шт. на сумму 28 444 руб.

Среди черновых записей имелись всевозможные расчеты, арифметические вычисления и т. п. Причем эти подсчеты чередовались с постраничными записями ценностей по каждому дню проведения инвентаризаций. Обращало внимание и то, что после перечисления товаров, имеющихся в наличии, к ним приплюсовывалась новая сумма.

Как можно было предположить, участники преступной группы уже в процессе инвентаризации выводили предварительные итоги фактического наличия товаров в отделе и, таким образом, устанавливали точные размеры недостающих сумм. Характерно, что такие предварительные расчеты систематически повторялись в общих тетрадях с черновыми записями.

На основании анализа этих расчетов можно было сделать вывод, что участники преступной группы знали о времени проведения инвентаризаций и заблаговременно делали переучет товаров у себя в складе и в подсобном помещении отдела. Параллельно с проведением инвентаризации они еще раз уточняли размеры недостающих сумм, принимали меры к сокрытию недостачи.

При сравнении черновых записей с соответствующими инвентаризационными ведомостями эти предположения подтвердились. И в тех и в других документах совпадали последовательность перечисления товаров, а также количество и стоимость большинства из них.

Однако при сопоставлении черновых записей с инвентаризационными ведомостями некоторые товары в последних оказались записаны дважды, стоимость и количество других увеличены. Иногда дважды были записаны не только отдельные товары, но и целые партии товаров. Таким образом, обнаружение черновых записей и сравнение их с инвентаризационными ведомостями позволили установить факты приписок товаров в инвентаризационных ведомостях для сокрытия недостачи.

Следующим способом проверки инвентаризационных ведомостей и выявления фактов сокрытия недостачи являлось изучение постоянного фактического расположения товаров с учетом их габаритов и иных особенностей в торговом зале, в подсобном помещении отдела и в отдельном складе, расположенном во дворе универсама.

По показаниям свидетелей были установлены обычная, соблюдаемая при каждой инвентаризации, последовательность пересчета товаров в названных помещениях отдела, а также места хранения каждого из видов товаров.

Так, из допросов членов инвентаризационных комиссий и самих подозреваемых удалось установить, что мотоциклы, велосипеды в заводской упаковке (по 5 шт. в клетке) и другие крупногабаритные товары всегда хранились лишь в отдельном складе во дворе универсама и никогда не размещались в подсобном помещении отдела. Обычно пересчет в отделе во время инвентаризаций начинался с торгового зала, затем производился в складе и в последнюю очередь — в подсобном помещении отдела.

Установив эти обстоятельства, я ознакомился с расположением товаров в помещениях отдела и проследил, соответствовало ли перечисление товаров в инвентаризационных ведомостях обычному порядку пересчета товаров при инвентаризациях и местам их хранения. В результате было установлено, что в конце инвентаризационных ведомостей вписывались товары безотноси-

тельно к местам их обычного хранения и обычной последовательности проведения инвентаризации. Эти-то товары и приписывались в ведомостях для сокрытия недостач.

Например, в ведомостях (описях) товаров на момент инвентаризации, а также в черновых записях участников преступной группы наряду с товарами, которые всегда хранились в подсобном помещении (электротовары, радиотовары и музыкальные инструменты), было указано, что в данном помещении находится 75 мужских велосипедов в клетках на сумму 4125 руб. и некоторые другие товары, которые, как указано выше, фактически в данном подсобном помещении никогда не хранились. Характерно и то, что клетки, в которые упаковывали велосипеды по 5 шт. в каждую, по своим размерам больше дверного проема, ведущего в подсобное помещение, а следовательно, они никак не могли быть туда помещены.

Для выявления иных способов сокрытия недостачи были выдвинуты и проверены предположения об обоснованности списания естественной убыли, а также сумм после уценки товаров и др. Как выяснилось, естественная убыль от порчи, боя товаров списывалась в небольших размерах. Проверили даже места, где согласно актам были зарыты испорченные товары.

Проверка правильности списания сумм в результате переоценки залежалых и устаревших товаров проводилась путем контрольного сличения этих товаров. Совместно с ревизорами были изучены акты переоценки товаров. Сопоставление с результатами контрольного сличения показало, что участники преступной группы незаконно списывали со своего подотчета денежные суммы при переоценках товаров путем завышения на них цен. Кроме того, удалось установить, что Дегтярева и Зеленкова, вступив в преступный сговор с работниками баз Витебского облпотребсоюза, завозили к себе по временным накладным некоторые товары на момент их переоценки. Сумму, на которую производилась уценка, они списывали со своего подотчета, а товары возвращали обратно на базы.

Так, судя по акту переоценки от 5 мая 1964 г., Дегтярева предоставила комиссии по переоценке музыкальных инструментов на пять баянов и аккордеонов больше,

чем числилось в их отделе, даже без учета их возможной реализации. При этом было незаконно списано 135 руб.

Данное обстоятельство было подтверждено обнаруженной среди черновых записей накладной на возврат баянов на универсальную базу облпотребсоюза. В то же время ни по документам отдела универмага, ни по документам базы это движение баянов не было отражено.

Возврат некоторых товаров из отдела универмага на универсальную базу по временным накладным подтвердили и допрошенные в качестве свидетелей шоферы, которые перевозили эти товары.

При дальнейшем анализе актов переоценок товаров в отделе я установил, что 17 июля 1965 г. была переоценена 2771 шт. полупроводниковых триодов (транзисторов). При этой переоценке путем распространения максимально высоких цен на все количество триодов, в том числе и более дешевых, участники преступной группы излишне списали со своего подотчета около 8600 руб., из которых 4003 руб. они разделили между собой и присвоили.

В качестве примера приведу черновую запись: «Р/лампа 6к7 133×0-80, 2771 и 8600. 2771×3,10».

При расшифровке данной записи следует вывод: число 2771 соответствует количеству транзисторов, подлежащих переоценке. Число 8600 составляет общую сумму уценки транзисторов, а число 3,10 является разницей от уценки одного транзистора, если учесть, что старая цена их была 4 р. 60 к., а новая — 1 р. 50 к.

Были установлены и другие аналогичные факты незаконного списания участниками преступной группы со своего подотчета денежных сумм. Всего же таким способом они списали 4909 р. 57 к.

При изучении акта передачи ценностей новой бригаде торговых работников я установил, что среди переданных товаров имелись такие, которые ранее уже были переоценены, но числились по первоначальным ценам. С целью установления количества и определения видов таких товаров пришлось назначить дополнительную ревизию. Путем восстановления количественного учета по ранее уцененным товарам было установлено, что вместо передачи их в специальный ларек многие товары (художественные вышивки, музыкальные инструменты и неко-

торые другие) оставались в отделе или возвращались туда из ларька и реализовывались по прежней цене.

Кроме этого, как установили ревизоры, Зеленкова и Комлева незаконно завозили с Витебской базы уцененные товары, непромаркированные по новым ценам. Указанные товары оприходовались по новым, сниженным ценам, а на моменты инвентаризаций и передач ценностей их учитывали по старым, более высоким ценам. Этим они частично скрывали недостачу и создавали резерв для присвоений.

При осмотре таких товаров были обнаружены следы устранения на них маркировки с новыми ценами. Например, на художественных вышивках просто отрезались уголки с оттисками штампов, на которых указывалась новая цена.

Обвиняемая Комлева, допрошенная по этим фактам, пояснила, что они через подставных лиц закупали ранее уцененные в их отделе и переданные в спецларек товары и возвращали их снова в отдел. Она признала также и факты завоза в их отдел уцененных товаров с универсальной базы Витебского облпотребсоюза.

Таким образом, путем изучения черновых записей и бухгалтерских документов удалось установить способы сокрытия недостач и сумм присписанных в инвентаризационных ведомостях товаров на моменты передачи материальных ценностей от одних участников преступной группы другим. Эти суммы, по данным ревизии и судебно-бухгалтерской экспертизы, оказались следующими: при передаче отдела от Дегтяревой — 12 тыс. руб., от Зеленковой — свыше 31 тыс. руб. и от Комлевой — свыше 43 тыс. руб.

Следует отметить, что в некоторых общих тетрадях с черновыми записями сумма недостачи определялась не сразу. Первоначально выведенные суммы зачеркивались, выводились новые. В инвентаризационные ведомости приписывались товары в соответствии именно с этой окончательно выведенной суммой недостачи. Назначенная по делу криминалистическая экспертиза выявила первоначальные цифры, впоследствии зачеркнутые, залитые, исправленные. Это позволило проследить, как менялась и уточнялась сумма недостачи участниками преступления.

Для установления конкретных исполнителей черно-

вых записей, расчетов размеров недостач и приписок товаров была проведена почерковедческая экспертиза.

На основании конкретных данных о способах сокрытия недостач, о лицах, причастных к ведению черновых записей, а также о конкретных фактах присвоения кооперативных средств Дегтярева и Комлева были арестованы.

Ознакомившись с собранными по делу доказательствами и заключениями экспертиз, Комлева признала, что она, Зеленкова и Дегтярева, работая в отделе, всегда знали о времени проведения в их отделе инвентаризаций и поэтому проводили предварительный пересчет ценностей в складе и в подсобном помещении. Имея эти данные, они во время проведения инвентаризаций в их отделе скрывали недостачи. Комлева также признала некоторые факты изъятия денег из кассы отдела и присвоение их.

Как она сообщила, в сентябре 1963 года по договоренности с Дегтяревой и Зеленковой они изъяли из кассы и присвоили 6000 руб. Они занимались хищением на протяжении всего времени их работы в отделе универмага. Присваивали деньги из выручки, уносили домой некоторые товары без оплаты, употребляли спиртные напитки, устраивали выпивки после каждой инвентаризации с членами комиссий, растрачивая по 40 руб. кооперативных средств. Факты кутежей была вынуждена признать и Дегтярева. Помимо этого она брала иногда деньги от Зеленковой и Комлевой под видом получения канцелярских товаров, предназначенных для сельпо.

Следствием было установлено, что Дегтярева совершала увеселительные поездки в различные города. Имея невысокий заработок, она приобрела за короткое время ценных вещей на 1331 руб., внесла в сберегательную кассу на свое имя 2083 руб., а на имя своей матери, не работающей и не получающей пенсию, — 549 руб. Дегтярева пересылала большие суммы денег и мужу, проживающему в другой местности.

За время работы в универмаге Зеленкова приобрела ценных вещей на сумму 2800 руб. Кроме того, она внесла в сберегательную кассу на свое имя 2200 руб., на имя мужа — 4263 руб. на имя матери — 1484 руб. и на имя дочери — 695 руб. Установление всех обстоятельств хищения и образа жизни Зеленковой позволило сделать

вывод о том, что она, чувствуя свою вину и боясь ответственности, покончила жизнь самоубийством.

Не по средствам жила и Комлева, которая купила дом за 1000 руб., а затем сделала к нему пристройку. Она также приобрела ценные вещи и вносила деньги в сберегательную кассу.

В процессе следствия тщательно выяснялись причины и условия, способствовавшие совершенно столь крупного хищения, а также принимались меры к их устранению. В частности, было внесено представление правлению Витебского облпотребсоюза, которое было своевременно рассмотрено. Своим постановлением правление облпотребсоюза отстранило десять должностных лиц от занимаемых должностей, а на семь человек наложило различные дисциплинарные взыскания.

Судебная коллегия по уголовным делам Витебского областного суда осудила Дегтяреву и Комлеву по ст. 91¹ УК БССР. Верховный Суд БССР приговор оставил без изменения.

*Старший следователь
прокуратуры г. Клайпеды
Литовской ССР
младший советник юстиции
Н. К. СУХАРЕВ*

РАССЛЕДОВАНИЕ ХИЩЕНИЯ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ В ГОРКОМЕ ПРОФСОЮЗА¹

В прокуратуру г. Клайпеды поступили данные ревизии о злоупотреблениях в горкоме профсоюза работников государственных учреждений. Было выявлено, что горком перечислял в местные комитеты не 50% от общей суммы взносов, а меньшее количество денег. Злоупотребления были обнаружены и в распределении путевок в дома отдыха и санатории. Так, горком выдал бесплатную путевку от 15 января 1968 г. в один из санаториев г. Ялты. По отчетным же данным казначая Степонавичене значилось, что эта путевка предоставлена председателю горкома Винниченко за 90 руб.

В ходе проверки (из объяснений ревизоров) стало известно, что и ранее в г. Клайпеду для проведения ревизии в горкоме профсоюза приезжал ревизор Клингман. Однако он не смог провести полной ревизии финансовой деятельности горкома, так как в день приезда ревизора Степонавичене, находясь в отпуске, внезапно госпитализировалась в Клайпедский психоневрологический диспансер. Ревизору не удалось получить от нее необходимой документации, поскольку Степонавичене заявила, что она представит необходимые документы после выздоровления. Клингман тогда смог установить лишь небольшие нарушения в финансовой деятельности Степонавичене.

К моменту начала второй ревизии Степонавичене опять легла в тот же диспансер и снова отказалась

¹ За расследование данного преступления тов. Сухарев поощрен приказом Прокурора Литовской ССР (прим. редколлегии).

предъявить некоторые отчетные документы горкома. Однако, как уже упоминалось, при проверке взаимных расчетов местных комитетов с горкомом был выявлен ряд нарушений со стороны горкома. По этому поводу следовало получить объяснения от председателя горкома Винниченко и казначея Степонавичене.

В ходе предварительной проверки я познакомился с документами горкома, с порядком получения и расходования денег с расчетного счета. Выяснилось, что для получения денег в сберкассе Степонавичене и Винниченко выписывали чеки на предъявителя. При получении по ним денег расписка получателя не требовалась.

Можно было предположить, что наличные деньги понадобились для нужд горкома. Однако размеры сумм, полученных со счета, вызывали сомнения. Из бесед с членами горкома выяснилось, что полученные суммы значительно крупнее, чем самые максимальные расходы. В связи с этим возник вопрос, не присваивалась ли часть этих денег кем-либо из подписывающих чеки на предъявителя — Винниченко или Степонавичене. Одновременно от лиц, получавших у Степонавичене путевки в санатории и дома отдыха, стало известно, что последняя, нарушая существующие правила, брала за путевки наличные деньги.

Настало время получить объяснение от Степонавичене. Заручившись справкой главврача диспансера о том, что состояние здоровья последней удовлетворительно и ее выписывают, я поехал в диспансер и пригласил Степонавичене в прокуратуру. Во время беседы она вела себя замкнуто, всячески уклонялась от ответа на конкретные вопросы, а рассказывала об обстоятельствах, не имевших отношения к делу.

Я задал Степонавичене вопрос: «Чем объяснить факты столь частого получения денег в сберкассе по чекам на предъявителя, каково движение этих сумм». Допрашиваемая отвечала невпопад, говорила, что деньги расходовались на оказание помощи нуждающимся и малооплачиваемым членам профсоюза. Она не смогла объяснить, на какие именно цели пошли все полученные по чекам деньги, но подтвердила, что во всех случаях деньги в сберкассе получала она. По словам Степонавичене, оправдательные документы на расход полученных денег она не составляла якобы ввиду большой загруженности

по своей основной работе (она работала старшим инспектором по бюджету горфинотдела). Однако это никак не вязалось с ее 20-летним опытом работы в финансовых органах.

Было возбуждено уголовное дело. Опасаясь, что Степонавичене, находясь на свободе, постарается скрыть следы преступления, в частности уничтожить документы горкома, которые еще не были обнаружены и изъяты, я принял решение об ее аресте.

На первом же допросе я ознакомил Степонавичене с приговорами по двум уголовным делам, в которых делалась ссылка на снижение подсудным наказания в связи с чистосердечными признаниями ими своей вины. Результат не замедлил сказаться. Степонавичене призналась, что часть денег, полученных по чекам на предъявителя, она обращала в свою пользу. Всего, по ее утверждению, она присвоила около 100 руб.

На последующих допросах Степонавичене более подробно рассказала о совершенных ею преступлениях. Допрашиваемая призналась, что присваивала деньги как из сумм, получаемых по чекам на предъявителя в сберкассе и отделении Госбанка, которые она частично не оприходовала, так и из сумм, получаемых за реализованные путевки в санатории, дома отдыха и пионерские лагеря. Однако она продолжала настаивать на присвоении ею только 100 руб.

Допрашивая Степонавичене, я все больше убеждался в том, что она где-то прячет многие документы горкома, в частности кассовую книгу. При допросах я объяснял ей, что отсутствующую документацию можно восстановить. Так, данные кассовой книги возможно восполнить, получив сведения о поступлении членских взносов в сберкассе из месткомов организаций. Также можно восстановить и данные по учету путевок, поступающих из республиканского комитета. Правда, на это потребуется какое-то время, а следовательно, продлятся и сроки расследования.

Сказанное мною возымело действие. Степонавичене призналась. По ее словам, документы горкома она передала соседу по дому, своему хорошему знакомому — Вилимасу Ионасу, работающему начальником городской инспекции госстраха. Вызванный на допрос Вилимас первоначально отрицал факт хранения документов, по-

лученных от Степонавичене. Однако, когда я ознакомил его с выдержкой из показаний Степонавичене по поводу места хранения документов и напомнил ему о некоторых обстоятельствах передачи их, тот признал факт хранения документов и выдал их. Эти документы впоследствии во многом облегчили работу по собиранию доказательств по делу.

На очередном допросе Степонавичене показала, что реализацией путевок за наличный расчет помимо нее занимался также и председатель горкома Винниченко. Последний, по показаниям Степонавичене, брал у нее путевки и продавал их, а несколько раз сам с той же целью получал путевки, присылаемые по почте из республиканского комитета. Как объяснила далее Степонавичене, Винниченко за реализованные им путевки иногда возвращал ей деньги, а в других случаях не возвращал ни путевок, ни денег. Какое количество путевок было реализовано Винниченко и каких именно, она не знала. На этом этапе следствия я не счел нужным вызвать на допрос Винниченко, считая это преждевременным.

Вначале решили проверить, кому в действительности были выданы путевки Клайпедским горкомом профсоюза. С этой целью я запросил 29 местных комитетов профсоюза организаций, входящих в горком, о всех полученных ими путевках.

В процессе следствия ко мне из месткомов постепенно поступали сведения о лицах, получивших путевки в санатории и дома отдыха. При сличении этих сведений с данными записей в книгах по учету путевок выявились многочисленные расхождения, например фамилии лиц, якобы получивших путевки, и места их работы, записанные в книге, во многих случаях не подтверждались сведениями, поступившими от месткомов.

В республиканском комитете были изъяты накладные на отправку путевок в Клайпедский горком. И вновь выявились расхождения. В книге учета горкома оказались зарегистрированными не все путевки, полученные из республиканского комитета.

Порядок ведения Степонавичене книги по учету путевок намного усложнял работу по установлению лиц, фактически получивших их. В этих книгах расписывались не только сами получатели путевок, но и по их просьбе

представители месткомов и другие лица. При осмотре книг я обнаружил и подписи в получении путевок Винниченко. По-видимому, он получал их для последующей передачи лицам, которым эти путевки были выписаны.

Для выяснения всех возникших расхождений пришлось требовать путевки из самих санаториев и домов отдыха. Такой метод выявления возможных фактов различных злоупотреблений был необходим по следующим соображениям. Только собрав все путевки, мы могли установить лиц, фактически ими пользовавшихся, их отношение к горкому профсоюза. У этих людей предполагалось выяснить, от кого (Винниченко или Степонавичене) они получили путевки, за какую сумму, в каком порядке оплачивалась их стоимость и т. п.

По мере поступления путевок выяснилось, что они зачастую незаконно выдавались лицам, не имеющим никакого отношения к профсоюзу государственных учреждений.

Так, выше уже упоминалось о бесплатной путевке в один из санаториев г. Ялты. В ответ на запрос из санатория им. Куйбышева г. Ялты была получена путевка от 15 января 1968 г. Оказалось, что она заполнена Винниченко и выдана Позднякову, который не имел никакого отношения к горкому профсоюза. Будучи допрошен, Поздняков сообщил: эту путевку за 90 руб. (а не бесплатно) он приобрел через свою жену у некой Савицкене, муж которой работал инспектором таможи. Выяснилось, что Савицкене — близкая знакомая Винниченко. В книге учета путевок за один из прошлых годов она значилась получателем путевки в санаторий «Пикет» в г. Кисловодске. Поскольку Савицкене не имела отношения к профсоюзу работников государственных учреждений, путевка была выдана ей без законных оснований.

Была изъята также путевка в дом отдыха «Лампеджый» на имя Зайцевой, которая работала заведующей магазином. В путевке, заполненной Винниченко, указывалось будто бы Зайцева работает в таможе.

Путем изъятия путевок и допроса отдыхающих по ним лиц удалось установить, что Винниченко выдал много путевок для своих родственников и знакомых. Причем многие путевки выдавались якобы на льготных условиях, хотя лица, получившие их, как правило, оплачивали полную стоимость путевок.

Использованные нами методы расследования можно подробнее показать на одном из эпизодов.

Так, в ответ на запрос из дома отдыха «Неринга», путевки в который были направлены республиканским комитетом Клайпедскому горкому, в прокуратуру прислали три путевки, заполненные на имя Авериной. На двух из них стояла подпись Винниченко, заверенная печатью Клайпедского горкома работников государственных учреждений. На третьей — имелся оттиск Клайпедского группового комитета профсоюза работников местной промышленности и коммунально-бытовых предприятий. На всех путевках был указан адрес Авериной: г. Ленинград, ул. К. Либкнехта. Тот факт, что жительница Ленинграда одновременно получила три путевки по линии профсоюзных организаций г. Клайпеды, вызвал сомнение в законности приобретения их.

Необходимо было допросить Аверину. Посланное мною отдельное поручение вскоре возвратилось без исполнения вместе со справкой о том, что Аверина в Ленинграде не проживает. Не помогли мне и запросы в дом отдыха «Неринга» и паспортный стол милиции г. Паланги, где я надеялся получить домашний адрес Авериной.

Совершенно случайно при осмотре книги регистрации отдыхающих в доме отдыха «Неринга» я обратил внимание на то, что паспорт Авериной был выдан отделением милиции г. Кронштадта. Мой запрос в г. Кронштадт оправдал ожидания: Аверина проживала по той же улице К. Либкнехта, но не в Ленинграде, а в г. Кронштадте.

Допрошенная по отдельному поручению Аверина дала интересные показания. Оказывается, три путевки в дом отдыха «Неринга» она приобрела у своего сожителя Гуковича. Стоимость их она не оплачивала. Аверина сказала также, что помимо этих путевок в следующем году с помощью того же Гуковича получила путевку в санаторий г. Пятигорска, которую ей прислали по почте. К протоколу допроса Аверина приложила почтовую опись ценного письма, присланного с путевкой из г. Клайпеды. Текст, как было установлено экспертизой, оказался выполненным рукой Винниченко.

В книге учета путевок горкома профсоюза по поводу путевки в г. Пятигорск имелась исполненная Степанавичене запись о том, что этот документ был выдан Гиркантаускене, работавшей в одной из организаций. Как вы-

яснилось при проверке, Гиркантаускене в этой организации никогда не работала и вообще в г. Клайпед не проживала. Деньги за путевку, присланную в горком как льготную, оприходованы не были.

Необходимо было разыскать и допросить Гуковича. Адреса его Аверина не знала (или не хотела его сообщать). О личности Гуковича она сказала лишь то, что он служит моряком на судах торгового флота. Через капитана порта г. Клайпеды я выяснил, что Гукович проживает в г. Риге. Сразу же послали письменный запрос. Гукович был допрошен. Оказалось, три путевки в дом отдыха «Неринга» для Авериной он получил от Винниченко, которому и оплатил их стоимость. На следующий год тот же Винниченко по его, Гуковича, просьбе выслал по почте Авериной путевку в г. Пятигорск. Стоимость этой путевки Гукович также оплатил Винниченко.

Так был проверен эпизод незаконной реализации четырех путевок, деньги за которые присвоил Винниченко.

Аналогичным способом расследовались и другие эпизоды. В результате удалось выявить большое число незаконно реализованных путевок. Деньги, уплаченные за многие из них, всего на сумму 388 руб., были похищены.

Настало время допросить Винниченко. О его личности я получил самые не лестные отзывы. Как и следовало ожидать, Винниченко на допросе все отрицал. При этом он ссылаясь на Степанавичене, заявляя, что выдачей путевок занималась лишь она. «Ничего не помню», — обычно следовал его ответ на мои вопросы. Такой тактики он придерживался на предварительном следствии и в суде. Однако собранными доказательствами Винниченко был изобличен.

Следует кратко остановиться на расследовании фактов хищения денег, полученных по чекам на предъявителя. Эксперт-бухгалтер подтвердил выводы ревизора, что сумма неоприходованных денег, полученных по чекам с расчетных счетов в сберкассе, составила 6756 руб. Все расходы денег на профсоюзные нужды были при этом учтены.

В процессе следствия Степанавичене меняла свои показания, поясняя, что денег она не присваивала, а якобы расходовала их на различные профсоюзные нужды, не оформляя эти расходы документами.

С этой целью я допросил всех представителей мест-

комов. По их словам, Степонавичене в тех немногочисленных случаях, когда они получали у нее наличные деньги на нужды месткомов, оформляла выдачу денег расходными кассовыми ордерами.

Узнав о показаниях председателей месткомов, Степонавичене стала утверждать, что выдавала пособия членам профсоюзов, не требуя при этом выписки из решений месткома о выделении пособий. Выдачу денег также не оформляла документами. Однако она не назвала ни одной фамилии из числа лиц, которым будто бы выдала пособия без документального оформления. Эти показания Степонавичене полностью опровергались собранными по делу доказательствами.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Литовской ССР признала Степонавичене виновной в хищении денежных средств на сумму 12 674 р. 78 к., а Винниченко — виновным в хищении 828 р. 38 к. Они осуждены к лишению свободы.

Совершению преступлений способствовало то, что за все время работы Клайпедского горкома профсоюза там ни разу не проводилось ревизий финансовой деятельности. Правда, в горкоме существовала на общественных началах ревизионная комиссия, которая формально ежегодно составляла акты, вписывая в них данные, взятые из финансовых отчетов Степонавичене. Деятельность «ревизора» этим и ограничивалась. Такая обстановка позволяла в течение ряда лет безнаказанно совершать преступления.

По материалам следствия был внесен ряд представлений, в частности на имя председателя Литовского республиканского совета профсоюзов. На их основании были приняты меры для предупреждения подобных хищений в будущем.

*Следователь прокуратуры
Самарского района г. Куйбышева
юрист 2-го класса
С. ЕСАУЛОВ*

ХИЩЕНИЕ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ В ПАРИКМАХЕРСКОЙ г. КУЙБЫШЕВА

В органы БХСС г. Куйбышева стали поступать сигналы о том, что заведующая парикмахерской Кировского района Синкевич вымогает взятки с учениц, обучающихся в парикмахерской, и занимается припиской веса выстиранного белья прачке Савиновой, присваивая излишне выплаченные за стирку деньги.

При проверке, произведенной отделом БХСС, факты подтвердились. На основании материалов проверки было возбуждено уголовное дело по признакам ст. ст. 92 и 173 УК РСФСР и в порядке ст. 126 УПК РСФСР направлено в прокуратуру для дальнейшего расследования.

Так как взятки Синкевич брала в прошлые годы ее работы, а факты приписок количества выстиранного белья документами подтвердить было трудно, она, чувствуя свою неуязвимость, категорически отрицала вину.

При ознакомлении с образом жизни Синкевич было установлено, что та в прошлом дважды привлекалась к ответственности за хищение государственного имущества. Она имела большой круг знакомых среди работников торговли, связанных с продажей парфюмерных изделий и материалов. Парикмахерская, руководимая ею, была на хорошем счету в Управлении, и Синкевич пользовалась большим авторитетом у начальника Управления Панченко.

На протяжении ряда лет она постоянно приобретала ценные вещи. Синкевич купила автомашину «Москвич», дорогие предметы одежды, часто ездила на курорт, вместе с мужем совершала туристические поездки; любила собирать гостей, а праздники отмечала с особой пышностью.

Собранные данные свидетельствовали о том, что

Синкевич живет не по средствам. В связи с этим возник вопрос, не занимается ли она хищениями. Была назначена бухгалтерская документальная ревизия за четыре года работы Синкевич в должности заведующей парикмахерской, так как за этот период в архиве управления сохранились бухгалтерские документы.

Перед ревизорами поставили задачу — проверить законность кассовых и материальных отчетов Синкевич. В ходе ревизии было изъято из архива бухгалтерии управления 656 счетов и чеков на сумму 6267 руб., предъявленных Синкевич к оплате якобы на закупленную парфюмерию. Изъятые счета и чеки по внешним признакам (отсутствие на документе даты, а также росписи в получении предметов парфюмерии материально ответственным лицом и т. д.) не отвечали требованиям, предъявляемым кассовым документам. Кроме того, материалы ревизии свидетельствовали о том, что приобретение Синкевич в магазинах за наличный расчет значительного количества одеколона и другой парфюмерии не вызывалось производственной необходимостью, ибо полученная парфюмерия и материалы со склада Управления за весь ревизуемый период полностью обеспечивали нужды парикмахерской.

В материалах ревизии также указывалось, что за тот же период времени прачке Савиновой было приписано 12 963 кг выстиранного белья и незаконно списано 200 кусков хозяйственного мыла, а всего таким путем Синкевич совместно с Савиновой похитили 4014 руб.

Грубые нарушения финансовой дисциплины были отмечены ревизорами и в действиях начальника Управления парикмахерскими Панченко. Об этом свидетельствовали изъятые счета и чеки, которые, как правило, за одной датой поступали от Синкевич на большие суммы — от 50 до 300 руб. и более. На чеках стояла виза Панченко об их оплате. Однако парикмахерской разрешалось расходовать ежедневно не более 15 руб.

Как упоминалось, в акте ревизии делался вывод о том, что деньги по подложным счетам и чекам, а также деньги, выплаченные за приписанное количество выстиранного белья, похищены Синкевич¹.

¹ Следует заметить, что, делая такие выводы, ревизоры выходили за пределы своей компетенции (прим. автора).

Кроме того, констатируя приписки о количестве стирального белья, ревизоры исходили из данных, содержащихся в черновых записях, изъятых при обыске у кассиранки парикмахерской. Выводы ревизии нуждались в проверке следственным путем. Она была начата с выявленных ревизорами поддельных счетов и чеков.

Прежде всего обращало на себя внимание то, что большинство счетов и чеков, вызывающих сомнение в их подлинности, поступало от магазина № 14 горпромторга. В связи с этим я допросил работников данного магазина. По словам продавцов, они выписывали счета на сумму, не превышающую 15 руб. В то же время некоторые из них показали, что им приходилось заверять счета Синкевич на более крупные суммы. Кассиры этого магазина также сообщили, что Синкевич покупала товары на суммы не свыше 15 руб.

Для установления исполнителей документов, признанных ревизорами поддельными, были получены образцы почерка Синкевич, ее дочери Семиной и некоторых работников парикмахерской, находившихся в хороших отношениях с Синкевич.

При сравнении почерков названных лиц без особого труда было установлено, что абсолютное большинство этих документов, всего на сумму 5223 руб., написано заведующей парикмахерской и ее дочерью. Впоследствии эти выводы подтвердились почерковедческой экспертизой.

В процессе расследования удалось выявить ряд новых злоупотреблений Синкевич. Так, при осмотре бухгалтерских документов обнаружилось, что она неоднократно получала одновременно и зарплату и деньги по листку нетрудоспособности. Кроме того, Синкевич также получила зарплату за время нахождения в месячной туристической поездке в Польшу. Работники парикмахерских (как той, которой заведовала Синкевич, так и других, относящихся к одному Управлению), соприкасавшиеся с работой Синкевич, дали многочисленные показания о ее преступных действиях. Как они рассказали, а затем подтвердили свои показания на очных ставках, Синкевич неоднократно незаконно удерживала часть зарплаты с сотрудников парикмахерской в свою пользу, допускала приписки к объему выполненных работ своим дочерям Семиной и Павловой, работавшим

дамскими мастерами в той же парикмахерской. Было также установлено, что часть денег, полученных в виде взятки с учениц, заведующая парикмахерской передавала председателю квалификационной комиссии управления Рабину, который за это освобождал учениц от экзаменов на мастеров-парикмахеров.

Изобличенная показаниями продавцов и кассиров магазина № 14, работников парикмахерских, а также другими доказательствами, Синкевич признала себя виновной в инкриминируемых ей преступлениях и подробно рассказала о них.

Согласно показаниям Синкевич она, используя приятельские отношения с Панченко, ежемесячно брала из кассы парикмахерской большие суммы денег якобы на покупку парфюмерии и материалов для нужд производства. За них она отчитывалась бестоварными счетами и чеками, а деньги присваивала. Различными путями она приобретала в магазинах чистые бланки счетов и чеков, а затем у себя на работе или дома заполняла их от имени работников магазинов и других торгующих организаций. В заполнении поддельных счетов и чеков Синкевич помогала ее дочь Семина, также участвовавшая в совершении хищений. Так продолжалось на протяжении четырех лет.

Для того, чтобы кассовые отчеты с подложными документами беспрепятственно принимались бухгалтерией Управления, Синкевич вместо кассиров, ответственных за сдачу расходных документов, сама представляла их в Управление непосредственно Панченко. Последний, несмотря на то, что главный бухгалтер Ширяева высказывала сомнения по поводу документов, представляемых Синкевич, подписывал их к оплате.

Завизированные Панченко документы Синкевич вместе с отчетами сдавала бухгалтеру Управления Чапахиной. Та, как правило, не обращала внимания на правильность оформления документов, чем и создавала условия для беспрепятственной сдачи кассовых отчетов с поддельными счетами и чеками.

Материальные отчеты Синкевич были подвергнуты специальной проверке как ревизионным, так и следственным путем. Результаты этой работы, которые была вынуждена подтвердить и Синкевич, показали следующее. Поскольку на похищаемые суммы денег она пред-

ставляла документы на приобретение парфюмерии, расход ее в парикмахерской должен был превышать по документам всякие нормы. Это и выявилось при изучении документов, а также в результате допросов работников парикмахерской.

Все материальные отчеты составлялись ею небрежно, в них имелись многочисленные исправления и приписки, как правило, отсутствовали подписи ответственных лиц. Сопоставление документов показало, что для сокрытия перерасхода парфюмерии Синкевич вносила в отчеты искаженные данные: одеколоны высших сортов списывались более низкими сортами, расход одеколона записывался в графы, где должны списываться другие, более дешевые, материалы. Так, одеколон «Шипр» был внесен в отчет в графу «Карболовый раствор», а в другом ежемесячном отчете — в графу «Окись гидроль».

Прием и проверку материальных отчетов начальник Управления Панченко возложил на техника-плановика Журавлева. Как выяснилось в ходе расследования, Журавлев относился к своим обязанностям халатно, часто находился на работе в нетрезвом виде. Проверка им материальных отчетов, поступающих от Синкевич, носила формальный характер. Это и давало возможность Синкевич продолжительное время списывать парфюмерию и материалы сверхустановленных норм.

По словам работников парикмахерской, Синкевич систематически выдавала им парфюмерию в меньшем количестве. Кроме того, были получены доказательства, что она обменивала в торговых точках одеколоны высших сортов, полученные ею со склада Управления, на низшие, что также позволяло создавать излишки.

Всего по фиктивным счетам и товарным чекам Синкевич похитила лично 3306 р. 53 к., а совместно с Семиной — 851 р. 91 к.

Расследование преступных действий Синкевич, связанных с припиской количества стираемого белья, подтвердило выводы ревизоров. Дополнительно проведенной работой с документами было установлено, что количество стираемого белья и сумма выплачиваемых за это денег указывались в документах по наивысшей норме — 10 процентов к сумме выручки парикмахерской. Фактически же стиралось гораздо меньшее количество белья. Как показали работники парикмахерской,

и в частности кастелянша, Синкевич постоянно ограничивала возможности для стирки. Это позволяло ей и прачке Савиновой присваивать больше денег. Последние похитили 4014 р. 30 к.

Преступные действия Синкевич, Савиновой и Семиной были квалифицированы по ч. 3 ст. 92 УК РСФСР; начальника Управления парикмахерских Панченко — по ч. 2 ст. 170 УК РСФСР; бухгалтера Управления Чулахиной — по ст. 172 УК РСФСР; председателя квалификационной комиссии Управления Рабкина — по ч. 2 ст. 173 УК РСФСР. Куйбышевским областным судом все они были признаны виновными и осуждены. Однако суд переквалифицировал действия Семиной на ч. 2 ст. 92 УК РСФСР.

Старший следователь
прокуратуры Рязанской области
младший советник юстиции
Л. М. ЦЫБУЛЕВСКИЙ

РАССЛЕДОВАНИЕ ХИЩЕНИЯ НА САПОЖКОВСКОМ КОМБИНАТЕ БЫТОВОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

В прокуратуру стали поступать анонимные заявления о том, что закройщица пошивочного цеха Сапожковского комбината бытового обслуживания Черкалина и старший бухгалтер Шкред занимаются хищением государственных средств. Конкретные факты хищения в заявлениях не указывались.

В пошивочном цехе, который возглавляла Черкалина, изготовлялись ватные фуфайки (куртки) по заказам организаций и граждан. Черкалина получала со склада комбината в подотчет материалы на изготовление изделий, сама принимала и выдавала заказы гражданам, зачастую получая от них деньги за выполненную работу. Отчитывалась она за материальные ценности перед старшим бухгалтером комбината Шкред.

В бухгалтерии комбината имелись акты ревизий, проведенных за последние годы ведомственными ревизорами областного Управления бытового обслуживания населения. Каких-либо нарушений или недостатков в пошивочном цехе ими не было установлено.

Вместе с тем проведенная прокуратурой проверка показала, что Черкалина, проживая без мужа и имея на иждивении ребенка, приобрела дом стоимостью около 10 000 руб., а также расходовала крупные суммы денег.

Решили провести тщательную документальную ревизию финансово-хозяйственной деятельности комбината и в особенности пошивочного цеха за трехлетний период, в течение которого Черкалина работала мастером цеха. Производство ревизии было поручено ревизорам КРУ Министерства финансов РСФСР.

Почти два месяца ревизоры тщательно проверяли все бухгалтерские документы, связанные с движением материалов и готовой продукции, но излишков или недостач не обнаружили.

Однако факты, вскрытые ревизорами, давали основание полагать, что Черкалина и старший бухгалтер Шкред совершали хищения, тщательно маскируя их.

Так, некоторые квитанции на пошив ватных фуфаяк были оформлены Черкалиной на вымышленных лиц. Причем во всех этих квитанциях указывалось, что заказы выполнены из материала заказчиков. Были выявлены документы, оформленные на лиц, проживавших в рабочем поселке Сапожок. Однако эти лица в действительности к услугам комбината не прибегали. Черкалина объяснила наличие таких квитанций-заказов тем, что фамилии и адреса заказчиков она записывала с их слов без проверки документов. Эти объяснения выглядели неправдоподобными, так как некоторые квитанции она оформляла на граждан, которых хорошо знала. Но и они отрицали сдачу и оформление заказов.

Прокуратура Сапожковского района возбудила уголовное дело по признакам ч. 1 ст. 92 УК РСФСР. Прокурором области производство расследования было поручено мне.

Я ознакомился с учетом, изготовлением и сбытом готовой продукции на комбинате. Одновременно были произведены обыски на рабочих местах Черкалиной и Шкреда и в их квартирах. У Черкалиной в рабочем столе и на квартире я нашел заявки (письма) организаций на пошив ватных фуфаяк. В заявках указывалось количество и размеры фуфаяк, которые комбинат должен был сшить. Эти документы я изъяс.

В начале ревизии при снятии остатков на складе готовой продукции была обнаружена партия фуфаяк, подлежащая отправке заказчику. Когда с помощью технолога ревизоры сравнили размеры этих фуфаяк с данными, указанными в документах, находящихся в бухгалтерии комбината, оказалось, что в документах указаны большие размеры, чем размеры изготовленных фуфаяк. Это давало основания полагать, что за счет завышения списания материала создавался резерв для хищения либо для изготовления из него неучтенной продукции. Среди обнаруженных на квартире у Черкалиной доку-

ментов была заявка транспортной организации г. Рязани на изготовление 600 фуфаяк-безрукавок. Проверка документов в бухгалтерии показала, что по учету значились изготовленными для этой организации фуфайки с рукавами, поэтому с подотчета Черкалиной сверх фактически израсходованной было списано около 500 м ткани.

Поскольку в отчетных документах бухгалтерии не оказалось заявок большинства организаций-заказчиков, была предпринята попытка изъять копии этих заявок в самих организациях. Однако у большинства заказчиков они не сохранились. Сравнительно же небольшое число заявок, которые удалось обнаружить, не давало возможности установить действительное количество излишне списанных материалов.

Наряду с работой в данном направлении следовало также учитывать, что хищение могло осуществляться и за счет экономии материала при раскрое, излишнего списания его при изготовлении заказов индивидуальным заказчиком. Чтобы проверить эти предположения, была назначена технологическая экспертиза, проведение которой поручили специалистам швейной промышленности.

Эксперты по меркам, указанным в каждой из представленных квитанций-заказов, должны были определить:

1. Соответствует ли установленным нормам количество списанных материалов на пошив курток и других швейных изделий с подотчета Черкалиной.

2. Какое количество материалов излишне списано с подотчета Черкалиной.

В распоряжение экспертов представили все изъятые в бухгалтерии квитанции-заказы за несколько лет на пошив ватных курток гражданам (их оказалось около 2500 штук), а также рабочие лекала, которыми пользовались при раскрое курток.

Согласно заключению экспертизы с подотчета Черкалиной было списано тканей сверх установленных норм на общую сумму 9272 руб.

Черкалина и старший бухгалтер Шкред не оспаривали заключения технологической экспертизы, но заявили, что никаких излишков материалов в швейном цехе

не было и все материалы, которые Черкалина получала в подотчет, расходовались по своему назначению.

Несмотря на это, можно было считать установленным, что указанным способом Черкалина и Шкред создали неучтенный по бухгалтерии резерв материалов. Однако утверждать, что сумма похищенного составляет 9272 руб., не было оснований. Из лишнего материала в цехе могли шить куртки, продавать их и из вырученной суммы присваивать стоимость материала, а стоимость работы вносить в кассу комбината.

Эта версия проверялась в ходе дальнейшего расследования.

Как было установлено, швея Паршикова в последние три года почти каждое воскресенье продавала с лотка на рынке швейные изделия. Среди них часто были и полученные у Черкалиной ватные фуфайки, которые продавались по 10 руб. При выдаче изделий для продажи Черкалина выписывала накладную в двух экземплярах. Один экземпляр она отдавала Паршиковой. Вечером вместе с выручкой Паршикова возвращала накладную Черкалиной, которая при ней уничтожала оба экземпляра накладных. Хотя вполне обоснованно можно было предполагать, что именно таким путем реализовывались изделия, изготовленные из неучтенной ткани, отсутствие документов не давало возможности проверить, все ли суммы, вырученные от продажи изделий, Черкалина сдавала в бухгалтерию, и определить размер хищения, совершенного данным способом.

Другая версия о реализации сэкономленных тканей сводилась к тому, что Черкалина, принимая заказы от населения на изготовление курток из ткани комбината, расходовала на эти изделия излишки ткани, а деньги, полученные с заказчиков, присваивала.

Для проверки этой версии, исходя из содержания преступных действий расхитителей, необходимо было просмотреть все квитанции-заказы на пошив ватных курток гражданам за три года. Таких заказов оказалось более двух с половиной тысяч. Проверку начали с составления списков квитанций-заказов за весь период работы Черкалиной.

По договоренности с начальником РОВД списки были розданы участковым инспекторам, а также некоторым оперативным работникам милиции. Если в резуль-

тате проверки оказывалось, что заказчики не проживали по месту жительства, указанному в квитанциях, об этом истребовалась справка из сельского Совета. Были выявлены и такие случаи, когда граждане проживали по указанному в квитанции адресу, однако заказы или не сдавали совсем, или сдавали, но не из своего материала, как значилось в квитанции, а из материала комбината. У этих заказчиков на допросах отбирались образцы подписей.

Из общего количества проверенных квитанций-заказов, оформленных Черкалиной, расхождения были выявлены по 425 документам.

В указанных 425 квитанциях значилось, что комбинатом изготовлено индивидуальным заказчиком 1103 ватных куртки и 19 других швейных изделий. Общая отпускная стоимость всех этих швейных изделий составляла 11 533 р. 42 к. По документам бухгалтерии комбината все эти изделия были изготовлены из материала заказчиков. Черкалина внесла в кассу только стоимость изготовления изделий — 2782 р. 76 к. Это составляло заработную плату рабочих, которые шили ватные куртки. А остальная сумма — 8750 р. 66 к. была похищена.

Черкалина под давлением улик, собранных в процессе следствия, призналась в хищении. Она показала, что на комбинате создавались излишки за счет указания в документах больших размеров изделий, чем те, которые были фактически изготовлены. Образующиеся излишки использовались для пошива ватных курток, реализуемых частным лицам, с последующим присвоением вырученных сумм. Для того, чтобы у рабочих не возникло подозрений, эти изделия оформлялись выпиской квитанций-заказов на вымышленных лиц. Как пояснила Черкалина, в хищении принимала участие и главный бухгалтер Шкред.

Шкред первоначально свою причастность к хищениям категорически отрицала. Однако способы создания неучтенного резерва тканей, сбыт сшитых из нее курток и другие доказательства говорили о том, что она также является участницей этого хищения.

По делу была проведена почерковедческая экспертиза. Эксперту предстояло установить по всем выявленным поддельным квитанциям-заказам, кем выполнены в них подписи.

Эксперт дал заключение, что из 425 оформленных фиктивных квитанций-заказов в 335 расписалась за заказчиков о сдаче и получении заказа Черкалина, а в 11 квитанциях — главный бухгалтер Шкред.

Выводы почерковедческой экспертизы явились важным доказательством виновности Черкалиной и Шкред в местном хищении, так как опровергли их показания о том, что квитанции не поддельны, а заказчики просто называли вымышленные фамилии.

Шкред и Черкалина были привлечены к уголовной ответственности по ч. 3 ст. 92 УК РСФСР и осуждены к длительному сроку лишения свободы.

Начальник следственного отдела
прокуратуры Армянской ССР
старший советник юстиции
Г. С. САРКИСОВ

УМЕЛАЯ РАБОТА СЛЕДОВАТЕЛЯ С БУХГАЛТЕРСКИМИ ДОКУМЕНТАМИ ОБЕСПЕЧИЛА РАСКРЫТИЕ ХИЩЕНИЯ

Прокуратура г. Ленинакана в сентябре 1968 года возбудила уголовное дело в отношении оперуполномоченного ОБХСС городского отдела милиции Саргсяна по ст. 185 УК Армянской ССР за получение взятки в сумме 4000 руб. от заведующего отделом готовой одежды и трикотажа Воскевазского универсама Амбарцумяна.

При расследовании дела по поводу этого факта было установлено, что рабочий Ленинанканской чулочной фабрики Симонян в течение 1967—1968 гг. систематически расхищал с фабрики эластичные носки. С целью их реализации Симонян через своих знакомых договорился с заведующим отделом Воскевазского универсама Амбарцумяном о продаже последнему 1 тыс. пар эластичных носков по 1 р. 50 к. за каждую. Знакомые Симоняна доставили носки на квартиру Амбарцумяну, и тот передал через этих же лиц Симоняну обещанные 1500 руб.

Амбарцумян вместе с продавцом Саядян стали продавать эти носки в отделе по государственной цене 2 р. 54 к. за пару, наживая на каждой проданной паре 1 р. 04 к.

Через некоторое время Симонян, узнав, что носки, переданные Амбарцумяну, еще не полностью реализованы, по сговору с оперуполномоченным ОБХСС Ленинанканского отдела милиции Саргсяном с целью вымогательства взятки вместе с контролером-инспектором Ленгорторга Кутузяном и преподавателем школы № 20 г. Ленинакана Паносяном приехали в село Воскеваз будто бы для производства проверки в отделе магазина.

Саргсян, выдав себя за начальника Ленинанканского отдела милиции, Кутузян и Симонян — за работников того же отдела, а Паносян — за начальника ОТК чулочной фабрики, в ходе проверки в отделе магазина обнаружили у материально ответственных лиц Амбарцумяна и Саядян 15 пар нереализованных носков из партии, доставленной Симоняном. Об этом они составили акт и взяли у Амбарцумяна письменное объяснение, в котором он признал факт незаконного приобретения носков.

После этого те же лица направились на квартиру Амбарцумяна якобы с целью производства обыска. Там Саргсян и остальные члены группы предложили дать им 4000 руб., обещав освободить Амбарцумяна от ответственности и уничтожить составленный в магазине акт. Получив согласие Амбарцумяна, они составили второй акт о том, что при проверке вверенного ему отдела никаких нарушений не выявлено.

Амбарцумян в своей квартире передал «комиссии» 2500 руб., а остальные 1500 руб., взятые из выручки магазина, вручил Саргсяну через несколько часов в условленном месте. Полученные деньги преступники поделили между собой.

Спустя некоторое время о происшедшем стало известно прокурору г. Ленинанкана. Акт, составленный первоначально вымогателями взятки, был обнаружен у одного из них при обыске¹.

Вновь назначенной проверкой в отделе универмага, которым заведовал Амбарцумян, была выявлена недостача на сумму 91 000 руб. Возбужденное в связи с этим уголовное дело поручили вести следователю по особо важным делам при Прокуратуре Армянской ССР Мурадяну.

Материально ответственные лица Амбарцумян и Саядян заявили, что не знают, когда и при каких обстоятельствах образовалась указанная недостача. Следователь Мурадян разработал подробный план следствия, в котором особое внимание отводилось тщательному исследованию бухгалтерских документов универмага и райпотребсоюза.

В числе намеченных вопросов следовало выяснить,

¹ После окончания расследования по факту взяточничества виновные были осуждены (прим. автора).

образовалась ли недостача за последние семь месяцев, как это было зафиксировано в акте ревизии, или раньше, но осталась невыявленной в процессе очередных проверок.

Как было установлено следователем, очередные плановые ревизии производились с нарушением сроков, а внезапные и контрольные проверки вовсе не проводились. При осмотре изъятых инвентаризационных ведомостей было выявлено, что в некоторых графах имеются исправления в сторону увеличения количества товарных единиц и цен. Внимательно проверив эти ведомости, следователь установил, что с учетом внесенных исправлений в данные о количестве и цене некоторых товаров общая стоимость этих товаров не совпадает с той, которая указана прописью в конце ведомостей. Таких приписок оказалось много.

Для дальнейшей проверки выявленных фактов приписок и завышения цен следователь назначил почерковедческую, судебно-бухгалтерскую и техническую экспертизы.

Почерковедческая экспертиза установила, что приписки были сделаны зеведующим отделом универмага Амбарцумяном. Суммы приписок оказались следующими: в феврале 1965 года — 19 204 руб., в августе 1965 года — 20 940 руб., в марте 1966 года — 25 567 руб., в октябре 1966 года — 33 083 руб., в мае 1967 года — 43 769 руб. и в феврале 1968 года — 57 116 руб. Приписки, которыми скрывались недостачи, оставались невыявленными из-за халатного отношения к своим обязанностям старшего бухгалтера сельпо Авояна, а также ревизоров «Айкоопа». Последние поверхностно проводили документальные ревизии. Они невнимательно просматривали инвентаризационные ведомости, не проверяли итоги по отдельным графам ведомостей, не сопоставляли их с итогами, написанными прописью, вследствие чего приписки оставались незамеченными.

Для выявления обстоятельств, способствовавших образованию данной недостачи, было проверено, пользовались ли очередными отпусками Амбарцумян и продавец Саядян и как они передавали товарно-материальные ценности при уходе в отпуск.

В книгах приказов имелись соответствующие распоряжения председателя правления сельпо Балаяна и его

заместителя Давтяна. Согласно приказам и изъятиям из бухгалтерии сельпо актам передачи товарно-материальных ценностей они на время отпуска передавались некоему Манукяну. Однако при сравнении подписей от имени Манукяна в приемно-сдаточном акте и платежной ведомости было видно, что они выполнены не одним и тем же лицом. Кроме того, не оказалось акта об обратной передаче товаров Манукином. В связи с этим возникла необходимость установить личность последнего и допросить его.

Выяснилось, что Манукян является мужем сестры продавца Саядяна. Они не только не принимал ценностей от Саядяна и Амбарцумяна, но даже не знал о том, что последние, уходя в отпуск, оформляли его продавцом вместо себя. Саядян и Амбарцумян вынуждены были признать эти обстоятельства. Как было установлено, по предложению председателя сельпо и его заместителя ревизоры сельпо Акопян и Василян без фактической проверки наличия товаров составляли подложные инвентаризационные ведомости, в которых вместо Манукяна расписывались Саядян или Амбарцумян.

Не ограничившись установлением общего размера недостачи, составившей по акту ревизии 91 тыс. руб., следователь задался целью выяснить причины ее образования и если имело место хищение (а для такого предположения были все основания), то каким путем оно совершалось и в течение какого времени.

Еще раз тщательно изучив бухгалтерские документы, следователь особое внимание обратил на те из них, в которых отражались операции с товарами повышенного спроса. В ходе этой работы выяснилось, что Амбарцумяну в нарушение существующих правил было разрешено отпускать из отдела промтовары другим магазинам райпотребсоюза. При сопоставлении приходных и расходных накладных на поступившую из Ленинканской торговой базы ткань артикулов 2175 и 2127 следователь установил, что в одном случае вместо 4 р. 56 к. за метр она реализовывалась по 6 р. 60 к., а в другом — вместо 5 руб. ее отпускали по 8 р. 12 к. Всего за ткани, как определил эксперт-бухгалтер, излишне было получено 5730 руб.

Цены завышались не только при отпуске тканей, но и по многим другим видам товаров. Так, ковры, которые

стоили 87 р. 19 к., Амбарцумян отпускал в другие сельмаги по цене 102 р. 50 к. Разница по этому виду товара составила 4923 руб. Стало очевидно, что эти суммы похищены.

Изучая документы отдела, следователь также установил, что в сентябре 1968 года при пересортировке носков на основании акта уценки с Амбарцумяна и Саядяна было списано 6366 руб. Возникло подозрение, не совершались ли в последующем какие-либо злоупотребления при продаже уцененных носков. Проверив документы, связанные с уценкой носков и их последующей реализацией, следователь установил, что заместитель председателя сельпо Давтян, сам проводивший в присутствии представителей фабрики уценку носков, позже дал распоряжение передать их в сельмаги для реализации по прежней цене. Следовательно, сумма 6366 руб. была списана с отдела дважды: на основании акта уценки и по фактурам на отпуск носков в магазины.

Таким образом, проведенная работа с документами позволила выявить факты сокрытия Амбарцумяном недостачи в инвентаризационных ведомостях, а также незаконные операции с товарами, в результате которых создавались возможности для изъятия денег или покрытия недостачи.

Для выявления способов изъятия денег следователь Мурадян особое внимание обратил на порядок сдачи ежедневной выручки отделом Амбарцумяна. Было установлено, что магазин работал без выходных дней. Однако, несмотря на это, денежные выручки вносились в кассу нерегулярно. Как выяснилось, Амбарцумян и Саядян вносили в кассу лишь часть дневной выручки и то при наличии в магазине больших товарных остатков или при поступлении товаров повышенного спроса. В среднем денежная выручка магазина в день составляла от 500 до 600 руб. Однако во многие дни в кассу вносилось лишь от 50 до 200 руб.

Для всестороннего исследования вопроса о нерегулярном взносе в кассу денежной выручки назначили выборочную проверку движения товаров. Результаты оказались весьма наглядными. Даже если допустить, что за последние семь месяцев до возбуждения дела в магазине были проданы пользующиеся повышенным спросом товары только 16 наименований, а остальные более

300 наименований не продавались вообще, то и в этом случае в кассу не было внесено 46 254 руб.

Данное обстоятельство сыграло большую роль в изобличении Амбарцумяна и Саядян, которые признались в систематическом изъятии денег из выручки. В частности, Амбарцумян признал тот факт, что деньги данные Саргсяну в виде взятки в сумме 4000 руб., он также взял из выручки магазина.

Глубокий анализ документов отдела универмага и, главное, отчетов, направлявшихся Амбарцумяном в сельпо, позволил следователю установить, что совершению и сокрытию хищений способствовало не только недоброкачественное проведение ревизий, но и непосредственно участие некоторых работников сельпо, в частности старшего бухгалтера Авояна. Он принимал от Амбарцумяна неподписанные отчеты. Авоян непосредственно произвел повторное списание 6 366 руб. при передаче из отдела Амбарцумяна ранее уцененных носков для реализации по прежней цене в магазины.

Продолжая расследование, Мурадян обратил внимание на поступление в отдел товаров повышенного спроса (комбикормов, мебели, крышек для консервирования, автопокрышек и т. п.), не имевших никакой связи с профилем отдела. Наличие крупных сверхнормативных остатков таких товаров способствовало маскировке недостачи в отделе, а также позволяло совершать новые хищения. Следователь установил, что Амбарцумян и Саядян расхитили корм для скота на 258 р. 80 к., бесплатно передав его брату Саядяна.

Таким образом, в результате умелой работы следователя с бухгалтерскими документами удалось раскрыть опасное преступление, которое совершалось в течение нескольких лет. По этому делу было привлечено к уголовной ответственности 17 человек. Действия Амбарцумяна и Саядяна были квалифицированы по ч. 1 ст. 90¹, ст. ст. 186, 224 и ч. 2 ст. 182 УК Армянской ССР.

Приговором Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Армянской ССР все обвиняемые осуждены.

По материалам уголовного дела Прокурор Армянской ССР направил представление в правление «Айкоопа» для устранения причин и условий, способствующих совершению хищений общественных средств.

Помощник прокурора
г. Константиновки Донецкой области
юрист 2-го класса

В. В. ПОГОРЕЛОВ

РАССЛЕДОВАНИЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ О ПРОСТОЕ ПОДВИЖНОГО СОСТАВА МПС

На протяжении ряда лет на Константиновском химическом заводе отмечались частые непроизводительные простои вагонов и цистерн Министерства путей сообщения СССР, за что завод ежегодно выплачивал большие суммы штрафа. Только за четвертый квартал 1969 года за сверхнормативный простой цистерн завод выплатил в виде штрафа 6024 руб.

Прокуратура г. Константиновки не раз обращала на это внимание руководителей завода и неоднократно проводила проверки в порядке общего надзора.

В январе 1969 года мною в порядке общего надзора была вновь проведена проверка. Руководители завода и транспортного цеха перепростой вагонов объясняли отсутствием достаточных фронтов выгрузки, диспропорцией в развитии основных цехов и транспортного цеха и др. Опровергнуть эти утверждения было трудно, так как частично они подтверждались результатами проверки. Однако халатность и запущенность этого участка работы чувствовались во всем. Такие суждения высказывали и рабочие в личной беседе.

Через два дня после моего посещения завода в прокуратуру пришло письмо от рабочего этого завода, в котором сообщалось о длительном простое одной цистерны с сульфидратом и о других фактах бездеятельности руководителей транспортного цеха и завода, приводивших к непроизводительным простоям подвижного состава.

Я немедленно организовал проверку достоверности изложенных фактов. Для участия в проверке были привлечены специалисты-транспортники незаинтересован-

ных заводов, представители станции и железнодорожной ветки, обслуживающие химический завод. Мною координировалась работа созданной комиссии.

Комиссия установила, что на территории завода действительно простаивает сернокислотная цистерна № 7682283, наполненная вопреки требованиям Устава железных дорог СССР сульфидратом. В Уставе говорится, что под налив должны подаваться цистерны, соответствующие роду наливаемого продукта. Наполнение указанной цистерны сульфидратом могло привести к тяжелым последствиям и даже к массовой гибели людей, так как сульфидрат с многими другими продуктами образует агрессивную смесь с выделением ядовитого газа.

Кроме того, эта цистерна непроизводительно простаивала с 21 октября 1969 г. по 3 февраля 1970 г., что также является грубым нарушением Устава железных дорог СССР.

Комиссией были установлены и другие конкретные факты длительного простоя цистерн, не отраженные в документах завода. Так, 11 цистерн, которые стояли на заводе с серной кислотой, по документам завода и ветковладельца считались слитыми и вновь представленными заводу под налив. Таким образом, было выявлено сокрытие длительных простоев спецподвижного состава.

По окончании проверки комиссия составила акт. Участвовавшие в проверке заместитель директора завода по транспорту Косаренко и начальник транспортного цеха Ключко его подписали, но представили свои возражения. Рассмотрев акт комиссии, прокурор города тов. Васильев возбудил уголовное дело. Расследование уголовного дела было поручено мне.

В тот же день я принял дело к своему производству и занялся составлением плана расследования, который впоследствии постепенно расширялся. Я пересмотрел имеющуюся литературу по данным делам, ознакомился с правилами перевозки грузов, с порядком оформления прибывших и отправляемых грузов, с Уставом железных дорог СССР.

Расследование велось в основном непосредственно в транспортном цехе завода, где мне предоставили рабочее место.

Факт сокрытия простоя цистерн был очевиден: они стояли наполненные продукцией, прибывшей на завод. По документам же цистерны значились снятыми с простоя, числились порожними и вновь поданными для загрузки. После возбуждения уголовного дела и внесения представления начальнику станции Константиновки за простоя указанных цистерн был взыскан штраф в сумме 10 969 руб.

Расследование сокрытия простоя 11 цистерн показало, что такие факты в транспортном цехе были неединичными. Между химическим заводом и ветковладельцем существовал договор, по которому завод после слива цистерн и разгрузки вагонов должен их очистить, произвести мелкий ремонт и вернуть ветковладельцу в установленный срок. Об этом должна составляться специальная ведомость возврата вагонов с указанием номера каждого вагона и цистерны, даты возвращения на железнодорожную ветку. По требованию завода с железнодорожной ветки вновь предоставляются заводу цистерны и вагоны для отправки их с продукцией завода получателям.

Работники транспортного цеха составляли ведомости возврата вагонов, указывая в них, что цистерны слиты, а вагоны разгружены в установленный двухчасовой срок и сданы на ветку чистыми. Фактически же вагоны и цистерны не разгружались длительное время. Это оказалось возможным в результате бесконтрольности со стороны работников железнодорожной ветки. Они принимали ведомости, хотя цистерны и вагоны оставались неразгруженными.

Такая практика привела к нехватке порожних вагонов, в результате чего срывались поставки химической продукции.

Как показали свидетели — рабочие и служащие транспортного цеха завода, сокрытие фактического простоя вагонов было обычной практикой в цехе. Об этом знали руководители транспортного цеха и заместитель директора по транспорту Косаренко. Никаких мер для ликвидации такой практики они не предпринимали, на необходимость соблюдения норм простоя внимания не обращали.

Кислотная цистерна, сообщили далее свидетели, была заполнена сульфидратом по распоряжению Косаренко

и Клочко. Она была слита только тогда, когда возбуждено уголовное дело. За простой кислотной цистерны с сульфидратом с завода взыскали штраф в размере 7366 руб.

После выяснения фактической картины использования транспорта на заводе предстояло еще раз допросить должностных лиц, ответственных за допущенные злоупотребления, — заместителя директора завода по транспорту Косаренко и начальника транспортного цеха Клочко. Допрошенные ранее в качестве свидетелей, они показали, что считали сложившуюся в цехе практику правильной, а о фальсификации сведений в ведомостях возврата вагонов и цистерн якобы не знали.

Следует отметить, что в ходе расследования, и в частности при подготовке к этим допросам, потребовалось еще раз ознакомиться с литературой по вопросам перевозки грузов, документального оформления погрузки и разгрузки вагонов, возвращения их предприятием железной дороге, тщательно изучить Устав железных дорог СССР. С некоторых документов были сняты копии, другие — приобретены к делу в подлинниках. Пришлось изучить и приобрести к делу приказы по заводу о распределении обязанностей руководителей транспортного цеха.

Все эти документы, а также сведения, полученные при изучении специальной литературы, были использованы при допросах Косаренко и Клочко.

По поводу наполнения кислотной цистерны сульфидратом оба допрошенных, несмотря на наличие конкретных показаний свидетелей, отрицали факт дачи ими такого распоряжения. Относительно простоя 11 цистерн с кислотой они пояснили, что знали об этом и пытались принять меры к их разгрузке. Свою осведомленность об искажениях в ведомостях возврата вагонов действительной картины простоя они отрицали.

Косаренко и Клочко было предъявлено обвинение по ст. 167 УК УССР. Оба вину свою не признали, перекладывая ответственность друг на друга.

Однако путем допроса свидетелей (работников химического завода) и изучения документов удалось доказать, что Косаренко и Клочко к своей работе относились халатно. Они безответственно относились к выполнению «Правил перевозки грузов» и соблюдению «Устава желез-

ных дорог СССР», постоянно нарушая их. Работу транспортного цеха они пустили на самотек, допускали незаконное оформление документов о снятии с простоя цистерн. В результате халатного отношения к работе заместителя директора по транспорту Косаренко и начальника транспортного цеха Клочко завод выплатил большую сумму штрафа за перепростой спецподвижного состава.

Косаренко и Клочко за халатное отношение к своим служебным обязанностям были осуждены к шести месяцам исправительных работ каждый.

Прокуратурой г. Константиновки были вынесены постановления о привлечении к дисциплинарной ответственности диспетчера транспортного цеха и начальника смены транспортного цеха.

О выявленных фактах бесхозяйственности и бездеятельности должностных лиц и о незаконной практике использования вагонов на заводе прокуратурой внесено представление директору химического завода.

III. ЭКСПЕРТИЗА НА СЛУЖБЕ СЛЕДСТВИЯ

*Заведующий отделом
трасологических исследований
Казахского НИИСЭ
кандидат юридических наук
Л. Н. МОРОЗ*

Из ПРАКТИКИ ТРАСОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИЗДЕЛИЙ МАССОВОГО ПРОИЗВОДСТВА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА

При расследовании хищений государственного и общественного имущества в качестве вещественных доказательств нередко используются различные изделия массового производства. В ряде случаев они могут быть важными доказательствами. Известно, что в задачи расследования по этой категории дел входит определение источника происхождения похищенного имущества. Особо важное значение выяснение этого обстоятельства имеет при обнаружении в торговых предприятиях так называемых «левых» товаров. Подавляющее их большинство является изделиями массового производства. Часто источник их происхождения (предприятие-изготовитель) следователи и судьи устанавливают, не прибегая к экспертизе (по ярлыкам, товарным знакам, клеймам и т. п.). В некоторых же случаях это может быть установлено только после производства экспертизы.

В настоящее время для исследования изделий массового производства следователи и судьи чаще всего назначают товароведческую, химическую и биологиче-

скую экспертизы. Однако выводы товароведов, химиков и биологов об «однородности» или «сходстве» химического состава и физических свойств исследуемых объектов, о том, что они одинаковы или относятся к одному артикулу, не всегда удовлетворяют следствие и суд.

Многие изделия в настоящее время изготавливаются с помощью пресс-форм, штампов, различных машин. В процессе изготовления таких изделий на них образуются следы деталей этих пресс-форм, штампов и т. п. Следователи и судьи редко используют возможности трасологического исследования изделий массового производства. Данное обстоятельство объясняется, по-видимому, тем, что методика упомянутого вида исследования еще мало разработана, соответствующие пособия по этому вопросу отсутствуют. Между тем выводы трасологической экспертизы при исследовании изделий массового производства по делам о хищениях в некоторых случаях приобретают решающее значение.

При ревизии магазина Талгарского горло Алма-Атинской области была выявлена недостача на сумму 30 872 руб. В то же время в магазине оказалось большое количество пуговиц (на сумму 3430 руб.), не отраженных в приходных документах. Вскоре неоприходованные пуговицы в большом количестве были обнаружены в Чилинском универсаме Алма-Атинской области. Заведующие магазинами Панкова и Тамитьярова по поводу этого дали примерно одинаковые объяснения: «Большим спросом пуговицы не пользуются, и поэтому они накопились в таком количестве за несколько лет».

Как было установлено следствием, обнаруженные в магазинах пуговицы в несколько раз превышают их поступление за последние три года. Возникло предположение, не похищены ли они со склада готовых изделий Талгарского учебно-производственного комбината общества слепых (УПКОС). Однако Панкова и Тамитьярова, а также заведующий складом комбината Петрусенко категорически отрицали данное обстоятельство. Назначенная по этому делу товароведческая экспертиза пришла к выводу о том, что обнаруженные в магазинах и изготовленные в мастерских комбината пуговицы одинаковы по своим свойствам, способу изготовления и артикулу.

Как показал Петрусенко, пуговицы, аналогичные тем, которые изъяты в магазинах, изготавливаются на многих других предприятиях. В связи с этим важно было выяснить, не изготовлены ли обнаруженные в магазинах пуговицы на указанном комбинате. Следователь обратился за помощью к трасологам.

Сложность трасологических исследований изделий массового производства заключается в том, что изготовление отдельных видов этих изделий имеет свои особенности. С учетом большого разнообразия изделий массового производства экспертам нередко приходится в процессе производства экспертизы проводить большую экспериментальную работу, по существу разрабатывать новую методику исследования. Данное обстоятельство объясняется тем, что, получая для исследования изделия массового производства, эксперт нередко не знает, какие признаки необходимо выявить в процессе исследования, какова их идентификационная значимость.

При производстве трасологической экспертизы по рассматриваемому делу вначале была изучена технология производства пуговиц на комбинате, выявлен механизм образования следов на поверхности пуговиц, отображающих особенности макро-и микрорельефа рабочих поверхностей пресс-форм, в которых они изготавливаются. С помощью следователя было выяснено также и то, как часто происходит замена пресс-форм, каким изменениям подвергаются пресс-формы в процессе их ремонта.

Для получения сравнительного материала со склада пришлось изъять все находящиеся ранее в производстве пресс-формы. С их помощью, а также пресс-форм, еще находившихся в эксплуатации, изготовили образцы пуговиц для сравнения. И хотя пришлось исследовать около 3 тыс. пуговиц, эксперти удалось установить такую совокупность признаков, которая бесспорно доказывала, что пуговицы, изъятые в упомянутых магазинах, изготовлены с помощью пресс-форм комбината. Убедительность выводов эксперта и наглядность приложенных к акту фотоиллюстраций вынудили преступников признать свою вину.

При производстве трасологических исследований изделий массового производства, после их осмотра и выявления следов на них, для выяснения устойчивости

следов и их идентификационной значимости необходимо тщательно изучить технологию производства этих изделий, обращая особое внимание на те этапы технологического процесса, при которых образуются следы, а также на то, какие особенности в следах появляются при различных отклонениях от предусмотренной технологии. Нужно также выяснить, какие детали пресс-формы, штампа и т. п. являются слеодообразующими, насколько устойчив их макро-и микрорельеф, как влияет на механизм слеодообразования регулировка агрегата.

При этом следует иметь в виду то обстоятельство, что изменения макро-и микрорельефа слеодообразующих деталей могут произойти не только в результате эксплуатации агрегата. Эти изменения могут быть внесены умышленно. В таких случаях необходимо обращать внимание на те участки слеодообразующих деталей, которые трудно доступны для внесения изменений.

Группа расхитителей в течение длительного времени, прикрываясь вывеской цеха Алма-Атинской фабрики «Металлобытремонт», занималась изготовлением из похищенных материалов светозащитных очков. В ходе расследования в различных магазинах было изъято значительное количество неоприходованных светозащитных очков. У работников фабрики изъяли как заготовки (оправы, заушины и светофильтры), так и готовые очки.

Зная, что такие же очки выпускаются в мастерских общества глухонемых и на других предприятиях, обвиняемые категорически отрицали изготовление «левой» продукции.

Для решения вопроса о том, с помощью каких пресс-форм (фабрики «Металлобытремонт» или Казахского общества глухонемых) изготовлены очки и заготовки к ним, назначили трасологическую экспертизу. В качестве объектов исследования на экспертизу были представлены:

1) две пресс-формы для изготовления оправ и заушин для очков, изъятые на фабрике «Металлобытремонт»;

2) такие же две пресс-формы из цеха общества глухонемых;

3) 2286 оправ и заушин для очков, изъятых у обвиняемых;

4) 96 очков, изъятых в различных магазинах и у покупателей.

В процессе сравнения следов на оправках, заушинах и готовых очках, а также макро-и микрорельефа рабочей поверхности пресс-форм было категорически исключено изготовление представленных на исследование готовых очков и заготовок к ним на пресс-форме общества глухонемых.

Исследование указанных очков и заготовок со следами на заушинах и оправках, полученных для сравнения с помощью пресс-форм фабрики «Металлобытремонт», показало различие некоторых существенных общих признаков. В то же время исследование тех следов на оправках и заушинах очков, которые образуются труднодоступными для обработки участками пресс-формы (углубления для держателя оправы, крепления заушин и т. д.), показало совпадение многих частных признаков, отображающих особенности макро-и микрорельефа поверхности этих участков пресс-форм.

Эксперт пришел к категорическому выводу о том, что все исследуемые очки и заготовки для них изготовлены с помощью пресс-форм фабрики «Металлобытремонт». В своем заключении он отметил также, что после изготовления на них исследуемых очков и заготовок в пресс-формы были внесены некоторые изменения (изменена форма загибов заушин, добавлен рельефный рисунок в виде звездочек на краях заушин, несколько углублены некоторые участки, отшлифована и заново отхромирована поверхность некоторых легко доступных участков и т. п.).

Получив заключение экспертизы, следователь решил с участием эксперта допросить обвиняемого Рагимова (работника фабрики «Металлобытремонт»), упорно отрицавшего свою вину. Ознакомившись с заключением экспертизы и внимательно рассмотрев 27 фотоснимков, которыми иллюстрировалось это заключение, обвиняемый вынужден был признаться в совершении преступления.

В процессе допроса было установлено, что Рагимов, узнав об изъятии органами ОБХСС в ряде магазинов неприходованных там очков, пригласил знакомого мастера и попросил его за солидное вознаграждение внести некоторые изменения в пресс-формы фабрики «Металлобытремонт».

В практике Казахского НИИСЭ было немало случаев исследований изделий массового производства и по другим категориям дел. Разработка методики подобных исследований, обмен опытом исследования различных изделий с целью идентификации источников их происхождения, широкое ознакомление практических работников следствия и суда с возможностями трасологического исследования изделий массового производства, несомненно, окажут им помощь в борьбе с хищениями государственного и общественного имущества.

IV. РЕЦЕНЗИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Высшая школа МВД СССР
Ю. Н. БЕЛОЗЕРОВ
кандидат юридических наук
А. А. ЧУВИЛЕВ

БИБЛИОТЕКА СЛЕДОВАТЕЛЯ

НОВАЯ РАБОТА, ПОСВЯЩЕННАЯ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА¹

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 10 декабря 1965 г. «О мерах по улучшению работы следственного аппарата органов прокуратуры и охраны общественного порядка» особое внимание обращается на необходимость повышения эффективности деятельности следственных органов, строгого соблюдения социалистической законности при расследовании преступлений. Важное значение для укрепления социалистической законности при производстве дознания и предварительного следствия имеет правильное применение норм уголовного и уголовно-процессуального права, ибо «Закон живет, действует лишь тогда, когда он исполняется», — отмечает Л. И. Брежнев².

Эти требования партии и правительства могут быть выполнены лишь при условии постоянной заботы о повышении квалификации следователей. Не случайно поэтому среди других мер, направленных на улучшение теоретической и практической подготовки следственных работни-

¹ См. С. В. Бородин, Разрешение вопроса о возбуждении уголовного дела. «Библиотека следователя», изд-во ВНИИ МВД СССР, 1970.

² См. «Правда» 13 июня 1970 г.

ков, значительное место занимает издание пособий по актуальным проблемам предварительного следствия.

Работой профессора С. В. Бородина «Разрешение вопроса о возбуждении уголовного дела» начинается цикл пособий, составляющих «Библиотеку следователя», которую издает Всесоюзный научно-исследовательский институт МВД СССР совместно со следственным управлением МВД СССР. Как пишет в предисловии к работе заместитель министра внутренних дел СССР генерал-лейтенант юстиции Б. А. Виктор, «Библиотека следователя» издается в целях повышения уровня теоретических знаний, расширения юридического кругозора следователей. Цикл выпускаемых пособий является важной формой служебной подготовки работников следствия, повышения их профессионального мастерства».

При разработке тематики пособий учитывалось, что работа следователя в современных условиях требует от него все более разносторонних и глубоких знаний. В связи с этим на страницах выпусков «Библиотеки следователя» предполагается освещать процессуальные и тактические вопросы применения новой техники в следственной работе; вопросы взаимодействия следователя с общественностью, с оперативными аппаратами и специалистами различных профилей, привлекаемыми к участию в выполнении следственных действий. Учитывая, что в настоящее время успех в раскрытии преступления достигается главным образом коллективными усилиями следственных работников, специалистов, сотрудников оперативных и иных аппаратов МВД, координирующих свою работу на подлинно научной основе, в «Библиотеке следователя» предполагается уделить большое внимание проблемам научной организации труда следователей, обеспечению высокой культуры в их работе, ее высокой эффективности. Планируется также подготовка пособий, освещающих специфику расследования наиболее сложных уголовных дел. К подготовке пособий наряду с научными сотрудниками привлекаются и опытные практические работники.

Как нам представляется, книга профессора Бородина, посвященная одной из наиболее актуальных проблем советского уголовного процесса — разрешению вопроса о возбуждении уголовного дела, является удачным началом «Библиотеки следователя». Несмотря на то, что возбуждению уголовного дела как стадии советского судо-

производства уделяли внимание многие авторы, некоторые вопросы до настоящего времени не получили достаточно полного и всестороннего освещения. В частности, круг обстоятельств, подлежащих установлению в этой стадии уголовного процесса, и объем их исследования; значение факторов, влияющих на внутреннее убеждение лица, полномочного возбудить уголовное дело; закрепление следов преступления, а также предотвращение или пресечение преступлений при возбуждении уголовного дела и др. По некоторым вопросам, имеющим важное теоретическое и практическое значение, в юридической литературе высказаны противоречивые, а нередко и взаимоисключающие рекомендации.

На распространенность и опасность нарушений законности, связанных с необоснованным возбуждением уголовных дел или с необоснованным отказом в возбуждении уголовного дела, неоднократно обращалось внимание в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 10 декабря 1965 г., в приказах Генерального прокурора СССР, министра внутренних дел СССР, решениях коллегий Прокуратуры СССР и МВД СССР. В то же время в правовой литературе мало внимания уделяется изучению причин подобных нарушений закона и разработке мер по их устранению.

Работа С. В. Бородина выгодно отличается тем, что анализ проблем возбуждения уголовного дела дается на основе проведенного социологического исследования. При подготовке пособия были использованы материалы выборочного обследования, в процессе которого изучено 900 уголовных дел и материалов об отказе в их возбуждении. Изучение сопровождалось анкетированием.

В работе даются конкретные рекомендации следственным работникам, направленные на обеспечение законного и обоснованного возбуждения уголовных дел. Автор при изложении проблем возбуждения таких дел исходит из необходимости строжайшего соблюдения социалистической законности в уголовном судопроизводстве.

В главе I рассматривается задача и сущность возбуждения уголовного дела в советском уголовном процессе. С. В. Бородин показывает, что сущность данной стадии состоит не только в возбуждении дела, как это, например, указано в наименовании главы восьмой Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и принято в юридической ли-

тературе, но и в процессуальной деятельности до принятия решения по заявлению или сообщению. В связи с этим автор аргументированно критикует точку зрения тех процессуалистов, которые сводят стадию разрешения вопроса о возбуждении уголовного дела только к вынесению постановления о возбуждении дела и считают деятельность органа дознания, следователя, прокурора и судьи до вынесения этого постановления непроцессуальной.

В работе справедливо подчеркивается, что запрещенное производить следственные действия до возбуждения уголовного дела не исключает уголовно-процессуального характера действий следователя в данной стадии. Это важное положение призвано служить укреплению законности. Оно обязывает лицо, производящее проверку заявлений и сообщений о преступлениях, строго руководствоваться законом. Вместе с тем, на наш взгляд, в изменении наименования стадии возбуждения уголовного дела, указанного в законе, нет необходимости. При всем многообразии вопросов, входящих в содержание процессуальной деятельности рассматриваемой стадии уголовного процесса, все-таки основной вопрос, характеризующий существо стадии и нашедший отражение в ее наименовании,— это возбуждение уголовного дела при наличии к тому законного повода и достаточного основания. Кроме того, наименование «стадия возбуждения уголовного дела» прочно укоренилось в судебно-следственной практике и юридической литературе, и без действительной необходимости изменять общепринятую терминологию нецелесообразно.

В главе II рассматриваются органы, разрешающие вопрос о возбуждении уголовного дела, и пределы их компетенции. Автор подчеркивает, что возбуждение дела — это не только право, но и обязанность государственных органов. Невыполнение этой обязанности является нарушением закона и несовместимо с интересами государства и общества.

Глава III посвящена поводам и основаниям как необходимым условиям возбуждения уголовного дела. При этом профессор Бородин большое внимание уделяет непосредственному обнаружению признаков преступления органом дознания, следователем, прокурором или судом. Анализируя понятие оснований к возбуждению уголовного дела, он говорит, что следует иметь в виду обстоятель-

ства, наличие которых обязательно при разрешении вопроса о возбуждении этого дела. А именно:

1) необходимы признаки преступления в деянии, о котором свидетельствует повод;

2) должно быть достаточно данных, указывающих на то, что преступное деяние имело место в действительности.

При этом в рецензируемом пособии в отличие от ряда других работ, посвященных стадии возбуждения уголовного дела, не только констатируется необходимость установления признаков преступления, но и делается, на наш взгляд, успешная попытка раскрыть содержание этого требования. Автор, отвечая на вопрос, о чем же должны свидетельствовать признаки преступления, показывает на конкретных примерах, что не случайно закон говорит о признаках преступления, а не о составе преступления, и, следовательно, устанавливать все элементы состава преступления в совокупности в этой стадии советского уголовного процесса не требуется. Таким образом, нет необходимости устанавливать все признаки преступления, характеризующие в отдельности объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону. Для разрешения вопроса о возбуждении уголовного дела достаточно отдельных признаков, которые могут относиться к любому из элементов состава преступления. В работе также показывается, что следует понимать под достаточностью данных, указывающих на то, имело ли место преступное деяние в действительности. На основе анализа «отказных» материалов, а также случаев необоснованного возбуждения уголовных дел¹ автор пришел к выводу, что неправильная оценка данных, указывающих на признаки преступления, является одной из главных причин допускаемых ошибок.

Отмечая, что вопрос о достаточности данных для возбуждения уголовного дела разрешается в каждом слу-

¹ Автором проводилось выборочное изучение обоснованности возбуждения уголовных дел, прекращенных в ходе расследования по различным основаниям. В результате исследования выяснилось, что 15% прекращенных дел были возбуждены необоснованно. По результатам изучения 2724 уголовных дел, проведенного лабораторией социологических методов исследования кафедры уголовного процесса Высшей школы МВД СССР, необоснованно возбужденными признаны 19,5% прекращенных дел (прим. авторов).

чае с учетом конкретной ситуации и предусмотреть их во всем многообразии невозможно, он в то же время полагает, что можно указать на отдельные моменты, которые при этом должны учитываться.

Во-первых, вывод о наличии признаков преступления должен основываться на фактах, а не на предположениях; факты должны быть конкретными, вытекать с необходимостью из обстоятельств деяния, о котором поступило сообщение.

Во-вторых, источник, из которого черпаются факты, не должен вызывать никаких сомнений. Каждый раз необходимо проверять установленные законом гарантии достоверности источника (предупреждение заявителя об ответственности за ложный донос, письменная форма сообщения учреждением, предприятием, организацией и должностным лицом о преступлении, занесение в протокол устных заявлений и др.).

В-третьих, юридический анализ имеющихся данных должен убеждать, что в деянии достаточно признаков для вывода о готовящемся или уже совершенном преступлении и в то же время не усматривается обстоятельств, препятствующих возбуждению уголовного дела.

В работе, на наш взгляд, правильно подчеркивается, что задержание подозреваемого в порядке ст. 122 УПК РСФСР является следственным действием и в соответствии с действующим законодательством может производиться только после возбуждения уголовного дела. По мнению автора, нельзя отождествлять задержание как процессуальный институт с самим фактом задержания лица и доставления его в отделение милиции. Между тем задержанным в процессуальном смысле слова лицо становится лишь после того, как составлен протокол о задержании.

Следует отметить некоторую непоследовательность позиции С. В. Бородина в этом вопросе. Так, указывая на недопустимость задержания до возбуждения уголовного дела (стр. 43), он в главе VI о мерах по обеспечению раскрытия преступления и устранения обстоятельств, способствовавших преступлению при возбуждении уголовного дела отмечает, что одной из наиболее эффективных мер воспрепятствования продолжению начатой преступной деятельности в стадии возбуждения дела является задержание в порядке ст. 122 УПК РСФСР (стр. 116).

В главе IV рассматривается круг вопросов, связанных с принятием решения об отказе в возбуждении уголовного дела. На основе изучения практики в работе отмечается распространённость и опасность неправильного отказа в возбуждении уголовного дела — этого грубого нарушения социалистической законности. По словам автора, ничто более не способствует совершению новых преступлений, как сознание безнаказанности за прежнее преступление, нередко порождаемое необоснованными отказами в возбуждении уголовного дела.

В работе подробно анализируются различные обстоятельства, являющиеся основанием для отказа в возбуждении уголовного дела. К ним автор относит также обстоятельства, указанные в ст. 10 УПК РСФСР (стр. 68—69). На наш взгляд, с этой точкой зрения нельзя согласиться. Статья 10 УПК РСФСР предусматривает направление материалов без возбуждения уголовного дела на рассмотрение товарищеского суда или комиссии по делам несовершеннолетних, передачу виновного на поруки коллективу трудящихся или общественной организации для перевоспитания и исправления. В этой статье указываются условия для принятия такого решения: а) совершение лицом малозначительного или не представляющего большой общественной опасности преступления; б) очевидность факта преступления; в) возможность исправления лица мерами общественного воздействия.

Представляется, что при применении ст. 10 УПК РСФСР должно выноситься не постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, а постановление о направлении материалов без возбуждения уголовного дела на рассмотрение товарищеского суда, комиссии по делам несовершеннолетних и т. д. Различие между направлением материалов на рассмотрение общественности в порядке ст. 10 и отказом в возбуждении уголовного дела с направлением поступившего заявления или сообщения на рассмотрение общественной организации, товарищескому суду, коллективу трудящихся (в соответствии с п. 2 ст. 113 УПК РСФСР) состоит в том, что в первом случае передаются материалы о преступлениях (хотя и малозначительных или не представляющих большой общественной опасности), а во втором — речь идет о правонарушениях или нарушениях правил социалистического общежития, которые не образуют преступления.

Вопрос об основаниях и порядке применения ст. 10 УПК РСФСР в 1970 году рассматривался на методическом совете Прокуратуры СССР. В результате обсуждения большинство участников высказалось за то, что в данном случае должно выноситься постановление о направлении материалов без возбуждения уголовного дела.

Глава V посвящена рассмотрению вопросов, связанных с передачей заявления или сообщения по подследственности или подсудности.

Следует также отметить, что автор большое внимание уделил мерам по закреплению следов преступления и по предотвращению или пресечению преступления при возбуждении уголовного дела.

В целом пособие профессора С. В. Бородина, в котором глубоко и всесторонне рассматривается широкий круг вопросов, возникающих в стадии возбуждения уголовного дела, представляет несомненный интерес как для следственных работников органов внутренних дел и прокуратуры, так и для работников органов дознания, слушателей и преподавателей юридических заведений.

V. КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

Помощник прокурора Гродненского района Витебской области советник юстиции А. П. С л а б у х а в своем сообщении обращает внимание на имеющую место связь хищений социалистического имущества с другими преступлениями и на необходимость выявления фактов хищения при расследовании таких, в частности, преступлений, как самогоноварение и спекуляция продуктами полеводства.

Как показало проведенное автором изучение практики расследования дел о самогоноварении, по ним не всегда выясняются источники приобретения сырья для изготовления самогона. Из изученных 72 дел источники приобретения сырья для изготовления самогона выяснились лишь по двум.

Так, у рабочей совхоза «Гродненский» Бычковской при обыске 2 января 1970 г. было обнаружено 40 л браги для изготовления самогона. По словам Бычковской, она для изготовления браги затратила 16 кг ржаной муки и 300 г дрожжей. В ходе расследования не выяснилось, где Бычковская приобрела муку для изготовления самогона, хотя в совхозе ржаная мука рабочим не выдавалась и в торговую сеть в тот период для реализации также не поступала. Однако органы дознания так и не выяснили источник приобретения сырья для приготовления самогона.

По некоторым делам при допросе обвиняемых хотя и задаются вопросы об источниках приобретения продуктов для самогоноварения, но в дальнейшем их показания проверяются без достаточной тщательности, а иногда и вообще не проверяются. Факты же хищения могут быть установлены только при последовательной проверке версии о связи самогоноварения с хищением продуктов полеводства.

При обысках у жителей деревни Вишневец Гродненского района Бернатовича Ивана работники милиции обнаружили 7 л самогона, а у его брата Бернатовича Станислава 2 бидона браги, приготовленной для изготовления самогона. Помимо самогона у Бернатовича Ивана было обнаружено 36 кг ячменя и 584 кг ржаной муки, а у Бернатовича Станислава — 153 кг ржи и 613 кг ячменя. Присутствовавшая при обыске жена Станислава сообщила, что она для изготовления самогона затратила 8 кг ржаной муки, которую муж привез с мельницы после размолы ржи, купленной им якобы на рынке.

Работник милиции, производивший расследование, выдвинул версию о возможном хищении продуктов полеводства для изготовления самогона. Эта версия основывалась на том, что братья Бернатовичи работали в совхозе «Гродненский», где продукты полеводства рабочим и служащим не выдавались и не продавались.

В ходе проверки указанная версия подтвердилась. Как было установлено расследованием, в совхозе «Гродненский» орудовала группа расхитителей продуктов полеводства в составе заведующего складом Домбровского, начальника производственного участка Евпака, шофера межсовхозной автобазы Матук и братьев Бернатовичей.

В период уборки урожая путем частичного неоприходования продукции по складу были созданы значительные излишки зерна: ржи 2927 кг, овса 9358 кг и других культур. Зерно расхищалось указанной группой и продавалось населению окружающих деревень. Всего преступники похитили 2385 кг ржи, 2950 кг ячменя и значительное количество других культур. Братья Бернатовичи часть похищенного зерна забрали себе, изготовив из него самогон, который затем распивался указанной группой расхитителей.

Иногда между лицом, изготавливающим самогон, и расхитителями зерна оказываются скупщики этого зерна, перепродающие его по более высоким ценам. Так, Додин, работающий в одном из колхозов Гродненского района, продавал рожь среди жителей района. Он объяснил, что купил зерно у неизвестных ему лиц. После возбуждения уголовного дела следователь поставил задачу установить этих лиц и проверить, не могли ли они продавать похищенное. Проверка этой версии увенчалась

успехом. Следствием было установлено, что в период перевозки зерна со станции Гродно в совхоз «Яскевичи» завхоз этого совхоза Юрчук и шофер межсовхозной автобазы Чуладо, пользуясь тем, что продукция перевозилась без взвешивания и сопроводительных документов, похитили 15 мешков зерна. Похищенное зерно они продали Додину по 18 руб. за каждый мешок. Додин же перепродал зерно по 20 руб. за мешок. Юрчук и Чуладо привлечены к уголовной ответственности за хищение, а Додин — за покупку заведомо краденного и спекуляцию продуктами полеводства.

Таким образом, тщательное выяснение источника приобретения зерна для изготовления самогона или для перепродажи позволяет выявить расхитителей зерна, способствует предупреждению хищений продуктов полеводства.

* * *

Из прокуратуры Мордовской АССР прокурор-криминалист младший советник юстиции Толмачев и старший следователь советник юстиции Володин сообщают об успешном расследовании уголовного дела о хищении денежных средств на электроламповом заводе Саранского производственного объединения «Светотехника» старшим бухгалтером расчетного бюро по начислению и выплате заработной платы цеха № 13 Постновой и кассиром этого же цеха Цибановой.

Последние незаконно начисляли заработную плату рабочим, которые уволились из цеха № 13 или находились в очередных отпусках. Постнова и Цибанова расписывались от имени указанных рабочих в получении денег в платежных ведомостях и изымали деньги из кассы. Всего таким образом ими было присвоено за три года свыше 15 тыс. руб.

Трудность расследования этого преступления заключалась в том, что многие лица, на имя которых незаконно начислялась заработная плата, уволились с завода и выехали в различные области страны. Всех их необходимо было допросить с предъявлением ведомостей. Но поскольку в каждую ведомость преступницы незаконно вносили несколько фамилий, то высылать одну и ту же ведомость поочередно в различные области было невозможно, так как это надолго затянуло бы расследование.

Решили использовать криминалистическую технику, в частности аппарат ДОКУФО. На нем отпечатали большое количество фотокопий платежных ведомостей, которые вместе с отдельными поручениями направлялись по установленным новым адресам лиц, незаконно включенных в эти ведомости.

Если свидетели ознакомились с копией ведомости, где имелась в натуральную величину подпись, выполненная от их имени, заявляли, что она исполнена не ими, у них отбирались образцы экспериментального письма и подписей, а также образцы свободных подписей. После исполнения отдельных поручений все материалы направлялись на почерковедческую экспертизу. Всего было направлено и выполнено около 30 таких отдельных поручений. Применение криминалистической техники помогло выяснить с достаточной полнотой многие эпизоды хищения.

Верховный Суд Мордовской АССР осудил Постнову и Цибанову по ст. 93¹ УК РСФСР к длительным срокам лишения свободы.

* * *

Заместитель прокурора Витебской области советник юстиции Филоненко сообщает нам, как в результате проявленной оперативности и кропотливой работы старшего следователя Берина в короткий срок было раскрыто серьезное преступление.

11 марта 1970 г. в районе парка «Мазурино» г. Витебска около городской свалки снега была обнаружена хозяйственная сумка с трупом новорожденного ребенка. Труп, завернутый в кусок скатерти и темно-синюю трикотажную футболку, находился в целлофановом мешочке. На дне сумки обнаружили пропитанную кровью газету «Советская Белоруссия» за 22 января 1970 г. без каких-либо пометок на ней. В наружном кармане сумки лежал клочок бумаги с записью: «6-22-74 ДСО «Спартак» Лида Патока».

В этот же день по факту обнаружения трупа новорожденного ребенка было возбуждено уголовное дело.

Судебно-медицинское исследование трупа показало, что ребенок родился живым, доношенным и жизнеспособным в конце девятого месяца внутриутробного раз-

вития. При вскрытии эксперт установил обширные кровоизлияния в мягкие ткани головки, переломы свода и основания черепа, кровоизлияния в полость черепа. Согласно заключению эти повреждения прижизненные, возникли после родов от действия твердого тупого предмета. Характер переломов дал основания считать, что в данном случае имело место сдавливание головки; не исключалось также, что оно сочеталось с ударом. Установить давность смерти младенца эксперт не мог, так как минусовая температура наружного воздуха задержала процесс гниения.

Было установлено, что цифры «6-22-74» являются служебным номером телефона инструктора Витебского областного совета ДСО «Спартак» Патоки Лидии Борисовны. Как выяснилось, к убийству ребенка она никакого отношения не имела. Патока работала вместе с шестью другими инструкторами, но объяснить, кто конкретно мог записать номер ее служебного телефона, она не могла.

Так как в сумке были обнаружены футболка и номер телефона спортивного общества, следователь выдвинул версию о том, что женщина, причастная к убийству ребенка, связана со спортом.

На собраниях коллективов спортивных обществ тов. Берин информировал присутствующих об обнаружении трупа ребенка, предъявлял им сумку и записку, выяснял, не видел ли кто-нибудь указанные предметы. Однако никто из спортсменов ничего конкретного сказать не мог.

Патока и другие инструкторы на допросах заявили, что в основном им звонят по телефону руководители спортивных секторов различных предприятий и учреждений. Следователь решил сверить почерки с запиской, а также просмотреть в областном обществе «Спартак» все имеющиеся записи спортсменов: заполненные анкеты, автобиографии, заявления и другие документы, которые они составляют в период проведения соревнований. Эта кропотливая работа увенчалась успехом. К концу третьего дня Берин обнаружил анкету, заполненную инструктором физподготовки Витебского горплодоовощеторга Какориной. Ее почерк был очень похож на почерк записки, выполненной на клочке бумаги. Следователь сразу же установил местожительство Какори-

ной, пригласил ее в отделение милиции и предъявил записку.

По словам Какориной, предъявленная записка написана ее рукой, но как она оказалась в сумке, в которой был обнаружен труп младенца, не знает. Как пояснила допрашиваемая дальше, она никогда не рожала и к убийству ребенка никакого отношения не имеет.

Врач-гинеколог, освидетельствовавший Какорину, установил, что она рожала.

Следователь тщательно подготовился к допросу Какориной. Он разъяснил ей, что все ее показания будут проверены. После некоторого запирательства допрашиваемая призналась в совершенном преступлении.

Почерковедческая экспертиза установила, что упомянутая записка выполнена Какориной. В процессе осмотра места работы Какориной, где, по ее показаниям, она рожала, были обнаружены и изъяты стул и спальный мешок с обильными пятнами крови. Место, куда Какорина выбросила сумку с трупом ребенка, указанное ею, точно совпадало с данными, имевшимися в протоколе осмотра места происшествия.

Какорину осудили к трем годам лишения свободы.

СОДЕРЖАНИЕ

I. РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ

Три цифры на газете — В. А. Образцов (и/ред. И. А. Руденко)	3
Взаимодействие с органами милиции привело к раскрытию опасного преступления — А. А. Шерстнев (и/ред. В. В. Панкратов)	25
Целенаправленная информация населения помогла быстро раскрыть убийство — Н. А. Ин (и/ред. В. М. Коган)	38
Анализ обстановки места происшествия помог установить личность убийцы — М. П. Глейхман (и/ред. А. Б. Соловьев)	44
Как был изобличен насильник и убийца — <u>В. С. Юровских</u>	51
Расследование «старого» убийства — А. Г. Полегенько (и/ред. А. П. Сафонов)	64
Преступник задержан с помощью общественности — А. Ф. Николаенко, М. К. Губушкин (и/ред. Л. А. Соя-Серко)	69
Некоторые причины необоснованного прекращения дел об изнасиловании — А. Л. Рудзницкий	74

II. РАССЛЕДОВАНИЕ ХИЩЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА

Раскрытие хищения путем анализа черновых записей — А. С. Сенчура (и/ред. А. Н. Ларьков)	81
Расследование хищения денежных средств в горкоме профсоюза — Н. К. Сухарев (и/ред. Ю. Р. Михеев)	91
Хищение денежных средств в парикмахерской г. Куйбышева — С. Есаулов (и/ред. В. Б. Ястребов)	99
Расследование хищения на Сапожковском комбинате бытового обслуживания населения — Л. М. Цыбулевский (и/ред. В. Б. Ястребов)	105
Умелая работа следователя с бухгалтерскими документами обеспечила раскрытие хищения — Г. С. Саркисов (и/ред. В. П. Дементьев)	111

Расследование по уголовному делу о простое подвижного состава МПС — В. В. Погорелов (и/ред. Т. М. Арзуманян)	117
--	-----

III. ЭКСПЕРТИЗА НА СЛУЖБЕ СЛЕДСТВИЯ

Из практики трасологических исследований изделий массового производства при расследовании хищений государственного и общественного имущества — Л. Н. Мороз	122
--	-----

IV. РЕЦЕНЗИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Новая работа, посвященная стадии возбуждения уголовного дела — Ю. Н. Белозеров, А. А. Чувилов	128
---	-----

V. КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

А. П. Слабуха, Толмачев и Володин (и/ред. Ю. Р. Михеев), Филоненко (и/ред. Ю. П. Анохин)	136
--	-----

РЕПОЗИТОРИЙ ГЛ

Коллектив авторов
«СЛЕДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА»

Выпуск 93

Редактор *Е. А. Лопатина*
Художественный редактор *И. Е. Сайко*
Технический редактор *А. А. Густовская*
Корректор *В. Д. Рыбакова*

Сдано в набор 31/VIII 1971 г. Подписано в печать 25/ XI 1971 г. Бумага типографская № 3, формат 84×108¹/₃₂. Объем: усл. печ. л. 7,56; учет.-изд. л. 7,0. Тираж 9300 экз.

Издательство «Юридическая литература»,
Москва, К-64, ул. Чкалова, д. 38—40,

Заказ № 4980.

Областная типография Ивановского
управления по печати, г. Иваново,
Типографская, 6.

Цена 35 коп.